

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X Print
ISSN 2782-2990 Online

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JURIDICAL JOURNAL

OF SAMARA UNIVERSITY

ТОМ 8 • №4 • 2022 ГОД

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 8 • № 4 • 2022 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

Е-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-680026 от 13 декабря 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Подписной индекс в объединенном каталоге

«Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 28.12.2022. Выход в свет 31.12.2022

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 11.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Боланча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долгинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет), Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, доц. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет), г. Самара, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трешева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юдин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Яшук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2022

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X

**JURIDICAL
JOURNAL
OF SAMARA UNIVERSITY**

Vol. 8 • № 4 • 2022

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF

The Journal is included by the HAC in the *List of leading scientific editions*, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from c 30.11.2017

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public Law (State Law) sciences
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal Sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media III № ФС

77-680026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФС 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 28.12.2022.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 11.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, associate professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

V. D. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

Коллектив юридического института Самарского университета – лауреат премии «Юрист года в Самарской области» 7

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Бородин А. В., Логинова И. А., Полянский В. В. Восприятие экстремизма и терроризма студенческой молодежью Самарской области 9

Горлов Е. В., Шириня А. А. Основные правовые механизмы защиты конституционного права на свободу мысли и слова в современной России 20

Гавриленко В. А., Шеншин В. М. Актуальные проблемы и направления совершенствования административного процесса в деятельности МЧС России 26

Фархутдинов Р. Д. Вина в налоговых правоотношениях 34

Демин А. В., Молина А. Ю. Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины к антиуклонительной норме 37

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Адоевская О. А. Принципы уголовно-исполнительного права и проблемы гарантирования прав осужденных 46

Иванчин А. В., Силантьев С. А. «Оскорбление религиозных чувств верующих» как цель преступлений против религиозной свободы (ст. 148 УК РФ): проблемы законодательной техники 52

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Jovičić K. A. Trade usages in the law of international sale of goods 58

Кривокапич Б. Д. Понятие, происхождение и развитие дипломатии 62

Самович Ю. В., Юн Л. В. Избирательное право лиц, лишенных свободы: позиции Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации 74

Трибуна молодого ученого

Очкина А. А. Судебная защита отцовских прав 82

Требования к оформлению статей 87

CONTENTS

EVENTS

Staff of the Law Institute of the Samara University is the winner of the «Lawyer of the year in the Samara region» award 7

PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

Borodin A. V., Loginova I. A., Polyansky V. V. Perception of extremism and terrorism by student youth of the Samara region 9

Gorlov E. V., Shirinya A. A. Main legal mechanisms for the protection of the constitutional right to freedom of thought and speech in modern Russia 20

Gavrilenko V. A., Shenshin V. M. Actual problems and directions of improving the administrative process in the activities of the Ministry of Emergency Situations of Russia 26

Farkhutdinov R. D. Guilt in the form of intent in tax relations 34

Demin A. V., Molina A. Yu. Unjustified tax benefit: from the judicial doctrine to the anti-avoidance rule 37

CRIMINAL SCIENCES

Adoyevskaya O. A. Principles of penal law and problems of guaranteeing the rights of convicts 46

Ivanchin A. V., Silantev S.A. «Disrespect for religious people's feelings» as the aim of offences against freedom of religion (Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of legislative technique 52

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Jovičić K. A. Trade usages in the law of international sale of goods 58

Krivokapich B. D. Concept, origin and development of diplomacy 62

Samovich Yu. V., Yun L. V. Suffrage of persons deprived of liberty: positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation 74

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Ochkina A. A. Judicial defence of father's rights 82

Requirements to the design of articles 87

СОБЫТИЯ

EVENTS

Коллектив юридического института Самарского университета – лауреат премии «Юрист года в Самарской области»

Staff of the Law Institute of the Samara University is the winner of the «Lawyer of the year in the Samara region» award

7 декабря 2022 года в самарском Дворце спорта имени В. С. Высоцкого в рамках празднования Дня юриста состоялось торжественное вручение престижной премии «Юрист года в Самарской области».

В номинации «Юридическая наука и образование» лауреатом премии «Юрист года в Самарской области» стал коллектив Юридического института Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева», который представляли директор юридического института, заведующий кафедрой теории и истории государства и права и международного права Безверхов Артур Геннадьевич, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Кленова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой государственного и административного права Полянский Виктор Владимирович, заведующий

кафедрой гражданского и предпринимательского права Рузанова Валентина Дмитриевна, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Савельев Константин Анатольевич, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права Юдин Андрей Владимирович.

Премию вручил председатель Самарского областного суда Кудинов Вадим Вячеславович.

Юридическая премия «Юрист года в Самарской области» является признанием заслуг высококвалифицированных юристов перед населением Самарской области. В каждой номинации могут присуждаться две премии: одна – единоличному соискателю, другая – коллективу соискателей. В этом году участие в конкурсе приняли государственные и муниципальные служащие, адвокаты, нотариусы, а также другие представители юридического сообщества.

Поздравляем трудовой коллектив юридического института Самарского университета с заслуженной победой! Желаем здоровья, благополучия и дальнейших творческих успехов!

*Поздравление редакции журнала
«Юридический вестник Самарского университета»*

*Congratulations to the editors of the magazine
«Juridical Journal of Samara University»*

ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ
PUBLIC LAW (STATE-LEGAL) SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-4-9-19

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342

Дата поступления 25.08.2022
рецензирования: 27.09.2022
принятия: 28.10.2022

**Восприятие экстремизма и терроризма студенческой молодежью
Самарской области**

А. В. Бородин

Адвокатское партнерство «Арзиани, Бородин и партнеры», г. Самара, Российская Федерация;
Палата адвокатов Самарской области, г. Самара, Российская Федерация
E-mail: urist033@yandex.ru

И. А. Логинова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: okean559@yandex.ru

В. В. Полянский

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: polansky.v@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются аспекты отношения студенческой молодежи к экстремизму на основе результатов массового социологического опроса студентов Самарской области. Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время экстремизм стал проблемой не только в России, но и во всем мире. При этом нет уверенности, что подрастающее поколение обладает адекватными установками по отношению к этому антисоциальному явлению. Целями статьи стали выявление проблемных областей в сфере информационно-просветительской работы с молодежью и выработка рекомендаций для работников вузов по совершенствованию профилактики экстремизма среди студенческой молодежи. В статье раскрываются особенности представлений студентов о сущности экстремизма и терроризма, фиксируются противоречия в уровне идентификации девиаций разного рода, анализируется уровень готовности противостоять экстремизму и сотрудничать с органами правопорядка в вопросах предотвращения экстремистских деяний. В заключении авторы освещают приоритетные направления профилактической работы среди молодежи на основании выявленных лагун в когнитивной и поведенческой составляющих восприятия экстремизма.

Ключевые слова: экстремизм; терроризм; молодежь; отношение к экстремизму; экстремизм в сети Интернет; социальный профиль группы; профилактика экстремизма; противодействие экстремизму и терроризму.

Цитирование. Бородин А. В., Логинова И. А., Полянский В. В. Восприятие экстремизма и терроризма студенческой молодежью в Самарской области // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 9–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-9-19>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Бородин А. В., Логинова И. А., Полянский В. В., 2022

Алексей Викторович Бородин – адвокатское партнерство «Арзиани, Бородин и партнеры», 443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. Водников, 60, оф. 711; вице-президент Палаты адвокатов Самарской области, 443093, г. Самара, ул. Мориса Тореза, 1а.

Ирина Анатольевна Логинова – кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии и культурологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

Виктор Владимирович Полянский – профессор, кандидат юридических наук, заведующий кафедрой государственного и административного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.08.2022
Revised: 27.09.2022
Accepted: 28.10.2022

Perception of extremism and terrorism by student youth of the Samara region

A. V. Borodin

Arziani, Borodin and Partners Law Partnership, Samara, Russian Federation;
Chamber of Lawyers of the Samara region, Samara, Russian Federation
E-mail: urist033@yandex.ru

I. A. Loginova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: okean559@yandex.ru

V. V. Polyansky

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: polansky.v@gmail.com

Abstract: The article deals with aspects of the students' attitude to extremism based on the results of a mass sociological survey of students in the Samara region. The relevance of the topic is due to the fact that at present extremism has become a problem not only in Russia, but throughout the world. At the same time, there is no certainty that the younger generation has adequate attitudes towards this antisocial phenomenon. The purpose of the article is to identify problem areas in the field of outreach work with youth and develop recommendations for university staff to improve the prevention of extremism among students. The article reveals the features of students' ideas about the essence of extremism and terrorism, emphasizes contradictions in the level of identification of various kinds of deviations, analyzes the level of students' willingness to resist extremism and cooperate with law enforcement agencies in preventing extremist acts. In conclusion, the authors highlight the priority areas of preventive work among young people based on the identified gaps in the cognitive and behavioral components of the perception of extremism.

Key words: extremism; terrorism; youth; attitude towards extremism; extremism on the Internet; group social profile; prevention of extremism; countering extremism and terrorism.

Citation. Borodin A. V., Loginova I. A., Polyansky V. V. *Vospriyatie ekstremizma i terrorizma studencheskoi molodezh'yu v Samarskoi oblasti* [Perception of extremism and terrorism by student youth of the Samara region]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 9–19. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-9-19> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Borodin A. V., Loginova I. A., Polyansky V. V., 2022

Alexey V. Borodin – Arziani, Borodin and Partners Law Partnership, office 711, 60, Vodnikov Street, Samara, 443099, Russian Federation; vice-president of the Chamber of Lawyers of the Samara region, 1a, Morisa Toreza Street, Samara, 443093, Russian Federation.

Irina A. Loginova – Candidate of Psychological Sciences, associate professor of the Department of Sociology and Cultural Studies, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Viktor V. Polyansky – Candidate of Legal Sciences, professor, head of the Department of State and Administrative Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Сегодня не существует ни одного государства в мире, которое бы не столкнулось с проявлениями экстремизма и терроризма. Масштабы и скорость распространения данных социальных явлений делают актуальным формирование в обществе, особенно среди молодежи, атмосферы нетерпимости к экстремистской деятельности, неприятия экстремистской идеологии. Органы государственного управления, общественные организации не могут не ответить на эти вызовы идеологии и практики экстремизма и терроризма. В рамках исполнения пунктов 4.3.1, 4.3.4 и 4.3.5 Комплексного плана противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 года № Пр-2665) Общественным советом при ГУ МВД России по Самарской области весной 2021 года было инициировано проведение социологического исследования «Студенческая молодежь Самарской области как объект и субъект воздействия идеологии экстремизма и терроризма» [1].

Объектом исследования выступили студенты 18 учебных заведений Самарской области (17 вузов и один колледж). В ходе исследования методом онлайн-анкетирования опрошено беспрецедент-

ное количество студентов – 4815 человек. Средний возраст респондентов составил 19,6 года. Цель исследования – разработка рекомендаций по профилактике и противодействию терроризму и идеологии экстремизма, по оптимизации правового и патриотического воспитания в вузах Самарской области, а также выявление социальных групп студенческой молодежи, подверженных воздействию идеологии терроризма, для оказания им дальнейшей психолого-педагогической помощи.

Почему именно студенческая молодежь стала объектом пристального внимания? При кажущейся очевидности ответа на данный вопрос остановимся на главных, по нашему мнению, аргументах.

Во-первых, неумолимая статистика показывает, что именно молодежь является основной движущей силой экстремистских движений: средний возраст террориста – 27,9 года; до 70 % террористов – это люди в возрасте 18–29 лет; возраст террориста-смертника – 18–27 [2, с.188].

Во-вторых, внедрение экстремизма в молодежную среду в настоящее время приобрело угрожающие масштабы. По данным исследователей, на территории страны действуют более 210 неформальных молодежных объединений, в том числе

экстремистской направленности, насчитывающих около 16 тыс. человек [3, с. 353].

В-третьих, экстремистские высказывания и призывы к действиям, попадающим под так называемые «экстремистские статьи» УК РФ, чаще всего распространяются через сеть Интернет. А как известно, именно молодые люди составляют основную массу пользователей социальных сетей, блогов и форумов. Так, Бедрик А. В., Зарбалиев В. З. в своей работе пишут: «Анализ посещаемости сайтов показывает, что из всех представленных идеологических направлений у молодежи наиболее велик интерес к праворадикальной идеологии. Некоторые сайты экстремистской направленности по числу посетителей могут конкурировать с сайтами официальных молодежных организаций, опирающихся на мощный административный ресурс» [4, с. 44].

В отечественной науке накоплен заметный пласт работ, на эмпирическом уровне исследующих молодежный экстремизм. Прежде всего это исследования Зубок Ю. А., Чупрова В. И., Давыдова Д. Г., Черных А. А. [5–8]. И, как показывает практика таких исследований, тема молодежного экстремизма обширна и многоаспектна. Данная статья фокусируется на конкретной исследовательской задаче – характеристика когнитивной составляющей отношения студентов к экстремизму. В частности, рассматривается уровень информированности студентов об экстремизме и терроризме. С практической точки зрения полученная информация позволяет выявить лакуны и слабые места в представлениях студентов об экстремизме и терроризме и сформировать на этой базе рекомендации для педагогических работников о том, по каким именно темам следует усилить информационно-просветительскую работу в вузах.

Также в статье кратко рассмотрены результаты анализа поведенческой готовности студентов поддерживать экстремизм в Сети и готовности оказывать помощь сотрудникам правоохранительных органов при противодействии экстремизму как важных показателей отношения к экстремизму.

Происхождение понятия «экстремизм» корнями уходит к французскому слову *extremisme* и латинскому слову *extremis*, что в переводе означает «крайний», «предельный», «критический». Но, как известно, перевод не может быть определенным. В принципе любая девиация – выход за пределы нормы, и любое преступление, как частная форма девиации – это тоже крайняя степень антисоциального поведения. Однако, мы не относим всю преступность к экстремизму. Экстремизм – это приверженность в идеологии и политике к крайним позициям во взглядах и выбор таких же средств для достижения определенных целей.

Не случайно в практике правоприменения экстремизм отождествляется с насильственным фактором. Понятие «экстремист» часто ассоциируется с лицом, которое отстаивает, пропагандирует и применяет насилие в противовес существующим

нормам общества. Иногда так называют людей, которые пытаются навязать свою волю социуму с помощью силы, но не так, как правительство или конституционное большинство. Так, Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 09.06.2017 рассматривает экстремизм как «идеологию и практику, направленные на разрешение политических, социальных, расовых, национальных и религиозных конфликтов путем насильственных и иных антиконституционных действий» [9].

Это определение экстремизма положено в основу его трактовки в российском законодательстве, что нашло отражение в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г.). В данном документе экстремистская идеология – это совокупность взглядов и идей, представляющих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов [10].

В целом в научной среде считается, что экстремизм – это продолжение и дальнейшее развитие радикализма, и экстремизм трактуется как крайняя форма радикализма в том его проявлении, которое касается использования крайних мер и методов борьбы, направленных на изменение существующей социально-политической ситуации [11].

Какое содержание вкладывают в это понятие студенты? Уровень информированности студентов о явлении экстремизма нельзя назвать высоким и даже достаточным. Термин «экстремизм» оказался сложным для их понимания. Адекватные ответы дали менее половины опрошенных – 44,1 %. Неверные трактовки экстремизму указали 44,7 % опрошенных, при этом еще 11,2 % (что более десятой части опрошенных) затруднились с определением (рисунок 1). Это говорит, о том, что само явление экстремизма в сознании студентов размыто и не наполнено конкретным содержанием.

Гораздо более понятным для студентов выступает терроризм как социальное явление. Терроризм, как известно, – это «особая форма, прежде всего, политического насилия... это совершение демонстративно деструктивных, разрушительных действий для того, чтобы вызвать страх, запугать своих противников или же все население, физически уничтожив их представителей или нанеся значительный материальный ущерб» [12, с. 139–140]. Федеральный закон «О противодействии терроризму» определяет терроризм как «идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанные с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий» [13].

При определении этого понятия студентами доля верных ответов превысила половину опрошенных – 51,6 %. Число затруднившихся с

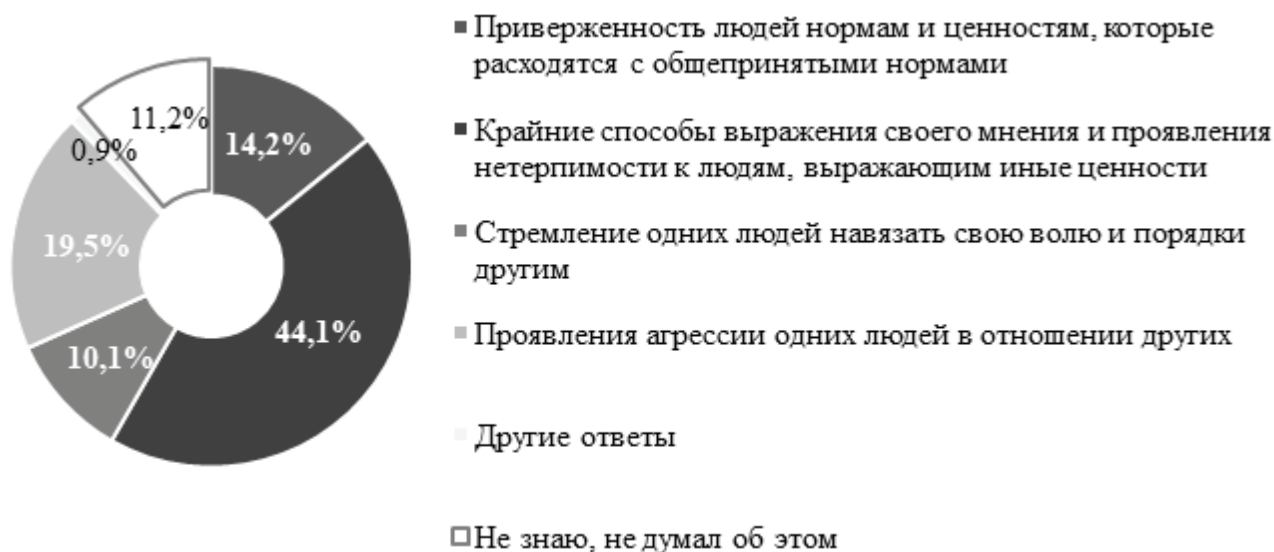

Рисунок 1 – Представления студентов об экстремизме (N=4815 чел.)

Figure 1 – Students' perceptions of extremism (N=4815 people)

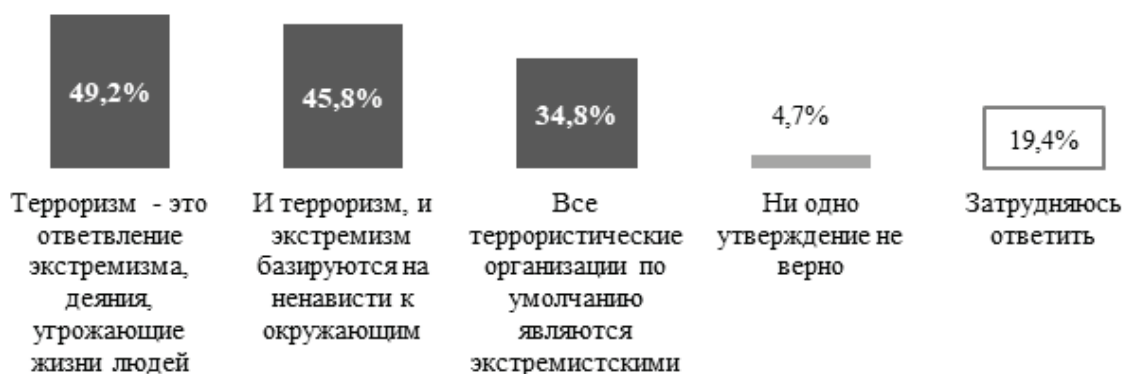

Рисунок 2 – Представления студентов о связи терроризма и экстремизма (N=4815 чел.)

Figure 2 – Students' perceptions of the connection between terrorism and extremism (N=4815 people)

определением терроризма минимально – 2,6 %. Терроризм в сознании большинства тесно связан с насилием, устрашением и угрозами и физическим устранением своих противников. Однако даже в случае с «понятным» терроризмом студенты не всегда верно проводят связь между ним и экстремизмом, не воспринимают эти два явления как звенья одной цепи. Терроризм основывается на экстремистской идеологии и считается крайним проявлением экстремизма [10]. Но такое представление о терроризме как о крайней форме экстремизма не закреплено в сознании студентов: только каждый второй (49,2 %) считает терроризм ответвлением экстремизма. И только третья часть опрошенных (34,8 %) согласны с тем, что все террористические организации по умолчанию являются экстремистскими (рисунок 2).

Важно отметить, что у студентов возникают сложности не просто с толкованием термина «экстремизм», а со смысловой наполненностью этого явления – они не до конца различают, какие именно

формы и конкретные примеры девиантного поведения следует считать экстремизмом, а какие – нет.

С опорой на рекомендуемую Министерством науки и высшего образования РФ трактовку экстремизма как звена в цепи деструктивных деяний: радикализм – экстремизм – фанатизм – терроризм [14] – в ходе опроса осуществлялось тестирование на предмет понимания, к какому типу деяний следует отнести тот или иной пример девиации. Его результаты подтвердили вывод о том, что студенты испытывают трудности с пониманием экстремизма. Из данных, приведенных в таблице 1, видно, что:

1) лучше всего опрошенные студенты справились с идентификацией случаев терроризма;

2) в отношении же не столь явных насильственных действий доля сомневающихся в том, что это экстремизм, сильно возрастает;

3) выявлен целый ряд деяний, которые студенты затруднились отнести к какой-либо форме девиаций (в таблице 1 выделены светло-серым цветом).

Таблица 1 – Идентификация студентами примеров девиантного поведения (N=4815 чел.)
 Table 1 – Identification by students of examples of deviant behavior (N=4815 people)

Примеры	Радикализм	Экстремизм	Фанатизм	Терроризм	Загруднились ответить
Публичные призывы к изгнанию людей определенных национальностей из страны – это...	29,9 %	32,3 %	9,1 %	3,4 %	25,2 %
Возбуждение ненависти или вражды, унижение человеческого достоинства представителей какой-либо группы населения – это...	17,2 %	45,3 %	9,1 %	6,3 %	22,1 %
Захват заложников на борту самолета – это...	0,8 %	5,3 %	0,7 %	85,7 %	7,5 %
Организация сообщества, выступающего за ограничение прав людей определенной расы, – это...	26,6 %	29,0 %	15,9 %	3,9 %	24,6 %
Публичное ношение нацистской формы или символики – это...	9,5 %	36,9 %	29,7 %	5,8 %	18,1 %
Публикация в соцсетях постов, призывающих бороться с представителями какой-либо религии, – это...	13,1 %	44,5 %	16,6 %	5,2 %	20,6 %
Запрет исповедовать определенную религию на какой-либо территории (например, в поселке или городе) – это...	29,0 %	24,5 %	14,9 %	3,2 %	28,4 %
Сознательная порча государственного флага Российской Федерации – это ...	10,4 %	46,9 %	5,9 %	12,6 %	24,2 %
Проведение митинга, демонстрации без получения разрешения в установленном законом порядке – это...	12,4 %	34,4 %	7,8 %	3,7 %	41,6 %
Участие в деятельности религиозного объединения, запрещенного на территории государства, – это...	7,1 %	34,7 %	20,1 %	12,3 %	25,8 %
Взрыв рейсового автобуса с пассажирами или подготовка к взрыву – это...	1,0 %	3,5 %	1,2 %	84,4 %	9,8 %
Заведомо ложное сообщение о готовящемся взрыве – это...	2,8 %	26,8 %	4,1 %	39,0 %	27,3 %
Участие в вооруженном формировании, не предусмотренном федеральным законом, – это...	5,0 %	19,5 %	2,5 %	52,9 %	20,0 %
Публичное оправдание действий нацистов во время Второй мировой войны – это...	13,6 %	29,7 %	21,8 %	5,5 %	29,4 %
Призывы к отсоединению от страны и неподчинению федеральным законам – это...	25,8 %	31,1 %	5,4 %	4,5 %	33,2 %
Карикатурные изображения представителей какой-либо религии – это...	11,0 %	23,9 %	21,5 %	2,0 %	41,6 %
Публикация в соцсетях постов, призывающих поучаствовать во флешмобе в поддержку какой-либо идеи – это...	7,2 %	17,4 %	28,3 %	1,5 %	45,6 %
Призывы к самоубийству в поддержку какой-либо идеи или человека – это...	8,1 %	39,1 %	16,3 %	15,6 %	20,9 %

Безусловно, эта ситуация – следствие объективной многогранности самого явления, включающего разные поведенческие формы. Тем не менее результаты опроса помогают понять, на какие виды девиаций следует обратить внимание в плане уси-

ления разъяснительной работы с молодежью. Эти данные со всей очевидностью указывают на необходимость углубления информационно-просветительской работы в студенческой среде, проведение регулярной диагностической и разъяснительной

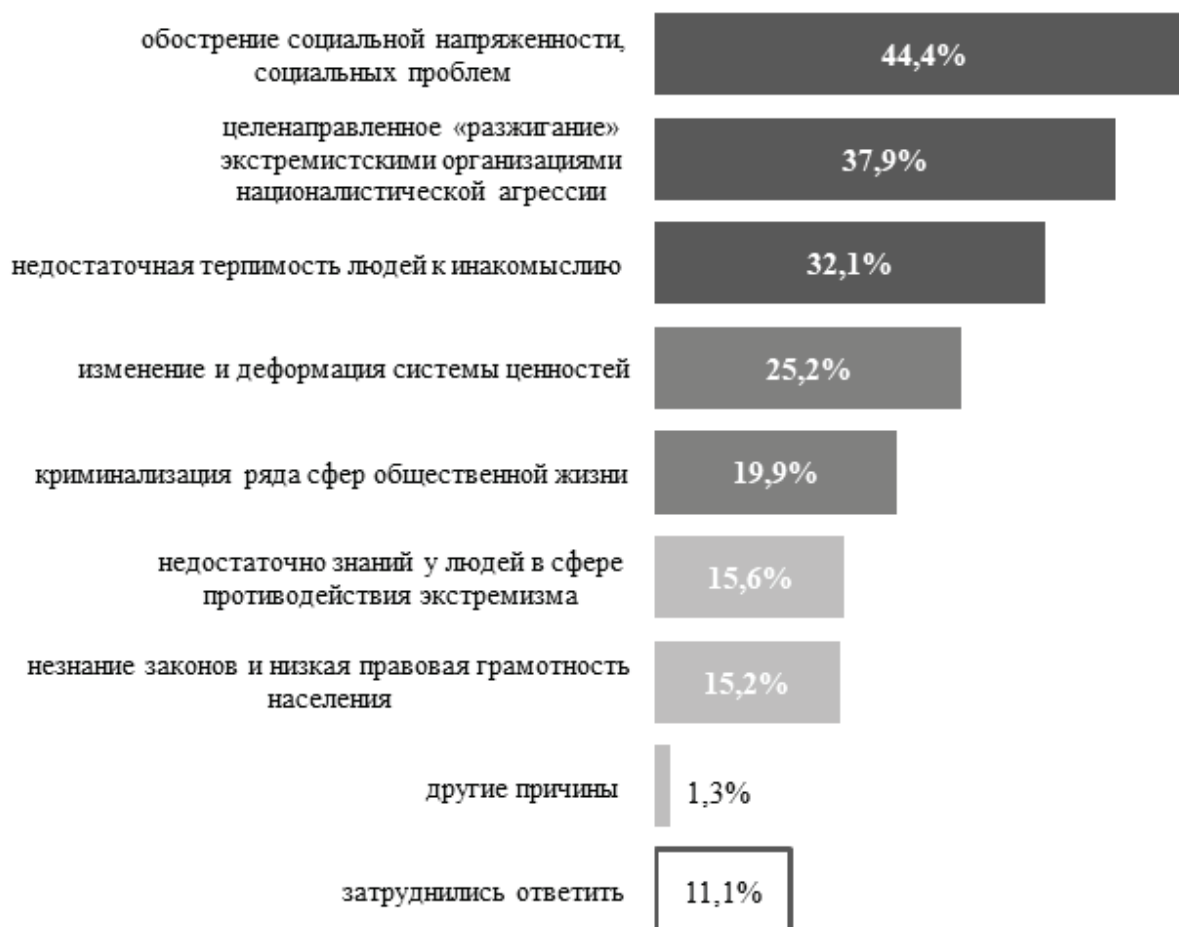

Рисунок 3 – Студенты о причинах экстремизма (N=4815 чел.)
Figure 3 – Students about the causes of extremism (N=4815 people)

работы со студентами по вопросам сущности экстремизма и противодействия его проявлениям.

Важной отправной точкой для успешного проведения информационно-пропагандистских мероприятий должно стать знание о том, что студенты адекватно понимают истоки нарастания экстремизма в обществе. Большинство исследователей и аналитиков сегодня сходятся во мнении, что причины данного явления не во внешнем влиянии (вернее, не только в нем), а прежде всего – во внутренних противоречиях и социальной напряженности в самом обществе [15; 16].

Опрошенные студенты, несмотря на сложности с пониманием термина «экстремизм», адекватно воспринимают его причины, видя их в первую очередь в обострении социальной напряженности в обществе, вызванной такими проблемами, как «выживание» на рынке труда, социальное неравенство, снижение авторитета правоохранительных органов и т. п. (рисунок 3). Данная аналитическая информация указывает на то, что определенная часть респондентов, возможно, имеет потенциал недовольства, связанного с фактическим социальным неравенством, что также может способствовать возникновению и активизации экстремистских проявлений.

События прошлого 2021 года актуализировали проблематику участия в массовых акциях и поведения во время посещения таких акций. Исследование показало, что в этом отношении для молодежи также многое неясно. Среди студентов наблюдается определенная дезориентация в плане допустимого и недопустимого поведения в ходе массовых акций. В частности:

- молодые люди не знают своих прав по взаимодействию с полицией,
- считают, что существует запрет на присутствие на митинге без документов, удостоверяющих личность,
- полагают, что на митинге недопустимо присутствие несовершеннолетнего в сопровождении взрослого.

Студенты дезориентированы, и в результате их представления о запретах избыточны (видят запреты там, где их нет). В частности, молодые люди не знают своих прав по взаимодействию с полицией в ходе массовых акций, считая, что с ней нельзя вступать в диалог или снимать ее действия на видео (таблица 2). Но при этом значительная часть опрошенных (42 %) полагают, что сопротивление полиции – а это характерный эталонный момент в отношении радикализма – допустимо в опреде-

ленных ситуациях и не является преступлением (рисунок 4).

Таким образом, можно констатировать наличие лагун и даже противоречий («общаться с полицией нельзя, но сопротивляться ей можно») в том, что принято называть правовой грамотностью студентов в контексте участия в массовых мероприятиях.

Рисунок 4 – Распределение ответов на вопрос: «Согласны ли Вы с тем, что сопротивление полиции в определенных случаях может быть оправдано?» (N=4815 чел.)

Figure 4 – Distribution of answers to the question: «Do you agree that resistance to the police can be justified in certain cases?» (N=4815 people)

Отдельная важная тема – это экстремизм в сети Интернет. С одной стороны, студенты неплохо осведомлены о том, какие именно темы публикаций могут квалифицироваться как экстремистские (рисунок 5). Возглавила своеобразный антирейтинг тема оправдания фашизма. Большинство студентов (66 %) полагают, что публикации на эту тему будут считаться экстремистскими. Чуть более половины опрошенных (52, %) уверены, что признаки экстремизма можно усмотреть в публикациях, оскорбляющих чувства верующих. Призывы к от-

делению части государства тоже являются экстремизмом – так считают 42,2 %

Но в то же время у определенной части студенчества формируются искаженные представления о том, что под запрет попадают публикации, связанные с критикой власти или негативным отношением к социально-политической ситуации в стране. С точки зрения формирования гражданского общества нарастание таких настроений среди молодежи – тревожный симптом, свидетельствующий о формировании «послушного поколения». Опасность в том, что «послушность» может изображаться, а скрываемое за ней недовольство может способствовать возникновению и активизации экстремистских проявлений.

Тревожным сигналом надо считать то, что для заметной части опрошенных критическое восприятие социальной действительности ассоциируется с экстремизмом. Негативное отношение к проводимой властью политике, равно как и ее критика, не должно вызывать опасения у молодежи. Если эти атрибуты свободы слова воспринимаются как «запретные», это может указывать на формирование тоталитарного сознания.

Необходимо обратить внимание, что каждый пятый студент затруднился выделить экстремистские темы (20,1 %). Эта категория нерелексивно относящихся к постам в соцсетях молодых людей может стать объектом манипуляций в сети.

Для анализа отношения к экстремизму на поведенческом уровне в анкету был включен вопрос о готовности поддерживать экстремизм: «Представьте, что Вам предложили за хорошую оплату поддержать в соцсети экстремистскую организацию: ставить лайки на ее странице, делать репосты и размещать в своем аккаунте публикации о ней. Согласились бы Вы на такое сотрудничество?»

Подавляющее большинство (80 %) негативно отреагировали на этот провокационный вопрос и заявили, что не согласились бы принять это предложение ни при каких условиях. Число тех, кто потенциально готов рассматривать такое предло-

Таблица 2 – Студенты о допустимом и недопустимом поведении на массовом митинге (N=4815 чел.)
 Table 2 – Students about acceptable and unacceptable behavior at a mass rally (N=4815 people)

Варианты поведения	Допустимо	Недопустимо	Затруднились ответить
Слушать и выполнять все требования организаторов митинга, не нарушающие закон и порядок	80,3 %	5,0 %	14,7 %
Для самообороны принести с собой нож	7,4 %	75,4 %	17,2 %
Принести с собой нацистский флаг	1,3 %	86,1 %	12,5 %
Предлагать другим одеть повязку с нацистским символом	1,1 %	87,7 %	11,2 %
Фотографировать и снимать на видео полицейских	29,8 %	31,0 %	39,1 %
Прийти на акцию в легком алкогольном опьянении	2,3 %	80,8 %	16,9 %
Не взять с собой паспорт	11,1 %	55,6 %	33,3 %
Привести с собой на митинг несовершеннолетнего подростка	4,2 %	73,0 %	22,8 %
Вступать в диалог с сотрудником полиции	40,0 %	12,3 %	47,4 %

Рисунок 5 – Представления студентов о «запретных» темах для публикации в сети Интернет (N=4815 чел.)

Figure 5 – Students' perceptions of «forbidden» topics for publication on the Internet (N=4815 people)

жение, невелико и составило 4,7 %. При этом у большей части из них (4,4 %) решение будет зависеть от уровня оплаты за эти услуги (рисунок 6).

Эти данные позволяют говорить о наличии у большинства студентов устойчивой установки на неприятие экстремизма на поведенческом уровне: студенты заявляют о своей неготовности содействовать экстремизму даже на выгодных для себя условиях. Тем не менее есть небольшая группа тех, кто не отказался бы от такого предложения (4,7 %). Не стоит успокаиваться тем, что доля таких студентов невелика. База экстремистских действий не обязательно должна быть широкой. Заинтересованная сила (интерес ее может быть и корыстным, и идеологическим) может просто использовать имеющийся конфронтационный контингент в своих целях.

В связи с этим особый интерес представлял анализ социального портрета этой группы. В исследовании он был осуществлен с помощью метода расчета структурных коэффициентов¹. Социальный профиль этой потенциально «слабой», неустойчивой с точки зрения противостояния экстремизму группы студенческой молодежи представлен следующими характеристиками. Гендерный состав характеризуется доминированием мужчин. По уровню материальной обеспеченности среди них больше, чем в выборке, лиц с доходами ниже

среднего, либо, напротив, с очень высокими доходами. Также среди них больше молодых людей с активной жизненной позицией (состоят в каких-либо формальных и неформальных организациях,

Рисунок 6 – Распределение ответов на вопрос: «Представьте, что Вам предложили за хорошую оплату поддержать в соцсети экстремистскую организацию: ставить лайки на ее странице, делать репосты и размещать в своем аккаунте публикации о ней. Согласились бы Вы на такое сотрудничество?» (N=4815 чел.)

Figure 6 – Distribution of answers to the question: «Imagine that you were offered to support an extremist organization on a social network for good pay: like its page, make reposts and post publications about it in your account. Would you agree to such cooperation?» (N=4815 people)

¹ Суть метода – в сравнении долей определенной группы в общем массиве опрошенных и в конкретном целевом типе (группе). Значение структурного коэффициента больше 1 означает, что данная социальная группа преимущественно представлена в данном типе потребления, является «чертой его своеобразия».

принимают активное участие в университетских/ факультетских мероприятиях). Они чаще общаются с друзьями онлайн или вообще не имеют близких друзей. И интересный нюанс – студенты этой группы чаще говорят о наличии у них опыта столкновения с экстремизмом в реальной жизни, т. е. они лучше осведомлены об экстремизме и его проявлениях.

Заключительный аспект, освещаемый в рамках данной статьи, – готовность студенческой молодежи сотрудничать с полицией. В развитие темы противодействия экстремизму респондентам был задан вопрос о готовности оказывать помощь сотрудникам правоохранительных органов при противодействии экстремизму. В целом о своей готовности к сотрудничеству в той или иной степени заявил каждый второй опрошенный студент (51,2 %, рисунок 7). Это позитивный показатель, учитывая не самый высокий уровень доверия правоохранительным органам в нашем обществе, проявляющийся в том числе и в противоречивом убеждении студентов о недопустимости вступления в диалог с полицией, но о допустимости оказывать ей сопротивление в определенных случаях (см. выше).

Однако значительная часть – более четверти опрошенных (26,3 %) – колеблется и не знает, что ответить на данный вопрос. О своей неготовности

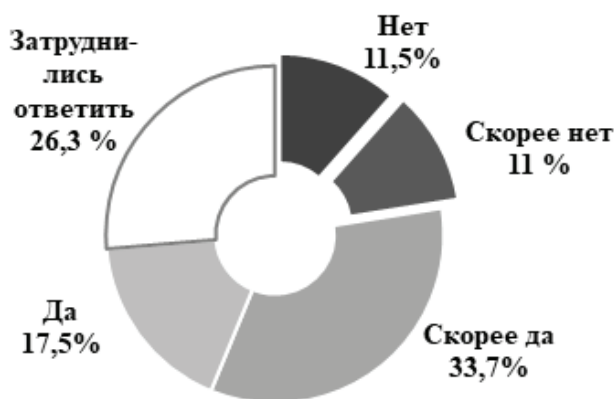

Рисунок 7 – Студенты о своей готовности оказывать помощь сотрудникам правоохранительных органов при противодействии экстремизму, в том числе анонимно (например, предоставляя интернет-ссылки на предположительно экстремистские материалы и т. п., N=4815 чел.)

Figure 7 – Students about their willingness to assist law enforcement officers in countering extremism, including anonymously (for example, by providing Internet links to allegedly extremist materials, etc., N=4815 people)

сотрудничать заявил каждый пятый опрошенный (22,5 %). При этом в ходе анализа не было установлено зависимости готовности помогать правоохранительным органам от социально-демографических факторов. Единственный показатель, с которым коррелирует уровень готовности сотрудничать, – это отношение к экстремизму: чем выше уровень осуждения действий экстремистов, тем выше декларируемая готовность к сотрудничеству.

Итак, исследование показало, несмотря на то, что тема экстремизма и его проявлений, что называется, «на слуху», у представителей студенчества существуют определенные пробелы в понимании природы и сущности этого опасного для функционирования общества явления. Поэтому приоритетной задачей являются разъяснение сущности экстремизма и террора, их общественной опасности и формирование объективных подходов к транслированию указанных идей учащимся учебных заведений. В ряду комплексных мер по формированию правовой культуры студенчества можно выделить следующие.

Во-первых, необходимо значительное расширение правовой составляющей образования. Знание своих прав и свобод поможет студентам сформировать у себя чувство уважения к правам и свободам других людей, в том числе к их жизни, здоровью и достоинству. Также следует внедрять в учебные программы специальные курсы по противодействию религиозному и политическому экстремизму, таких как «Современные подходы к пониманию экстремизма», и модули, посвященные профилактике межэтнических и межрелигиозных конфликтов.

Во-вторых, важно эффективное и широкомасштабное использование сети Интернет для целей профилактики. В частности, необходимо создание площадок (сайтов) для онлайн-обсуждений проблем, связанных с радикализмом, экстремизмом и терроризмом в разных формах их проявления. Также на этих площадках следует усилить контртеррористическую пропаганду, но психологически выстроенную, оперирующую правдивыми фактами и предлагающую альтернативные способы поведения.

В-третьих, в воспитательной работе основной акцент должен быть сделан на формирование гражданско-патриотического самосознания. Студенческие конкурсы, кино- и музыкальные фестивали могут не только способствовать творческой самореализации молодежи, но и поддерживать жизненный оптимизм, что, в свою очередь, является существенным фактором противодействия радикальным идеологиям.

Библиографический список

1. Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2019–2023 годы (утв. Президентом Российской Федерации 28 декабря 2018 года № Пр-2665). URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/17.01.2019_3584-vkh_Putin_V.V._Kotukov_M.M.pdf (дата обращения: 30.05.2022).
2. Скибо Т. Ю., Енютина М. В., Гасов В. Ю. Противодействие молодежному экстремизму в России и в мире: сравнительный анализ // Воздушно-космические силы. Теория и практика. 2018. № 7 (7). С. 187–199. URL: <https://>

cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-molodezhnomu-ekstremizmu-v-rossii-i-v-mire-sravnitelnyy-analiz; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35660241>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vagkwc>.

3. Бойко О. А., Кишеньков Д. Г., Ревягин А. В., Еремеев С. Г. Профилактика экстремизма в среде студенческой молодежи // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2021. Т. 26, № 3 (86). С. 352–359. DOI: <http://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-386-352-359>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bvueaw>.

4. Бедрик А. В., Зарбалиев В. З. Факторы распространения молодежного экстремизма на Юге России на современном этапе // Caucasian Science Bridge. 2018. Т. 1, № 1. С. 36–48. DOI: <http://doi.org/10.23683/2018.1.1.3>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yutnvj>.

5. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социологические исследования. 2008. № 5 (289). С. 37–46. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10246372>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iqftoh>.

6. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Самоорганизация в проявлениях молодежного экстремизма // Социологические исследования. 2009. № 1 (297). С. 78–88. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11664902>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvgvst>.

7. Давыдов Д. Г. Причины молодежного экстремизма и его профилактика в образовательной среде // Социология образования. 2013. № 10. С. 4–18. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20278570>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbtqvz>.

8. Черных А. А. К вопросу о молодежном экстремизме // Территория науки. 2013. № 5. С. 178–185. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27186434>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wwxyet>.

9. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 09.06.2017 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://docs.cntd.ru/document/542655220>.

10. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005290036> (дата обращения: 25.05.2022).

11. Петракова А. С. Экстремизм: теоретико-методологический анализ // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 207–211. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27162580>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wwkjid>.

12. Ольшанский Д. В. Психология терроризма. Санкт-Петербург: Питер, 2002. 288 с. URL: <http://ezolib.ru/5400.html>.

13. Федеральный Закон «О противодействии терроризму». Принят Государственной думой 26 февраля 2006 года. Одобрен Советом Федерации 1 марта 2006 года // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349083&backlink=1&&nd=102105192> (дата обращения: 25.05.2022).

14. Информационно-методические материалы по доведению до обучающихся норм законодательства РФ, устанавливающих ответственность за участие и содействие в террористической деятельности, разжигание социальной, расовой национальной и религиозной розни, создание и участие в деятельности общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя РФ. URL: https://samsmu.ru/files/news/2020/3012/ter_mp_09.pdf (дата обращения: 02.06.2022).

15. Шарапов А. В. Педагогический анализ причин возникновения молодежного экстремизма в контексте социализации личности // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Педагогика и психология». 2017. № 2. С. 24–31. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29842718>. EDN: <https://elibrary.ru/zdbgil>.

16. Джумаева Р. Х. Экстремизм в России: причины возникновения и распространения // Теория и практика общественного развития. 2014. № 14. С. 127–129. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22001058>. EDN: <https://elibrary.ru/snlrlj>.

References

1. *Kompleksnyi plan protivodeystviya ideologii terrorizma v Rossiiskoi Federatsii na 2019–2023 gody (utv. Prezidentom Rossiiskoi Federatsii 28 dekabrya 2018 goda № Pr-2665)* [Comprehensive plan to counter the ideology of terrorism in the Russian Federation for 2019–2023 (approved by the President of the Russian Federation on December 28, 2018 № Pr-2665)]. Available at: https://minobrnauki.gov.ru/files/17.01.2019_3584-vkh_Putin_V.V._Kotukov_M.M.pdf (available at 30.05.2022) [in Russian].

2. Skibo T. Yu., Enyutina M. V., Gasov V. Yu. *Protivodeystvie molodezhnomu ekstremizmu v Rossii i v mire: sravnitel'nyi analiz* [Counteracting youth extremism in Russia and in the world: a comparative analysis]. *Vozdushno-kosmicheskie sily. Teoriya i praktika* [Aerospace forces. Theory and practice], 2018, no. 7 (7), pp. 187–199. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivodeystvie-molodezhnomu-ekstremizmu-v-rossii-i-v-mire-sravnitelnyy-analiz>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35660241>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vagkwc> (accessed 30.05.2022) [in Russian].

3. Boiko O. A., Kishen'kov D. G., Revyagin A. V., Eremeev S. G. *Profilaktika ekstremizma v srede studencheskoi molodezhi* [Prevention of extremism in youth]. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh* [Psychopedagogics in Law Enforcement], 2021, vol. 26, no. 3 (86), pp. 352–359. DOI: <http://doi.org/10.24412/1999-6241-2021-386-352-359>. EDN: <https://www.elibrary.ru/bvueaw> [in Russian].

4. Bedrik A. V., Zarbaliyev V. Z. *Faktory rasprostraneniya molodezhnogo ekstremizma na Yuge Rossii na sovremennom etape* [Extremism in the South of Russia: distributive factors and forms of manifestation]. *Caucasian Science Bridge*,

- 2018, vol. 1, no. 1, pp. 36–48. DOI: <http://doi.org/10.23683/2018.1.1.3>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yutnvj> [in Russian].
5. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Molodezhnyi ekstremizm. Sushchnost' i osobennosti proyavleniya* [Youth extremism. Essence and specific manifestations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2008, no. 5 (289), pp. 37–46. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10246372>. EDN: <https://www.elibrary.ru/iqftoh> [in Russian].
6. Zubok Yu. A., Chuprov V. I. *Samoorganizatsiya v proyavleniyakh molodezhnogo ekstremizma* [Self-organization in youth extremism manifestations]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, 2009, no. 1 (297), pp. 78–88. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=11664902>. EDN: <https://www.elibrary.ru/jvgvst> [in Russian].
7. Davydov D. G. *Prichiny molodezhnogo ekstremizma i ego profilaktika v obrazovatel'noi srede* [The factors youth extremism and its prevention in the education]. *Sotsiologiya obrazovaniya*, 2013, no. 10, pp. 4–18. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20278570>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rbtqvz> [in Russian].
8. Chernykh A. A. *K voprosu o molodezhnom ekstremizme* [To the question of youth extremism]. *Territoriya nauki*, 2013, no. 5, pp. 178–185. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27186434>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wxyet> [in Russian].
9. *Konventsia Shankhaiskoi organizatsii sotrudnichestva po protivodeistviyu ekstremizmu ot 09.06.2017* [Convention of the Shanghai Cooperation Organization on Combating Extremism as of 09.06.2017]. Retrieved from the official Internet-portal of legal information. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/542655220>. [in Russian].
10. *Strategiya protivodeistviya ekstremizmu v Rossiiskoi Federatsii do 2025 goda. Utverzhdena Ukazom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii ot 29 maya 2020 g. № 344* [Strategy for countering extremism in the Russian Federation until 2025. Approved by the Decree of the President of the Russian Federation as of May 29, 2020 № 344]. Retrieved from the official Internet-portal of legal information. Available at: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202005290036> (accessed 30.05.2022) [in Russian].
11. Petrakova A. S. *Ekstremizm: teoretiko-metodologicheskii analiz* [Extremism: theoretical and methodological analysis]. *Obshchestvo i pravo* [Society and Law], 2016, no. 3 (57), pp. 207–211. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27162580>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wwkjid> [in Russian].
12. Olshansky D. V. *Psikhologiya terrorizma* [Psychology of terrorism]. Saint Petersburg: Piter, 2002, 288 p. Available at: <http://ezolib.ru/5400.html> [in Russian].
13. *Federal'nyi Zakon «O protivodeistvii terrorizmu». Prinyat Gosudarstvennoi dumoi 26 fevralya 2006 goda. Odobren Sovetom Federatsii 1 marta 2006 goda* [Federal Law «On Combating Terrorism». Adopted by the State Duma on February 26, 2006. Approved by the Federation Council on March 1, 2006]. Retrieved from the official Internet-portal of legal information. Available at: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&prevDoc=102349083&backlink=1&&nd=102105192> (accessed 25.05.2022) [in Russian].
14. *Informatsionno-metodicheskie materialy po dovedeniyu do obuchayushchikhsya norm zakonodatel'stva RF, ustanavlivayushchikh otvetstvennost' za uchastie i sodeistvie v terroristicheskoi deyatel'nosti, razzhiganie sotsial'noi, rasovoi natsional'noi i religioznoi rozni, sozdanie i uchastie v deyatel'nosti obshchestvennykh ob"edinenii, tseli i deistviya kotorykh napravleny na nasil'stvennoe izmenenie osnov konstitutsionnogo stroya RF* [Information and methodological materials on bringing to students the norms of the legislation of the Russian Federation establishing responsibility for participation and assistance in terrorist activities, incitement of social, racial, national and religious hatred, creation and participation in the activities of public associations, the goals and actions of which are aimed at forcibly changing the foundations constitutional system of the Russian Federation]. Available at: https://samsmu.ru/files/news/2020/3012/ter_mp_09.pdf (accessed 02.06.2022) [in Russian].
15. Sharapov A. V. *Pedagogicheskii analiz prichin vozniknoveniya molodezhnogo ekstremizma v kontekste sotsializatsii lichnosti* [Pedagogical analysis of the causes of youth extremism in the context of socialization]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Pedagogika i psikhologiya»*, 2017, no. 2, pp. 24–31. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29842718>. EDN: <https://elibrary.ru/zdbgil> [in Russian].
16. Dzhumayeva R. Kh. *Ekstremizm v Rossii: prichiny vozniknoveniya i rasprostraneniya* [Extremism in Russia: causes of occurrence and expansion]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, no. 14, pp. 127–129. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22001058>. EDN: <https://elibrary.ru/snlrlj> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.727

Дата поступления 20.08.2022
рецензирования: 23.09.2022
принятия: 28.10.2022

**Основные правовые механизмы защиты конституционного права
на свободу мысли и слова в современной России**

Е. В. Горлов

Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: evgorlov@sevsu.ru

А. А. Шириня

Севастопольский государственный университет,
г. Севастополь, Российская Федерация
E-mail: anastasia.shirinya@gmail.com

Аннотация: В статье исследуются правовые механизмы защиты конституционного права на свободу мысли и слова в России. Обосновывается актуальность темы в современных условиях. Анализируются проблемы с научно-практическим подходом применения прецедентной практики с целью разработки актуальных рекомендаций для совершенствования механизма правовой защиты конституционного права на свободу мысли и слова. Целью статьи является анализ и изучение правовых механизмов конституционного права на свободу мысли и слова в современной России. Для достижения поставленной цели определена сущность конституционного права на свободу мысли и слова; рассмотрен правовой механизм реализации и защиты права на свободу мысли и слова; проанализированы способы реализации конституционного права на защиту мысли и слова. В качестве объекта научной работы выступают материальные и процессуальные нормы конституционного права. Предметом исследования являются проблемы применения правовых механизмов защиты конституционного права на свободу мысли и слова.

Ключевые слова: Конституция РФ; конституционное право; право на свободу мысли и слова; национальное законодательство; СМИ; Конституционный Суд РФ; Президент РФ; Уполномоченный по правам человека в РФ.

Цитирование. Горлов Е. В., Шириня А. А. Основные правовые механизмы защиты конституционного права на свободу мысли и слова в современной России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-20-25>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Горлов Е. В., Шириня А. А., 2022

Евгений Владимирович Горлов – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Конституционное и административное право», юридический институт, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

Анастасия Артемовна Шириня – студент 3-го курса, юридический институт, Севастопольский государственный университет, 299053, Российская Федерация, г. Севастополь, ул. Университетская, 33.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.08.2022

Revised: 23.09.2022

Accepted: 28.10.2022

**Main legal mechanisms for the protection of the constitutional right to freedom
of thought and speech in modern Russia**

E. V. Gorlov

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
E-mail: evgorlov@sevsu.ru

A. A. Shirinya

Sevastopol State University, Sevastopol, Russian Federation
E-mail: anastasia.shirinya@gmail.com

Abstract: The article examines the legal mechanisms of protection of the constitutional right to freedom of thought and speech in Russia. The relevance of the topic in modern conditions is substantiated. The problems with the scientific and practical approach of the use of case practice are analyzed in order to develop relevant recommendations for improving the mechanism of legal protection of the constitutional right to freedom of thought and speech. The purpose of the article is to analyze the study of the legal mechanisms of the constitutional right to freedom of thought and speech in modern Russia. To achieve this goal, the essence of the constitutional right to freedom of thought and speech is determined; the legal mechanism for the implementation and protection of the right to freedom of thought and speech is considered; the

ways of implementing the constitutional right to the protection of thought and speech are analyzed. The material and procedural norms of constitutional law act as the object of scientific work. The subject of the study is the problems of the application of legal mechanisms for the protection of the constitutional right to freedom of thought and speech.

Key words: Constitution of the Russian Federation; constitutional law; right to freedom of thought and speech; national legislation; mass media; Constitutional Court of the Russian Federation; President of the Russian Federation; Commissioner for Human Rights in the Russian Federation.

Citation. Gorlov E. V., Shirinya A. A. *Osnovnye pravovye mekhanizmy zashchity konstitutsionnogo prava na svobodu mysli i slova v sovremennoi Rossii* [Main legal mechanisms for the protection of the constitutional right to freedom of thought and speech in modern Russia]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 20–25. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-20-25> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Gorlov E. V., Shirinya A. A., 2022

Evgeny V. Gorlov – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of International, Maritime and Customs Law, Law Institute, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Anastasia A. Shirinya – 3rd year student, Law Institute, Sevastopol State University, 33, Universitetskaya Street, Sevastopol, 299053, Russian Federation.

Право на свободу мысли и слова относится к наиболее важным правам человека, закрепленным в Конституции Российской Федерации (далее – РФ) [1]. Свобода выражения своего мнения, право осуществлять мыслительный процесс без ограничений – важные признаки современного правового демократического государства. Данное право получило закрепление в международных договорах, конвенциях и других законах о защите прав человека и его основных свобод, нашло отражение в конституциях развитых государств. Следует отметить, что конституционное право в национальной системе законодательства РФ особо выделяет свободу выражения своего мнения, позиций или идей как основополагающее право человека и гражданина, что очень важно для ограничения навязывания и провозглашения в государстве обязательной идеологии, а следовательно, и для соблюдения конституционности таких положений. В совокупности данные положения образуют правовой пласт, в соответствии с которым осуществляется построение гарантий прав личности в области свободного выражения своих идей, мыслей, мнений.

На сегодняшний день в современной России существует достаточное количество проблем в области реализации права на свободу слова и мысли, которые нуждаются в разрешении. К ним, например, относится и недостаточная правовая регламентация правовых механизмов реализации и защиты данного права. Учитывая вышеизложенное, аргументировать актуальность данной научной работы возможно следующим образом: с провозглашением России демократическим правовым государством появилась необходимость включения в правовую систему такого положения, как право на свободу мысли и слова. В то же время, стремительность и быстрота развития социальных отношений, в том числе и развитие институтов гласности, появление новых способов выражения мнений людей, требуют их правовой регламентации со стороны государства, именно поэтому рассмотрение данной темы очень важно для развития современной России.

Факт существования реализации права на свободу мысли и слова является предметом острых

обсуждений и дискуссий как среди политологов, юристов и государственных деятелей в общем, так и среди работников информационной среды, журналистов. Свобода мысли и слова – обязательное условие для построения демократического государства и формирования гражданского общества. Поэтому в случаях ограничения государством прав и свобод на выражение своих мыслей может привести к авторитаризму.

Основой для реализации гражданами своего права на свободу мысли и слова считается ч. 1 ст. 29 Конституции РФ [1], а также ст. 10 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод [2], ратифицированная федеральным законом от 30.03.1998 № 54-ФЗ [3]. Данные нормативные правовые акты гарантируют каждому человеку и гражданину возможность открыто выражать свое мнение, идеи, позицию по какому-либо вопросу. Статья 29 Конституции РФ [1] провозглашает свободу средств массовой информации (далее – СМИ) и недопустимость установления цензуры, благодаря чему современное российское государство по праву может быть признано демократическим. Также следует указать, что ст. 3 Федерального закона РФ от 27.12.1991 № 2124-1 «О средствах массовой информации» прямо запрещает цензуру и указывает, что «требование от редакции СМИ со стороны должностных лиц, государственных органов, организаций, учреждений или общественных объединений предварительно согласовывать сообщения и материалы (кроме случаев, когда должностное лицо является автором или интервьюируемым), а равно наложение запрета на распространение сообщений и материалов, их отдельных частей – не допускается» [4]. Необходимо также сказать о наличии права на инакомыслие – иные взгляды, убеждения, иной образ мыслей.

В своей научной работе Е. Н. Козинникова «признает важную роль СМИ и подчеркивает значение свободы мысли, слова и печати как необходимых условий развития общества, российские полицейские обосновали необходимость государственно-надзорного характера регулирования деятельности печатных изданий в России как одного

из способов обеспечения общественной безопасности в чрезвычайной ситуации» [5, с. 32].

Рассматривая термин «свобода» как важнейший аспект реализации права на свободу мысли и слова, необходимо изучить его более детально. Согласно мнению Конституционного Суда РФ, свобода выражается не только как государственная воля, заключающаяся в установлении гарантий для граждан свободно высказывать свою позицию в документальной или вербальной форме, но и как обязательное требование, условие для эффективного и результативного контроля в сфере деятельности государственного аппарата и государственного сектора в целом.

С опорой на мнение Конституционного Суда РФ реальным показателем демократизма государства выступает свобода конкретными действиями, не противоречащими ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, выражать свое мнение, говорить об убеждениях, свободно критиковать, выступать в оппозиции. При этом такую реализацию возможно осуществлять не только в рамках индивидуального подхода, но и коллективно, например с помощью участия в политических партиях.

Понятие «свобода» тесно взаимодействует с понятием «право», поэтому рассмотрение их соотношения немаловажно. По мнению Л. Д. Воеводина, сходства данных понятий состоит в их правовом характере, а именно в возможности выбрать вид поведения, предусмотренный Конституцией РФ, использовать блага как в собственных интересах, так и в общественных [6, с. 125]. В свою очередь, Т. Я. Хабриева и В. Е. Чиркин считают, что «право есть мера реализации свободы...» [7, с. 6]. О. В. Лисина, указывала, что «категории «права» и «свободы» по содержанию и форме выражения не тождественны, однако находятся во взаимосвязи, взаимообусловленности и диалектическом единстве» [8, с. 13].

Стоит помнить, что свобода всегда предполагает установление ограничений в целях соблюдения охраны порядка, прав граждан и безопасности жизнедеятельности общества (ч. 3 ст. 17 Конституции РФ) [1]. Однако, следует указать, что согласно ч. 2 ст. 29 Конституции РФ [1] не допускается пропаганда или агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, социальное, расовое, национальное, религиозное или языковое превосходство. Основной закон закрепляет право на свободу общения, что раскрывает коммуникационный характер этого права, а именно, вступать в социальные отношения людей друг с другом, передавать им информацию о собственных переживаниях, мнении в отношении различных аспектов жизни. Необходимо определить какие общественные отношения охраняет это право.

Классификации основных конституционных прав позволяет определить: личные, политические, социально-экономические и культурные права. Считаем необходимым проанализировать

эту классификацию. В качестве ее основного критерия выступает сфера жизни людей, где они реализуют все имеющиеся у них права и обязанности, а также потребности, общественные или личные интересы. Право на свободу мысли и слова относится к личным правам.

Значение мысли и слова в осуществлении вышеперечисленных прав проявляется в их реализации несмотря на то, что относится к личным (гражданским) правам человека и гражданина. Например, неосуществимы конституционные политические права человека в условиях цензуры и ограничения свободного высказывания своей политической позиции, интересов и предпочтений. В экономической, социальной, культурной сфере вторжение государства должно иметь определенные правовые рамки и ограничения, в то же время оно обязано создавать такие механизмы воздействия и регулирования, которые бы полностью способствовали реализации этих прав и их стабильному существованию.

Следует отметить, что данное право имеет существенное значение при построении демократического правового государства, осуществлении идеологического многообразия и народовластия, занимает ключевое место в системе прав и свобод человека, так как:

1) входит в общезначимую и универсальную систему прав и свобод человека;

2) относится к категории личных прав, но тесно связано с другими сферами общественной жизни и поддерживает их функционирование;

3) от реализации данного права с помощью государственных механизмов напрямую зависят эффективность функционирования правового государства, становление гражданского общества и наличие демократии в обществе и государстве.

Для обеспечения действенности положений права на свободу мысли и слова необходим определенный механизм, он основывается и подкрепляется конституционными гарантиями, которые взаимосвязаны между собой и взаимодействуют друг с другом. С помощью конституционных гарантий обеспечивается защита, а также осуществление основных конституционных прав и свобод.

К конституционным гарантиям права на свободу мысли и слова относятся: запрет цензуры (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ), запрет к принуждению выражения убеждений и мнений или к отказу от них (ч. 3 ст. 29 Конституции РФ), свобода СМИ (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ), свобода информации (ч. 4 ст. 29 Конституции РФ) [1]. Без этих гарантий это право не может существовать и реализоваться в общественных отношениях [9, с. 178], так как они являются способами, условиями и формами. Кроме того, они включают процессуальные права и правозащитные механизмы, с помощью которых человек свободно может говорить о своих интересах, мнениях, высказывать политическую и иную позиции. Но существует ряд запретов, установлен-

ных государством для защиты конституционных прав и свобод, что говорит о существовании определенной цензуры. Отсутствие законодательного закрепления этих гарантий либо их неполная регламентация свидетельствовали бы об умалении чести и достоинства личности не только лицом, которое совершило противоправные деяния, но и самим государством [10].

Функционирование и реализация прав и свобод, закрепленных Конституцией РФ, в обществе невозможна без организации государством определенных механизмов, с помощью которых бы создавались аппарат и система по претворению их в жизнь. К одному из таких защитных механизмов относится судебная власть. Конституция РФ гарантирует лицу государственную защиту его прав и свобод и возможность защищать их любыми способами, не противоречащими закону.

В нашем исследовании имеют значение решения Конституционного Суда РФ в отношении реализации этого права. Так, в Конституционный Суд РФ на рассмотрение поступила жалоба группы журналистов. Она была связана с Постановлением Верховного Совета РФ от 17.08.1992 «О газете «Известия»». В результате рассмотрения жалобы Конституционный Суд РФ признал недействительным данное Постановление по причине его несоответствия Конституции РФ, а именно по таким основаниям: Верховный Совет РФ предписал упорядочить учредительные документы газеты «Известия» и привести их в соответствие с существующим законодательством, также осуществить действия по регистрации газеты. Конституционный Суд РФ постановил, что недействительность регистрации СМИ проводится только в порядке гражданского судопроизводства, в том числе, принимая такое Постановление, Верховный Совет РФ принял на себя судебные полномочия, вторгся в деятельность судов. Следующим основанием является то, что Верховный Совет РФ дал поручение Министерству печати и информации РФ осуществить мероприятия по регистрации газеты «Известия». Такими действиями Верховный Совет РФ вмешался в сферу деятельности высших органов исполнительной власти [10].

В соответствии с ч. 2 ст. 80 Конституции РФ [1] Президент России является гарантом прав и свобод человека и гражданина и имеет широкие полномочия по защите этих прав. Президент РФ воздействует на основные ветви власти и посредством них осуществляет руководство в раз-

личных сферах жизни, например в определении направлений государственной политики или в области законотворчества. Президент РФ в своих высказываниях неоднократно подтверждал статус России как демократического государства, в котором должны развиваться всевозможные демократические институты, и тем самым подтверждал важность реализации такого права как права на свободу мысли и слова и развития составляющих это право гарантий: свобода СМИ и информации, запрет цензуры и др. Стоит сказать, что данный курс актуален и имеет дальнейшее развитие в настоящее время. Таким образом, в современном российском государстве помимо судебной ветви власти важным элементом механизма реализации права на свободу мысли и слова считается институт Президентства, который является гарантом этих прав и свобод. Указанный правовой институт эффективно способствует их защите.

Еще одним важным правовым механизмом осуществления права на свободу мысли и слова как реально существующей системы норм является правовой институт Уполномоченного по правам человека в РФ, который осуществляет контроль за деятельностью публичных органов власти, неподотчетен им и независим от какой-либо ветви власти. Так как он имеет право обратиться в суд для удовлетворения жалобы человека, гражданина РФ или иностранного гражданина по причине нарушения их прав, в том числе и на свободу слова и мысли, то, однозначно, его можно считать одним из элементов механизма процессуальной реализации прав людей. Уполномоченный по правам человека в РФ указывает на нарушения, которые затронули права граждан за текущий год, описывает и указывает на основные нарушения прав граждан за текущий год. Но стоит сказать, что его решения не имеют обязательной силы и являются рекомендательными.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что в России существуют несколько правовых механизмов защиты, восстановления и реализации права на свободу мысли и слова, что имеет существенное значение для развития гражданского общества в РФ. Такие основные правовые институты, как судебная, президентская власть и Уполномоченный по правам человека в РФ, существенно влияют на действенность провозглашения права на свободу мнения, интересов и ее функциональность в общественной жизни современной России.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399 (дата обращения: 18.08.2022).
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [№ 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом № 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160 (дата обращения: 18.08.2022).

3. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней» от 30.03.1998 № 54-ФЗ (последняя редакция). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_18263/ (дата обращения: 18.08.2022).
4. Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1 (ред. от 14.07.2022) «О средствах массовой информации». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/dbf226faae7b05a718177c78f759fd4696307d56 (дата обращения: 01.08.2022).
5. Козинникова Е. Н. Свобода слова: пределы ограничения в условиях чрезвычайных правовых режимов // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2022. № 1 (93). С. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-1-27-35>. EDN: <https://elibrary.ru/pbriqt>.
6. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие. Москва: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА М–НОРМА, 1997. 304 с. URL: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=644>.
7. Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Социальная справедливость (некоторые конституционные вопросы) // Общественные науки и современность. 2017. № 3. С. 5–14. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29333809>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrxscf>.
8. Лисина О. В. Конституционное ограничение прав и свобод человека и гражданина: понятие и пределы // Вестник Поволжского института управления. 2019. Т. 19, № 3. С. 10–18. DOI: <http://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-3-10-18>. EDN: <https://www.elibrary.ru/axoaju>.
9. Эктумаев А. Б. Свобода слова в Российской Федерации (конституционно-правовое исследование): специальность 12.00.02 «Конституционное право; конституционный судебный процесс; муниципальное право»: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2012. 197 с. URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005017765> (дата обращения: 18.08.2022).
10. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.05.1993. № 10-П по делу «О проверке конституционности постановления Верховного Совета РФ от 17.07.1992 г. “О газете “Известия” и по индивидуальной жалобе членов журналистского коллектива редакции газеты “Известия” в связи с постановлением Верховного Совета РФ от 17.07.1992 г. “О газете “Известия”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 1994. № 2–3. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12011587> (дата обращения: 18.08.2022).

References

1. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the nationwide vote on 01.07.2020)]. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (accessed 18.08.2022) [in Russian].
2. *Konventsiya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (Zaklyuchena v g. Rime 04.11.1950) (s izm. ot 24.06.2013) (vmeste s «Protokolom [№ 1]» (Podpisan v g. Parizhe 20.03.1952), «Protokolom № 4 ob obespechenii nekotorykh prav i svobod pomimo tekhn, kotorye uzhe vklyucheny v Konventsiiu i pervyi Protokol k nei» (Podpisan v g. Strasburge 16.09.1963), «Protokolom № 7» (Podpisan v g. Strasburge 22.11.1984))* [Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms (Concluded at Rome on 04.11.1950) (as amended on 24.06.2013) (together with «Protocol [№ 1]» (Signed in Paris on 20.03.1952), «Protocol № 4 on ensuring certain rights and freedoms other than those already included in the Convention and the first Protocol thereto» (Signed in Strasbourg on September 16, 1963), «Protocol № 7» (Signed in Strasbourg on November 22, 1984))]. Available at: https://europeanecourt.ru/uploads/ECHR_NEW.pdf (accessed 18.08.2022) [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon «O ratifikatsii Konventsii o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod i Protokolov k nei» ot 30.03.1998 № 54-FZ (poslednyaya redaktsiya)* [Federal Law «On ratification of the Convention for the protection of human rights and fundamental freedoms and its Protocols» dated March 30, 1998 № 54-FZ (last edition)]. Available at: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12169> (accessed 18.08.2022) [in Russian].
4. *Zakon RF ot 27.12.1991 № 2124-1 (red. ot 14.07.2022) «O sredstvakh massovoi informatsii»* [Law of the Russian Federation as of December 27, 1991 № 2124-1 (as amended on July 14, 2022) «On the Mass Media»]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_1511/dbf226faae7b05a718177c78f759fd4696307d56 (accessed 01.08.2022) [in Russian].
5. Kozinnikova E. N. *Svoboda slova: predely ogranicheniya v usloviyakh chrezvychainykh pravovykh rezhimov* [Freedom of speech: limits of restriction under emergency legal regimes]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2022, no. 1 (93), pp. 27–35. DOI: <http://doi.org/10.35750/2071-8284-2022-1-27-35>. EDN: <https://elibrary.ru/pbriqt> [in Russian].
6. Voevodin L. D. *Yuridicheskii status lichnosti v Rossii: uchebnoe posobie* [Legal status of an individual in Russia: textbook]. Moscow: Izdatel'stvo MGU, Izdatel'skaya gruppa INFRA M–NORMA, 1997, 304 p. Available at: <http://ex-jure.ru/law/news.php?newsid=644> [in Russian].
7. Khabrieva T.Ya., Chirkin V. E. *Sotsial'naya spravedlivost' (nekotorye konstitutsionnye voprosy)* [Social justice (some constitutional issues)]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Contemporary World], 2017,

no. 3, pp. 5–14. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29333809>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrxscf> [in Russian].

8. Lisina O. V. *Konstitutsionnoe ogranichenie prav i svobod cheloveka i grazhdanina: ponyatie i predely* [Constitutional restriction of human and civil rights and freedoms: concept and limits]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 10–18. DOI: <http://doi.org/10.22394/1682-2358-2019-3-10-18>. EDN: <https://www.elibrary.ru/axoaju> [in Russian].

9. Ektumaev A.B. *Svoboda slova v Rossiiskoi Federatsii (konstitutsionno-pravovoe issledovanie): spetsial'nost' 12.00.02 «Konstitutsionnoe pravo; konstitutsionnyi sudebnyi protsess; munitsipal'noe pravo»: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Freedom of speech in the Russian Federation (constitutional and legal research): specialty 12.00.02 «Constitutional law; constitutional litigation; municipal law»: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Perm, 2012, 197 p. Available at: <https://search.rsl.ru/ru/record/01005017765> (accessed 18.08.2022) [in Russian].

10. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.05.1993. № 10-P po delu «O proverke konstitutsionnosti postanovleniya Verkhovnogo Soveta RF ot 17.07.1992 g. “O gazete “Izvestiya” i po individual'noi zhalobe chlenov zhurnalistikogo kollektiva redaktsii gazety “Izvestiya” v svyazi s postanovleniem Verkhovnogo Soveta RF ot 17.07.1992 g. “O gazete “Izvestiya”»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation as of 19.05.1993 № 10-P with regard to case «On the verification of the constitutionality of the resolution of the Supreme Council of the Russian Federation as of July 17, 1992 “On the newspaper “Izvestia” and on an individual complaint of members of the journalistic team of the editorial office of the newspaper “Izvestia” in connection with the resolution of the Supreme Council of the Russian Federation as of July 17, 1992 “About the newspaper “Izvestia”»]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF*, 1994, no. 2-3. Available at: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12011587> (accessed 18.08.2022) [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 342.9

Дата поступления 07.09.2022
рецензирования: 23.10.2022
принятия: 28.10.2022

**Актуальные проблемы и направления совершенствования
административного процесса в деятельности МЧС России**

В. А. Гавриленко

Санкт-Петербургский Университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: gv22@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7357-3526>

В. М. Шеншин

Санкт-Петербургский Университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева,
г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: vitya-shen@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2361-5978>

Аннотация: В представленном исследовании рассматриваются актуальные проблемы и направления совершенствования административного процесса в деятельности МЧС России. Целью исследования является рассмотрение проблем и направлений совершенствования административного процесса в деятельности МЧС России. Проведенный анализ правоприменительной и судебной практики по спорам, возникающим в связи с применением меры обеспечения производства по делу о совершенном административном правонарушении в виде привода в судебный орган обвиняемого лица; осуществлением действий по составлению протокола о выявленном административном правонарушении с нарушением срока, который обозначен положениями ст. 28.5 КоАП РФ; составлением должностным лицом надзорного органа акта проверки юридического лица в один день с протоколом о совершении административного правонарушения, позволил выявить, что в настоящее время сложилась конкретная судебная практика по указанным категориям дел, позволяющая применять судебными органами к их разрешению единообразный подход, несмотря на дифференциацию взглядов и правопонимания, демонстрируемых сторонами правовых отношений. Некоторые вопросы, возникающие по указанным видам споров, все еще не нашли отражения в законодательстве, что порождает необходимость доказывания в судебном порядке правомерности осуществляемых должностными лицами МЧС России действий, что в целом способствует возрастанию количества судебных споров, а также увеличивает нагрузку на судебные органы.

Ключевые слова: МЧС России; административное правонарушение; производство по делу об административном правонарушении; должностное лицо; протокол; административный процесс; административное судопроизводство.

Цитирование. Гавриленко В. А., Шеншин В. М. Актуальные проблемы и направления совершенствования административного процесса в деятельности МЧС России // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-26-33>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Гавриленко В. А., Шеншин В. М., 2022

Владимир Александрович Гавриленко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, 196105, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.

Виктор Михайлович Шеншин – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры Теории и истории государства и права, Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева, 196105, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Московский пр., 149.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 07.09.2022
Revised: 23.10.2022
Accepted: 28.10.2022

**Actual problems and directions of improving the administrative process
in the activities of the Ministry of Emergency Situations of Russia**

V. A. Gavrilenko

Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: gv22@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-7357-3526>

V. M. Shenshin

Saint Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: vitya-shen@mail.ru. ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-2361-5978>

Abstract: The presented study examines the current problems and directions of improving the administrative process in the activities of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The purpose of the study is to consider the problems and directions of improving the administrative process in the activities of the Ministry of Emergency Situations of Russia. The analysis of law enforcement and judicial practice on disputes arising in connection with the application of a measure to ensure the proceedings in the case of an administrative offense committed in the form of a drive to the judicial authority of the accused person; the implementation of actions to draw up a protocol on an identified administrative offense in violation of the term, which is indicated by the provisions of Article 28.5 of the Administrative Code of the Russian Federation; the compilation by an official of the supervisory authority of the act of verification of a legal entity on the same day with the protocol on the commission of an administrative offense, revealed that currently there is a specific judicial practice in these categories of cases, allowing judicial authorities to apply a uniform approach to their resolution, despite the differentiation of views and legal understanding demonstrated by the parties of law relations. Some issues arising from these types of disputes have not yet been reflected in the legislation, which creates the need to prove in court the legality of actions carried out by officials of the Ministry of Emergency Situations of Russia, which generally contributes to an increase in the number of court disputes, and also increases the burden on judicial authorities.

Key words: EMERCOM of Russia; administrative offense; proceedings on administrative offense; official; protocol; administrative process; administrative proceedings.

Citation. Gavrilenko V. A., Shenshin V. M. *Aktual'nye problemy i napravleniya sovershenstvovaniya administrativnogo protsesssa v deyatel'nosti MChS Rossii* [Actual problems and directions of improving the administrative process in the activities of the Ministry of Emergency Situations of Russia]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 26–33. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-26-33> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Gavrilenko V. A., Shenshin V. M., 2022

Vladimir A. Gavrilenko – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 149, Moskovskiy Avenue, Saint Petersburg, 196105, Russian Federation.

Victor M. Shenshin – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law, Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia, 149, Moskovskiy Avenue, Saint Petersburg, 196105, Russian Federation.

Несмотря на то что в настоящее время в Российской Федерации создана и действует обширная законодательная база, разносторонне регламентирующая те или иные аспекты административного процесса, производимого сотрудниками МЧС России, судебная и правоприменительная практика все еще обременена некоторыми проблемами и противоречиями [1, с. 62].

Одним из спорных вопросов правоприменительной практики, влекущим за собой и разногласия в судебной практике, является применение должностными лицами МЧС России такой меры обеспечения производства по делу о совершенном административном правонарушении, как привод в судебный орган обвиняемого лица.

Положения ст. 20.25 КоАП РФ посвящены регламентации санкций, которые могут быть применены в отношении лица, осуществляющего действия по уклонению от исполнения назначенного им административного наказания. Одной из возможных к применению в отношении такого лица мер наказания может быть заключение его под стражу в рамках административного ареста на срок, не превышающий 15 суток [2, с. 130]. Согласно положениям, отраженным в ч. 1 и 3 ст. 23.1 КоАП РФ, действия, направленные на рассмотрение дел о совершенных административных правонарушениях, регламентация ответственности за которые обозначена в диспозициях ст. 20.25 КоАП РФ, являются исключительной прерогативой судов, которые относятся к судам общей юрисдикционной направленности [3, с. 24].

Согласно положениям, представленным ч. 3 ст. 25.1 КоАП РФ, при осуществлении действий,

направленных на рассмотрение дела о совершенном лицом административном правонарушении, квалифицируемом согласно положениям ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ, обязательным требованием к обеспечению административной процедуры выступает присутствие в суде данного лица [4, с. 47]. Кроме того, положениями ч. 4 ст. 29.6 КоАП РФ предусматривается осуществление действий по рассмотрению материалов дела о совершенном административном правонарушении, за которое предполагается наложение санкций в виде административного ареста либо административного выдворения в день, когда судье поступили протокол и иные материалы дела, содержащие сведения о совершенном правонарушении [5, с. 66]. Данная правовая позиция также изложена в постановлении Бутырского районного суда от 15.05.2020 г. по делу 5-649/2020.

В этой связи, исходя из положений, представленных пп. 3 и 5 ст. 29.1 КоАП РФ, следует, что при осуществлении судьей действий, направленных на подготовку к рассмотрению дела о совершенном правонарушении, на него накладывается обязанность по выяснению некоторых важных обстоятельств. Прежде всего подлежит установлению правильность составления самого протокола и других сопутствующих ему документов, представленных в материалах дела, которые предусмотрены положениями КоАП РФ МЧС России. Также требуется выявление достаточности собранной в материалах дела доказательственной базы для рассмотрения по существу дела о совершенном административном правонарушении [6, с. 86].

Исходя из содержательной характеристики вышеперечисленных норм, а также на основе положе-

ний, представленных в ст. 29.4 КоАП РФ, необходимо сделать заключение о том, что возможность осуществить возврат протокола о совершенном правонарушении и иных материалов, представленных в деле, в орган или должностному лицу МЧС России, принимавшему непосредственное участие в его составлении, у судебного органа имеется только на стадии, когда происходит реализация подготовительных действий, направленных на формирование пакета документов для его последующего рассмотрения в ходе административного разбирательства. Данная правовая позиция также изложена в постановлении Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 28.04.2012 по делу № А55-19521/2011.

После того как дело перешло на стадию административного процесса, именуемую как рассмотрение по существу дела о совершенном правонарушении, судья не имеет права выносить определение о том, что протокол о совершенном административном правонарушении и другие материалы дела возвращаются в орган или должностному лицу МЧС России ввиду неявки на рассмотрение лица, которое было привлечено к административной ответственности. В положениях ч. 3 ст. 29.4 КоАП РФ отсутствует данное основание для того, чтобы были осуществлены действия по возврату протокола о совершенном правонарушении в орган или должностному лицу МЧС России. Также отсутствует и основание, связанное с необходимостью осуществления должностным лицом МЧС России, составившим протокол, действий по обеспечению явки лица, привлекаемого к административной ответственности, для рассмотрения в ходе судебного разбирательства дела по существу. Данная правовая позиция изложена в постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 19.11.2012 по делу №Ф03-4330/2012.

Проведенный ранее подробный анализ процедуры рассмотрения материалов, представленных в административном деле, а также анализ вышеуказанных норм способствуют формированию вывода о том, что судье в день, когда произошло поступление протокола вместе с иными материалами дела о совершенном административном правонарушении, наказание по которому предусматривает получение ареста, необходимо осуществить ряд действий, заключающихся в подготовке дела к проведению разбирательства в судебном порядке. В случае если отсутствуют обозначенные в положениях ч. 4 ст. 29.4 КоАП РФ основания, по которым протокол может быть возвращен, судье необходимо осуществить действия, направленные на вынесение определения, согласно которому рассмотрение дела может быть отложено (ч. 3 ст. 29.4 КоАП РФ). Также одновременно с данным определением судьей выносятся определение о необходимости реализации в отношении лица, являющегося фигурантом административного дела, обеспечительных мер по его приводу на судебное разбирательство. Данная правовая позиция изло-

жена в постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 17.07.2012 по делу № Ф03-3046/2012.

Согласно положениям, представленным в ч. 2 ст. 27.15 КоАП РФ, к осуществлению указанных действий привлекаются органы, функциональные обязанности которых напрямую связаны с обеспечением реализации представленных в исполнительных документах действий. Перечень таких органов подробно изложен в положениях п. 2 ст. 27.15 КоАП РФ. Это могут быть органы внутренних дел (полиция), судебные приставы-исполнители и др., функции которых также позволяют обеспечивать установленный порядок деятельности судопроизводства на основе привода лица, виновного в совершении административного правонарушения.

Следовательно, можно констатировать, что у должностных лиц МЧС России отсутствуют полномочия, выраженные в применении обеспечительных мер в виде привода в отношении осуществляемого производства по делу о совершенном правонарушении. Данная правовая позиция изложена в постановлении Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 11.04.2012 по делу № Ф03-836/2012. Также важно отметить и тот факт, что в компетенцию судьи не входит наложение на должностных лиц МЧС России обязательств как представителей органа, уполномоченного на возбуждение дела о совершенном административном правонарушении, на осуществление действий по доставлению на судебное разбирательство лица, привлекаемого к административной ответственности. В случае неявки такого лица на судебное разбирательство либо в случае неосуществления уполномоченными органами действий по его доставлению на судебное разбирательство данное обстоятельство не может явиться основанием для возврата должностным лицам МЧС России протокола об административном правонарушении. Данная правовая позиция изложена в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.05.2013 г. по делу № А56-23579/2012.

Тем не менее такие случаи в правоприменительной практике не являются редкостью, и должностные лица МЧС России получают назад от судебных органов административные дела, которые были возбуждены ими по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ. Причиной отказа в рассмотрении судами дел такого рода выступает именно отсутствие в день его рассмотрения лица, которое подлежало привлечению к административной ответственности [7, с. 47].

В судебной практике имеют место дела, обусловленные тем, что должностные лица МЧС России осуществляют действия по составлению протокола о выявленном административном правонарушении с нарушением срока, который обозначен положениями ст. 28.5 КоАП РФ [8, с. 19]. При этом судебная практика складывается таким образом, что данные нарушения, осуществляемые должностными лицами МЧС России при участии

в административном процессе, не расцениваются судебными органами в качестве безусловного основания для того, чтобы изданное ими постановление о необходимости привлечения к административной ответственности физического лица либо законного представителя юридического лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, расценивалось в качестве незаконного и подлежащего отмене [9, с. 147].

Рассмотрим пример из судебной практики. Обществу было подано обращение с заявлением в арбитражный суд. В заявлении были представлены сведения о том, что должностным лицом МЧС России, осуществляющим надзорные функции в области пожарной безопасности, были произведены действия по составлению протокола о совершении правонарушения. При этом произошло нарушение срока, установленного законодательством. Прошение общества к суду выражалось в признании постановления о наложении административного наказания за нарушение требований в области пожарной безопасности незаконным и отмене его решения [10, с. 156].

Рассмотрение данного дела осуществлялось сначала в рамках разбирательства, происходившего в суде первой инстанции, а затем и в рамках суда апелляционной инстанции. Принятое по результатам разбирательств решение, а затем и апелляционное постановление определили отказать обществу в удовлетворении заявленных требований. Без изменения судебные акты были оставлены и судом кассационной инстанции (постановление арбитражного суда Дальневосточного округа от 24.07.2012 № Ф03-2687/2012).

Мотивационная составляющая судов была основана на том, что в совершаемой обществом деятельности были обнаружены неоспоримые доказательства наличия составов административных правонарушений, которые обозначены положениями ч. 1, 3, 4 ст. 20.4 КоАП РФ [11, с. 111]. Кроме того, со стороны должностного лица МЧС России как представителя органа, осуществляющего надзорные функции в области пожарной безопасности, при реализации производства по делу об административных правонарушениях не было допущено процессуальных нарушений, которые бы способствовали безусловной отмене решений, обозначенных в постановлении, оспариваемом в ходе судебного разбирательства. Данная правовая позиция также изложена в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 21.05.2013 по делу № А56-23579/2012.

Исходя из материалов указанного дела, действия, направленные на составление должностным лицом МЧС России протокола о совершении административного правонарушения, производились на третий день после того, как было обнаружено правонарушение. Кроме того, свидетелем осуществления должностным лицом МЧС России данных действий стал генеральный директор об-

щества, от которого не поступало никаких возражений, протестующих выявленному факту правонарушения [12, с. 217].

Необходимо отметить, что положениям ст. 28.5 КоАП РФ, в которых нашли обозначение сроки, применяемые в отношении действий должностных лиц тех или иных органов по составлению протокола, присущ дисциплинирующий, а не пресекающий характер. Следовательно, законодательством не установлены последствия, которые могут произойти вследствие того, если должностным лицом какого-либо органа, в том числе и МЧС России, будет произведен пропуск срока составления протокола о совершенном АП. Данная правовая позиция также изложена в постановлении Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.06.2013 по делу № А56-50160/2012.

Анализ рассмотренного примера из судебной практики позволяет сформулировать вывод о том, что нарушение должностным лицом МЧС России, составляющим протокол в отношении общества о выявленном правонарушении с нарушением срока, установленного законодательством для данного этапа административного процесса, не может приниматься к сведению судебным органом в качестве существенного нарушения, которое могло бы повлечь отмену самого постановления или административного наказания. Кроме того, ввиду присутствия представителя общества при осуществлении должностным лицом МЧС России действий по составлению протокола, им могло быть реализовано право на свою защиту при фиксации правонарушения в протоколе.

Одним из проблемных вопросов, обременяющих судебную и правоприменительную практику, является составление должностным лицом МЧС России акта проверки юридического лица в один день с протоколом о совершении правонарушения. При этом позиция суда по спорам, возникающим в связи с данным обстоятельством, зависит от того, присутствовал законный представитель юридического лица, в отношении которого осуществлялось производство по делу, при составлении протокола или нет [13, с. 316].

Обосновывая позицию законодательства по этому поводу, необходимо отметить, что в положениях КоАП РФ отсутствует требование к составлению протокола о совершении правонарушения в другой день после составления акта проверки юридического лица. Данное положение отсутствует и в содержании Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля», а также в Методических рекомендациях от 9 июня 2016 года № 142 по реализации органами государственного контроля (надзора) Российской Федерации, органами государственного контроля (надзора) субъектов Российской Федерации и органами муниципального контроля мер, направленных на

повышение результативности и эффективности осуществляемых ими в рамках контрольно-надзорной деятельности проверок, утвержденных протоколом заседания Правительственной комиссии по проведению административной реформы, п. 6.1 которых посвящен особенностям составления акта проверки.

Согласно принятой в органах МЧС России правоприменительной практике, наличие в административном деле того факта, что действия должностного лица по составлению протокола были осуществлены до ознакомления с актом проверки представителя юридического лица, в отношении которого осуществляется производство по делу о совершении административного правонарушения, не может выступать при рассмотрении дела основанием для его прекращения, если при этом был обнаружен состав существенного административного правонарушения. Данная правовая позиция изложена в решении Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 ноября 2013 года по делу № А56-50574/2013.

При этом судебная практика подходит к рассмотрению таких споров неоднозначно. Так, если рассматривать постановление, вынесенное Иркутским областным судом от 05.07.2017 по делу № 4а-757/2017 в связи с рассмотрением поступившей от предпринимателя жалобы на действия должностного лица МЧС России по составлению акта проверки и протокола о совершенном правонарушении в один день, то можно отметить принятие судом решения о необоснованности фактов, указанных предпринимателем в жалобе.

Проверка, осуществлявшаяся должностным лицом МЧС России в отношении предпринимателя, позволила установить тот факт, что реализуемая им предпринимательская деятельность не соответствовала статусу использования земельного участка, который был обозначен в правоустанавливающем документе. На земле, имевшей предназначение для осуществления индивидуального жилищного строительства, велась торговая деятельность. Предписания, выдаваемые должностным лицом МЧС России в ходе неоднократных проверочных действий, были предпринимателем проигнорированы, что заставило представителя государственного надзорного органа обратиться в суд.

Результатом решений, принятых сначала мировым, а затем и районными судами, стало признание предпринимателя виновным в совершении административного правонарушения, за которое предусмотрены санкции ч. 26 ст. 19.5 КоАП РФ. Несмотря на то что предпринимателем была подана жалоба о том, что действия должностного лица МЧС России по составлению акта проверки и протокола были осуществлены в один день (30.01.2017), областной суд оставил ее без удовлетворения.

Позиция суда была мотивирована следующим. Прежде всего был принят во внимание факт присутствия предпринимателя при осуществлении

должностным лицом МЧС России проверочных действий. Кроме того, предприниматель был проинформирован о представленных в содержании акта сведениях, о чем свидетельствовала поставленная им в акте роспись. Следовательно, предприниматель имел возможность представить на месте должностному лицу МЧС России имеющиеся у него замечания и возражения. Кроме того, предпринимателем также была получена копия указанного процессуального документа, о чем свидетельствовала его подпись. Также судом было принято во внимание присутствие предпринимателя в то время, когда должностным лицом МЧС России осуществлялись действия по составлению протокола. Следовательно, от должностного лица им были получены разъяснения о своих правах, которые обозначены в положениях ст. 25.1 КоАП РФ. В содержании данной статьи обозначено, в том числе и такое право, как заявление ходатайства, либо предоставление объяснений по существу должностному лицу надзорного органа о вменяемом ему в ходе проверочных действий правонарушении.

Тем не менее, несмотря на все осуществленные должностным лицом МЧС России действия в отношении предпринимателя, последним не было заявлено ходатайство о том, чтобы составление протокола было отложено для предстоящей подготовки объяснений. Такой порядок действий предусмотрен положениями ст. 24.4 КоАП РФ. Вследствие отсутствия реализации предпринимателем своего права на подачу ходатайства, суд счел действия должностного лица МЧС России по составлению протокола обоснованными, несмотря на то, что они осуществлялись в тот же день, когда происходило оформление акта проверки. Все выявленные факты легли в основу принятия судом решения об отсутствии оснований для нарушения должностным лицом МЧС России прав предпринимателя на осуществление своей защиты.

Иное решение было принято двенадцатым арбитражным апелляционным судом в Постановлении от 28.02.2017 г. по делу № А12-44009/2016 при рассмотрении аналогичного дела. Законным представителем юридического лица было подано заявление в суд об отмене принятого территориальным подразделением МЧС России в отношении его организации постановления. Представитель юридического лица обозначил в заявлении тот факт, что были нарушены его права, обозначенные диспозицией пп. 3–4 ст. 28.2 КоАП РФ.

При проведении в отношении организации проверочных мероприятий должностным лицом МЧС России был составлен акт о проверке, а затем осуществлены действия по составлению протокола о совершении административного правонарушения и привлечении организации к ответственности по ч. 12 ст. 19.5 КоАП РФ, посвященной невыполнению в установленный срок действий для выполнения законного предписания органа, который осуществляет надзорные функции в сфере пожарной безопасности. Заявление

организации об отмене постановления судом было удовлетворено.

Позиция суда была мотивирована следующим. Смысл и содержание, вкладываемые в диспозицию ст. 28.2 КоАП РФ, свидетельствуют о том, что надзорный орган обязан предоставить физическому лицу или представителю юридического лица, привлекаемому к административной ответственности, возможности реализовать гарантии защиты. При этом для того, чтобы достигнуть соблюдения положений, предусмотренных ст. 28.2 КоАП РФ, необходимо осуществить ряд действий не только в присутствии лица, обвиняемого в совершении административного правонарушения, но и в случае его отсутствия – выполнять ряд действий, выраженных в надлежащем извещении относительно времени и места, где произошло составление протокола.

Исходя из рассматриваемого в исследовании случая, судебный орган пришел к выводам о том, что должностное лицо МЧС России обладало возможностью осуществления мер, которые бы позволили должным образом известить представителя юридического лица. Тем не менее данные действия предприняты не были. Также судом не были установлены причины, которые бы препятствовали совершению должностным лицом МЧС России указанных действий. Необходимо обратить внимание на то, что нарушение должностным лицом МЧС России положений, предусмотренных ст. 28.2 КоАП РФ, было расценено судебным органом как существенное ввиду того, что извещение законного представителя организации, привлекаемой к административной ответственности, о месте и времени составления протокола является важным процессуальным действием. От результата данного действия зависит, на каком этапе в дальнейшем произойдет завершение административной процедуры.

Действия должностного лица МЧС России по составлению акта проверки и протокола в один день вместе с отсутствием законного представителя привлекаемой к административной ответственности организации, ввиду непринятия мероприятий по извещению его надлежащим образом, способствовали тому, что организация лишилась возможности воплотить гарантированное законом право на осуществление своей защиты на этапе административного процесса, когда только начиналось производство по делу. Бездействие должностного лица МЧС России лишило законного представителя организации, привлекаемой к административной ответственности, возможности осуществлять квалифицированные возражения и представить разъяснения по существу предъявленного нарушения (обвинений), а также воспользоваться помощью защитника в случае установления факта неоднозначной оценки нормативных положений.

Аналогичные выводы были представлены и в постановлениях, принятых Двенадцатым арбитражным апелляционным судом от 28.11.2016 № 12АП-11503/2016 по делу № А12-18091/2016.

Таким образом, проведенный анализ правоприменительной и судебной практики по спорам, возникающим в связи с применением меры обеспечения производства по делу в виде привода в судебный орган обвиняемого лица; осуществлением действий по составлению протокола о выявленном административном правонарушении с нарушением срока, который обозначен положениями ст. 28.5 КоАП РФ; составлением должностным лицом надзорного органа акта проверки юридического лица в один день с протоколом о совершении правонарушения, позволил выявить, что в настоящее время сложилась конкретная судебная практика по указанным категориям дел, позволяющая применять судебными органами к их разрешению единообразный подход, несмотря на дифференциацию взглядов и правопонимания, демонстрируемых сторонами гражданско-правовых отношений. В то же время нельзя не отметить, что ряд вопросов, возникающих по указанным видам споров, все еще не нашел отражения в законодательстве, что порождает необходимость доказывания в судебном порядке правомерности осуществляемых должностными лицами МЧС России действий, что в целом способствует возрастанию количества судебных споров, а также увеличивает нагрузку на судебные органы.

Те или иные аспекты и противоречия, выявленные в ходе проведенного анализа судебной и правоприменительной практики, имеющие существенную значимость для эффективного ведения должностными лицами МЧС России административного процесса, легли в основу разработки предложений, направленных на совершенствование его нормативно-правового обеспечения.

1. Ввиду того что в настоящее время не нашла урегулирования выявленная в рамках анализа правоприменительной практики проблема возвращения назад должностным лицам МЧС России от судебных органов административных дел, которые были возбуждены ими по ч. 1 ст. 20.25 КоАП РФ по причине отсутствия в день его рассмотрения лица, которое подлежало привлечению к административной ответственности, считаем необходимым внесение поправок в положения ст. 24.5 КоАП РФ. Возможно дополнение его пунктом 5, содержание которого будет передано следующим образом:

«5. Неявка физического лица либо законного представителя юридического лица, в отношении которых ведется производство по делу об административном правонарушении, на рассмотрение дела об административном правонарушении не может являться основанием для исключения производства по делу».

2. Нарушения обозначенных в ст. 28.5 КоАП РФ сроков составления протокола об административном правонарушении приводят к тому, что они могут быть использованы в судебных разбирательствах в качестве основания для прекращения дела об административном правонарушении. В этой связи считаем возможным внести дополнение в ст. 28.5 КоАП РФ посредством

добавления в ее содержание п. 4, изложенного следующим образом:

«4. Пропуск срока составления протокола об административном правонарушении не может являться обстоятельством, исключающим производство по делу об административном правонарушении, повлечь отмену постановления об административном правонарушении или административного наказания».

3. Требуется урегулирования возможность осуществления должностным лицом МЧС России действий по составлению акта проверки в один день с протоколом об административном правонарушении. Для этого предлагается внести дополнения в п. 1 ст. 28.2 КоАП РФ, посвященный протоколу об административном правонарушении. Предлагается изложить данный пункт следующим образом:

«1. О совершении административного правонарушения составляется протокол, за исключением случаев, предусмотренных статьей 28.4, частями 1, 3 и 4 статьи 28.6 настоящего Кодекса.

1.1 Протокол об административном правонарушении может быть составлен в один день с актом проверки, оформляемым органом государственного контроля (надзора) или органа муниципального контроля, если при этом были надлежащим образом проведены указанные статьей 25.15 настоящего Кодекса мероприятия по извещению лиц, участвующих в производстве по делу об административном правонарушении».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в настоящее время совершенствование нормативно-правового обеспечения административного процесса в деятельности МЧС требует осуществления действий, направленных на конкретизацию отдельных аспектов, регламентирующих неявку физического лица либо законного представителя юридического лица на рассмотрение дела об административном правонарушении, пропуск срока составления протокола об административном правонарушении, составление протокола об административном правонарушении в один день с актом проверки.

Библиографический список

1. Килясханов И. Ш., Стахов А. И. Административная ответственность: учебное пособие. Москва: Юнити-Дана, 2015. URL: <https://knigogid.ru/books/1832967-administrativnaya-otvetstvennost-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-pospecialnosti-030501-yurisprudenciya>.
2. Недосекова Е. С., Хомяков Л. Л. Сущность административного процесса и виды административно-процессуальной деятельности // Сборник трудов молодых ученых, аспирантов и участников студенческого научного кружка кафедры административного и таможенного права. Люберцы: Издательство Российской таможенной академии, 2012. С. 130–133. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27631128&pf=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyewbf>.
3. Ракша Н.С. Особенности административно-процессуальной деятельности как составляющей юридического процесса // Вестник Донбасской юридической академии. Юридические науки. 2018. № 6. С. 22–31. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36385851>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ymzpu>.
4. Стахов А. И., Кононов П. И. Исполнительное административно-процессуальное право: учебник. Москва: Юрайт, 2022. 373 с. URL: <https://urait.ru/book/ispolnitelnoe-administrativno-processualnoe-pravo-494251>.
5. Зернов С. И., Карпов С. Ю. Административное расследование правонарушений в области пожарной безопасности и его экспертное обеспечение: учебное пособие. Москва: Академия ГПС МЧС России, 2011. 104 с. URL: <https://studfile.net/preview/9647370/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43945805>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yxoozp>.
6. Каплунов А. И. Развитие теории административного процесса как условие совершенствования нормативной основы административно-процессуальной деятельности // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 12, № 4. С. 490–497. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32560426>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrgyur>.
7. Каплунов А. И. Развитие теории административного процесса как условие совершенствования административно-процессуальной деятельности органов МЧС России // Административная деятельность правоохранительных органов Российской Федерации и зарубежных стран: сборник материалов. Рязань: Издательство Академии права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 33–37. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32692699>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ytwrvvm>.
8. Кикоть В. Я., Кононов П. И., Румянцев Н. В. Административное право России: учебник. 6-е изд., перераб. и доп. Москва: Юнити-Дана, 2015.
9. Костенников М. В., Куракин А. В., Кононов А. М. Актуальные проблемы административного права и процесса: учебник. Москва: Юнити-Дана, 2015. 495 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25697614>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vqjwfr>.
10. Макаров Д. В. Совершенствование деятельности органов МЧС России в сфере применения отдельных административно-процессуальных мер // Проблемы развития правовой системы России: история и современность: материалы межвузовской научно-практической конференции. Москва: Папирус, 2018. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35474670>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rxudyh>.
11. Мигачев Ю. И., Попов Л. Л., Тихомиров С. В. Административное право: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. Москва: Юрайт, 2022. URL: https://mx3.urait.ru/uploads/pdf_review/65DF099B-4D9B-490F-8830-4F06CCF56257.pdf.
12. Попова Н. Ф. Административное право: учебник и практикум. 5-е изд., испр. и доп. Москва: Юрайт, 2022. URL: <https://urait.ru/book/administrativnoe-pravo-511852>.
13. Тихалева Е. Ю. Специфика административно-процессуальных норм и отношений (на примере деятельности органов МЧС России) // Современные проблемы права и управления: 7-я Международная научная конференция:

сборник докладов. Т. 7. Тула: Суворовская типография, 2020. С. 176–181. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32506834>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yqfnhp>.

References

1. Kilyashkanov I. Sh., Stakhov A. I. *Administrativnaya otvetstvennost': uchebnoe posobie* [Administrative responsibility: textbook]. Moscow: Yuniti-Dana, 2015. Available at: <https://knigogid.ru/books/1832967-administrativnaya-otvetstvennost-uchebnoe-posobie-dlya-vuzov-po-specialnosti-030501-yurisprudenciya> [in Russian].
2. Nedosekova E. S., Khomyakov L. L. *Sushchnost' administrativnogo protsesssa i vidy administrativno-protsessual'noi deyatel'nosti* [Essence of the administrative process and types of administrative procedural activities]. In: *Sbornik trudov molodykh uchenykh, aspirantov i uchastnikov studencheskogo nauchnogo kruzha kafedry administrativnogo i tamozhennogo prava* [Collection of works of young scientists, postgraduate students and participants of the student scientific circle of the Department of Administrative and Customs Law]. Lyubertsy: izdatel'stvo Rossiiskoi tamozhennoi akademii, 2012, pp. 130–133. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=27631128&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyewbf> [in Russian].
3. Raksha N. S. *Osobennosti administrativno-protsessual'noi deyatel'nosti kak sostavlyayushchei yuridicheskogo protsesssa* [Features of administrative and procedural activities as part legal process]. *Vestnik Donbasskoi yuridicheskoi akademii. Yuridicheskie nauki* [Herald of Donbass Law Academy. Legal sciences], 2018, no. 6, pp. 22–31. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=36385851>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ymzpl> [in Russian].
4. Stakhov A. I., Kononov P. I. *Ispolnitel'noe administrativno-protsessual'noe pravo: uchebnik* [Executive administrative procedural law: textbook]. Moscow: Yurait, 2022, 373 p. Available at: <https://urait.ru/book/ispolnitelnoe-administrativno-processualnoe-pravo-494251> [in Russian].
5. Zernov S. I., Karpov S. Yu. *Administrativnoe rassledovanie pravonarushenii v oblasti pozharnoi bezopasnosti i ego ekspertnoe obespechenie: uchebnoe posobie* [Administrative investigation of offenses in the field of fire safety and its expert support: textbook]. Moscow: Akademiya GPS MChS Rossii, 2011, 104 p. Available at: <https://studfile.net/preview/9647370/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=43945805>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yxoozp> [in Russian].
6. Kaplunov A. I. *Razvitie teorii administrativnogo protsesssa kak uslovie sovershenstvovaniya normativnoi osnovy administrativno-protsessual'noi deyatel'nosti* [Development of the theory of administrative process as improvement condition of the standard basis of administrative and procedural activity]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo* [Penitentiary Law], 2019, vol. 12, no. 4, pp. 490–497. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32560426>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yrgyur> [in Russian].
7. Kaplunov A.I. *Razvitie teorii administrativnogo protsesssa kak uslovie sovershenstvovaniya administrativno-protsessual'noi deyatel'nosti organov MChS Rossii* [Development of the theory of administrative process as a condition for improving the administrative and procedural activities of the bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia]. In: *Administrativnaya deyatel'nost' pravoohranitel'nykh organov Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran: sbornik materialov* [Administrative activity of law enforcement agencies of the Russian Federation and foreign countries: collection of materials]. Ryazan: izdatel'stvo Akademii prava i upravleniya Federal'noi sluzhby ispolneniya nakazanii, 2017, pp. 33–37. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32692699>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ytwrvm> [in Russian].
8. Kikot V. Ya., Kononov P. I., Rumyantsev N. V. *Administrativnoe pravo Rossii: uchebnik. 6-e izd., pererab. i dop.* [Administrative law of Russia: textbook. 6th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yuniti-Dana, 2015 [in Russian].
9. Kostennikov M. V., Kurakin A. V., Kononov A. M. *Aktual'nye problemy administrativnogo prava i protsesssa: uchebnik* [Actual problems of administrative law and process: textbook]. Moscow: Yuniti-Dana, 2015, 495 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25697614>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vqiwfr> [in Russian].
10. Makarov D. V. *Sovershenstvovanie deyatel'nosti organov MChS Rossii v sfere primeneniya otdel'nykh administrativno-protsessual'nykh mer* [Improving the activities of the bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia in the field of application of certain administrative and procedural measures]. In: *Problemy razvitiya pravovoi sistemy Rossii: istoriya i sovremennost': materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Problems of development of the Russian legal system: history and modernity: materials of the Interuniversity research and practical conference]. Moscow: Papyrus, 2018. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=35474670>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rxudyh>. (In Russ.)
11. Migachev Yu. I., Popov L. L., Tikhomirov S. V. *Administrativnoe pravo: uchebnik. 5-e izd., pererab. i dop.* [Administrative law: textbook. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2022. Available at: https://mx3.urait.ru/uploads/pdf_review/65DF099B-4D9B-490F-8830-4F06CCF56257.pdf [in Russian].
12. Popova N. F. *Administrativnoe pravo: uchebnik i praktikum. 5-e izd., ispr. i dop.* [Administrative law: textbook and workshop. 5th edition, revised and enlarged]. Moscow: Yurait, 2022. Available at: <https://urait.ru/book/administrativnoe-pravo-511852> [in Russian].
13. Tihaleva E. Yu. *Spetsifika administrativno-protsessual'nykh norm i otnoshenii (na primere deyatel'nosti organov MChS Rossii)* [The specificity of administrative-procedural norms and relations on the example of the organs of state security]. In: *Sovremennye problemy prava i upravleniya: 7-ya Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya: sbornik dokladov. Tom Vypusk 7* [Modern problems of law and management: 7th International research conference: collection of reports. Issue 7]. Tula: Suvorovskaya tipografiya, 2020, pp. 176–181. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32506834>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yqfnhp> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.73

Дата поступления 11.09.2022
рецензирования: 23.10.2022
принятия: 28.10.2022

Вина в налоговых правоотношениях

Р. Д. Фархутдинов

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: r77farhutdinof@yandex.ru

Аннотация: Вина в праве неразрывно связана с наступлением ответственности, имея при этом две формы – неосторожность или прямой умысел. Вину в современном праве принято осмыслить как психическое (интеллектуальное и волевое) отношение к своему деянию и его последствиям. Между тем в определении вины в налоговых правоотношениях по итогам налоговых проверок обязаны установить налоговые органы в рамках камеральных и выездных проверок. Между тем остается логичный вопрос – какие критерии вины применимы в налоговых проверках при отсутствии таковых в налоговом законодательстве и какие инструменты укажут на прямые и косвенные признаки вины. Методология исследования включает системный подход, сравнительный метод и метод дедукции. Целью работы послужат предложения по выработке критериев оценке вины налогоплательщика при применении налоговой ответственности.

Ключевые слова: вина налогоплательщика; косвенные и прямые признаки вины; вина по итогам налоговой проверки.

Цитирование. Фархутдинов Р. Д. Вина в налоговых правоотношениях // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 34–36. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-34-36>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Фархутдинов Р. Д., 2022

Руслан Дамирович Фархутдинов – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Российская Федерация, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7, лит. А.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 11.09.2022
Revised: 23.10.2022
Accepted: 28.10.2022

Guilt in the form of intent in tax relations

R. D. Farkhutdinov

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation
E-mail: r77farhutdinof@yandex.ru

Abstract: Guilt in law is inextricably linked with the onset of responsibility, while having two forms – negligence or direct intent. Guilt in modern law is commonly understood as a mental (intellectual and volitional) attitude to one's act and its consequences. Meanwhile, the tax authorities are required to determine the guilt in tax legal relations based on the results of tax audits within the framework of desk and field inspections. Meanwhile, a logical question remains – which criteria of guilt are applicable in tax audits, in the absence of such in tax legislation, and which tools will indicate direct and indirect signs of guilt. The research methodology includes a systematic approach, a historical and comparative method, and a method of deduction. The purpose of the work will be proposals for the development of criteria for assessing the taxpayer's guilt in the application of tax liability.

Key words: taxpayer's guilt; indirect and direct signs of guilt; guilt based on the results of a tax audit.

Citation. Farkhutdinov R. D. *Vina v nalogovykh pravonarusheniyakh* [Guilt in the form of intent in tax relations]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 34–36. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-34-36> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Farkhutdinov R. D., 2022

Ruslan D. Farhutdinov – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of State-Legal Disciplines, Kazan branch of the Russian State University of Justice, letter A, 7, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420088, Russian Federation.

Вина в налоговых правоотношениях является неотъемлемой частью результатов налоговых проверок, зачастую безапелляционно принимается налогоплательщиком и в редких случаях выступает предметом рассмотрения дел в арбитражных судах и судах общей юрисдикции.

Актуальным, на наш взгляд, выступает методология формирования вины в форме умысла или неосторожности в рамках камеральных и выездных налоговых проверок, по результатам которых налоговый инспектор в ряде случаев довольствуется описанием информации о результатах контрольной деятельности, упуская при этом применение прямых или косвенных доказательств, определяя форму в каждом случае.

Новизной в исследовании выступает обозначение критериев определения вины в налоговых правоотношениях, притом что типовые вопросы исследовались Алейниковой А. С., Кюлян, Р. М., Деминым А. В., Крохиной Ю. А., но вопросы формирования критериев не только для налоговых органов, но и для налогоплательщиков при защите нарушенных прав определяются впервые.

Налоговое законодательство в статье 106 НК РФ [1] формирует понятие, что под налоговым правонарушением признается виновно совершенное противоправное (в нарушение законодательства о налогах и сборах) деяние (действие или бездействие) налогоплательщика, за которых установлена ответственность.

Между тем пунктом 1 статьи 108 НК РФ [1] закреплено, что никто не может быть привлечен к ответственности за совершение налогового правонарушения иначе, как по основаниям и в порядке, которые предусмотрены в налоговом законодательстве.

Вина может быть установлена только по результатам камеральных и выездных налоговых проверок, корреспондируя обязанности доказывать обстоятельства, свидетельствующие о факте налогового правонарушения и виновности лица в его совершении, возлагается на налоговые органы, что нашло свое отражение в пункте 6 статьи 108 НК РФ.

Тем самым законодатель обязал налоговые органы по итогам налоговых проверок устанавливать обстоятельства, свидетельствующее о фактах налогового правонарушения и вины налогоплательщика, предоставляя посредством прав на применение всех легитимных инструментов налогового контроля: встречные проверки, опросы, осмотры, экспертизы, исследования, выемки, изъятия.

Следовательно, налоговые органы должны доказать:

- существо правонарушения (то есть в чем конкретно оно выразилось);
- причинно-следственную связь между действиями налогоплательщика и допущенными нарушениями;
- умышленный (если применяется статья 54.1 НК РФ) характер действий налогоплательщика (его должностных лиц), выразившийся в созна-

тельном искажении сведений о фактах хозяйственной жизни (совокупности таких фактов), об объектах налогообложения, подлежащих отражению в налоговом и (или) бухгалтерском учете либо налоговой отчетности налогоплательщика в целях уменьшения налогоплательщиком налоговой базы и (или) суммы подлежащего уплате налога;

– потери бюджета.

Тем самым подразделяя форму вины на неосторожность и умысел, налоговые органы вправе, используя весть предоставленный им инструментарий, сформировать доказательственную базу, прежде всего:

1) существо правонарушения – субъект (выгодоприобретатель), кто получил незаконные преференции, совершив те или иные действия; объект – это правоотношения, которые складываются в сфере уплаты налогов и сборов (при исключении оценки договорных правоотношений вне сферы налогообложения);

2) причинно-следственная связь правонарушения, выраженная действиями плательщика и выявленным нарушением – такие факты отсутствуют в решениях о привлечении к ответственности, ограничиваются описанием хозяйственной деятельности, притом что методология дедукции (учитывая, что дедукция (от лат. *deductio* – выведение) – это получение частных знаний из какого-то общего источника, т. е. движение нашего познания от общего к частному, единичному [2].

3) умышленный характер, применение которого с 2017 года осуществляется повсеместно в налоговых проверках, притом что ФНС России регламентирует право применения через локальные письма и судебную практику, что является правовым препятствием для плательщиков при защите нарушенных прав;

4) потери бюджета должны иметь адресность, то есть налоговый орган должен доказать, что потери бюджета связаны с действиями проверяемого плательщика и он, осознавая противоправность, получил незаконную преференцию в виде налогов и сборов.

При этом необходимо учесть, что в налоговых правоотношениях специальными субъектами выступают юридические лица, соответственно, вина которых в совершении налогового правонарушения определяется в зависимости от вины должностных лиц организации.

Тем самым налоговый орган выстраивает доказательственную базу совершения налогового правонарушения организации через доказательства вины ее должного лица или группы лиц, опираясь на прямые доказательства умысла в действиях физического лица.

Прямым доказательством вины служит признание плательщика, либо однозначные факты и обстоятельства, подтверждающие совершение им умышленных действий, направленных на неуплату налога, где показания свидетелей или материалы встречных проверок таковыми являться не будут. Прямым доказательством послужит

также факт замкнутого круга движения денежных средств, где организация применяется как инструмент получения налоговой экономии, фиктивность представленных документов – экспертиза, проведенная в рамках проверки, однозначно ответит на вопрос о легитимности представленных документов (к примеру, подпись, дата изготовления документа).

Информация по встречным проверкам, показания свидетелей, являясь косвенными доказательствами вины, должны быть материалом для изучения и оценки в ходе проверки.

Применение информации из АСК НДС-2, где указано на наличие разрывов – как основание для проведения выездной проверки, возможно, как вспомогательный, косвенный факт, но не как доказательство вины. Налоговый орган, ссылаясь на

такую систему, сменяет парадигму субъекта – наличие разрыва двух и последующих звеньев не имеет причинно-следственной связи с проверяемым плательщиком, что исключает его вину.

В указанной связи полагается правильным предложить для дискуссии критерии прямых доказательств вины в форме умысла как признание, факт личного получения денежных средств должностного лица как незаконной налоговой экономии либо наличие экспертизы представленных таких субъектом документов, указывающих на их поддельность. Безусловно, что дальнейшие исследования в области вины налогового правонарушителя в условиях цифровой среды предоставят новые возможности, при этом не стоит обходить стороной и методы защиты нарушенных прав налогоплательщика.

Библиографический список

1. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05.08.2000 № 117-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 04.12.2022) // В данном виде официально опубликован не был. СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165/.
2. Философская энциклопедия. ДЕДУКЦИЯ // Академик. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/304/ДЕДУКЦИЯ.
3. Определение Верховного Суда Российской Федерации № 309-ЭС20-23981 по делу № А76-46624/2019. URL: <https://nkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12042021-n-309-es20-23981-a76-466242019/>.
4. Письмо ФНС России от 16.08.2017 № СА-4-7/16152@. // Федеральная налоговая служба. Официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/6964671/.
5. Письмо ФНС от 10.03.2021 № БВ-4-7/3060@ // Федеральная налоговая служба: официальный сайт. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/10687108.

References

1. *Nalogovyi kodeks Rossiiskoi Federatsii (chast' vtoraya) ot 05.08.2000 № 117-FZ (red. ot 21.11.2022) (s izm. i dop., vstup. v silu s 04.12.2022)* [Tax Code of the Russian Federation (Part Two) as of 05.08.2000 № 117-FZ (as amended on 21.11.2022) (as amended in effect on 04.12.2022)]. Has not been officially published in this form. Retrieved from legal reference system *ConsultantPlus*. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165 [in Russian].
2. *Filosofskaya entsiklopediya. DEDUKTsIYA* [Philosophical encyclopedia. DEDUCTION]. Retrieved from *Academician*. Available at: https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_philosophy/304/ДЕДУКЦИЯ [in Russian].
3. *Opredelenie Verkhovnogo Suda Rossiiskoi Federatsii № 309-ES20-23981 po delu № A76-46624/2019* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation № 309-ES20-23981 with regard to case № A76-46624/2019]. Available at: <https://nkrfkod.ru/pract/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12042021-n-309-es20-23981-a76-466242019> [in Russian].
4. *Pis'mo FNS Rossii ot 16.08.2017 № SA-4-7/16152@* [Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 16.08.2017 № СА-4-7/16152@]. Retrieved from the official website of the Federal Tax Service. URL: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/docs/6964671/ [in Russian].
5. *Pis'mo FNS ot 10.03.2021 № BV-4-7/3060@* [Letter of the Federal Tax Service dated 10.03.2021 № BV-4-7/3060@]. Retrieved from the official website of the Federal Tax Service. Available at: https://www.nalog.gov.ru/rn77/about_fts/about_nalog/1068710/ [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-4-37-45

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.73

Дата поступления 06.08.2022
рецензирования: 20.09.2022
принятия: 28.10.2022**Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины
к антиуклонительной норме****А. В. Демин**Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: demin2002@mail.ru**А. Ю. Молина**Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: arseneva@bk.ru

Аннотация: В статье анализируется понятие судебной доктрины. Выделяются и описываются характерные особенности этого правового явления, являющегося источником судебной дискреции в налоговом правоприменении. Авторы констатируют факт отсутствия в законодательстве официальной нормы-дефиниции, раскрывающей понятие судебной доктрины. Отмечается сохраняющаяся тенденция к активному внедрению в правоприменительную практику различных доктрин, в том числе в сфере налогообложения. Особое внимание в статье уделяется доктрине необоснованной налоговой выгоды, специально разработанной для выявления случаев обхода налогового закона и являвшейся (до появления в НК РФ в 2017 году статьи 54.1) общей антиуклонительной нормой (GAAR) в России. На основании изучения релевантной судебной практики делаются выводы о том, что арбитражные суды не рассматривают антиуклонительное правило, изложенное в ст. 54.1 НК РФ, как «нечто» новое, коренным образом отличающееся от доктрины необоснованной налоговой выгоды, а также о возникновении серьезных трудностей у правоприменителей в процессе «наполнения» антиуклонительной нормы (статья 54.1 НК РФ) конкретным содержанием. Авторы обращают особое внимание на проблему допустимости налоговой реконструкции при применении ст. 54.1 НК РФ, заключая в итоге, что суды считают необходимым применять и применяют на практике такой инструмент, как налоговая реконструкция.

Ключевые слова: необоснованная налоговая выгода; ст. 54.1 НК РФ; судебная доктрина; обход закона; антиуклонительная норма; налоговая реконструкция; правовая позиция.

Цитирование. Демин А. В., Молина А. Ю. Необоснованная налоговая выгода: от судебной доктрины к антиуклонительной норме // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-37-45>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Демин А. В., Молина А. Ю., 2022

Александр Васильевич Демин — доктор юридических наук, профессор кафедры предпринимательского, конкурентного и финансового права, Сибирский федеральный университет, 660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.

Анастасия Юрьевна Молина — аспирант, Сибирский федеральный университет, 660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 06.08.2022

Revised: 20.09.2022

Accepted: 28.10.2022

Unjustified tax benefit: from the judicial doctrine to the anti-avoidance rule**A. V. Demin**Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
E-mail: demin2002@mail.ru**A. Yu. Molina**Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
E-mail: arseneva@bk.ru

Abstract: The article analyzes the concept of judicial doctrine. The characteristic features of this legal phenomenon, which is a source of judicial discretion in tax law enforcement, are highlighted and described. The authors state the fact that there is no legal definition that reveals the concept of judicial doctrine. There is a continuing trend towards the active introduction of various doctrines into law enforcement practice, including the field of taxation. The article pays special attention to the doctrine of unjustified tax benefit, specially developed to identify cases of circumvention of the tax law and was (before the appearance of Article 54.1 in the Tax Code of the Russian Federation in 2017) the general anti-avoidance

rule (GAAR) in Russia. Based on the study of relevant judicial practice, the article concludes that arbitration courts do not consider the anti-avoidance rule set out in Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, as “something” new, radically different from the doctrine of unjustified tax benefits, as well as about the emergence of serious difficulties for law enforcement officers in the process of “filling” the anti-avoidance rule (Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation) with specific content. The authors pay special attention to the problem of the admissibility of tax reconstruction when applying Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation, concluding in the end that the courts consider it necessary to apply and apply in practice such a tool as tax reconstruction.

Key words: unjustified tax benefit; Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation; judicial doctrine; circumvention of the law; anti-avoidance rule; tax reconstruction; legal position.

Citation. Demin A. V., Molina A. Yu. *Neobosnovannaya nalogovaya vygoda: ot sudebnoi doktriny k antiuklonitel'noi norme* [Unjustified tax benefit: from the judicial doctrine to the anti-avoidance rule]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-37-45> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Demin A. V., Molina A. Yu., 2022

Alexander V. Demin — Doctor of Law, professor of the Department of Business, Competition and Financial Law, Siberian Federal University, 79, Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation.

Anastasia Y. Molina — postgraduate student, Siberian Federal University, 79? Svobodny Avenue, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation.

При разрешении налоговых споров сегодня весьма активно применяется целый ряд судебных доктрин, включая доктрины необоснованной налоговой выгоды, экономической сущности, приоритета существа над формой, деловой цели, сделки по шагам, срывания корпоративной вуали, и т. п. [1, с. 112]. Указанный инструментарий – безусловный источник судебной дискреции в налоговом правоприменении [2]. К сожалению, официальная норма-дефиниция, раскрывающая понятие судебной доктрины, в законодательстве отсутствует. Не сложилось четкого (унифицированного) понимания термина «судебная доктрина» и в правовой науке.

В гуманитарных науках термин «доктрина» является многозначным, в толковых словарях его принято определять как учение, научную концепцию, теорию [3, с. 168; 4, с. 181].

В литературе, посвященной источникам романо-германского права, «доктрина» также употребляется в самом широком смысле, а именно: а) как учение, философско-правовая теория; б) как мнения ученых-юристов по тем или иным вопросам, касающимся сущности и содержания различных юридических актов, по вопросам правотворчества и правоприменения; в) как научные труды наиболее авторитетных исследователей в области государства и права; г) в виде комментариев различных кодексов, отдельных законов, “аннотированных версий” (моделей) различных нормативных правовых актов» [5].

Судебная доктрина прежде всего проявляется через судебные решения, «суверенно главенствующие в правопорядке в силу богатства их содержания», исторически предшествуя всем легитимным источникам права [6, с. 7]. Поэтому многие правоведы рассматривают судебную доктрину исключительно через призму правоприменительной деятельности высших судебных инстанций, подчеркивая, что «специфика доктрин, содержащихся в итоговых решениях высших судов, в том числе Конституционного Суда РФ, заключается в том, что они формируются в результате многократно-

го применения носящих прецедентный характер решений судов» [7, с. 12]. Другие авторы не только ассоциируют судебную доктрину с правотворческой деятельностью судов высших инстанций, определяя ее как «совокупность решений высших судов», но и указывают на то, что судебная доктрина «появляется на свет» в итоге доктринального применения правовых принципов, в первую очередь конституционных [8].

Подобное понимание судебной доктрины, на наш взгляд, позволяет сделать вывод о том, что категории «судебная доктрина», «судебная правовая позиция», «судебный прецедент» и «судебная практика» имеют множество общих признаков. Вместе с тем отождествлять их не следует. Большинство правоведов разграничивают концепты судебной доктрины и судебного прецедента, акцентируя внимание на более высоком статусе судебных доктрин по сравнению к однократно применяемым судебным прецедентом, а равно – отмечая, что основное предназначение судебных доктрины состоит в эффективном обобщении судебной практики. То есть судебная доктрина позволяет интегрированно собрать воедино и последовательно изложить в виде максимально компактных тезисов значительный по объему массив судебных правовых позиций, связанных общим предметом. Тем самым судебные доктрины способствуют «единообразию в толковании и применении норм права, решать проблему разрозненности и множественности судебной практики, осложняющие процедуру судопроизводства» [7, с. 12].

Как констатируется Х. И. Гаджиевым, судебная доктрина представляет собой «подтвержденный авторитетом судебной власти испытанный подход к решению конкретных судебных дел в контексте достижений правовой науки и судебной практики, одновременно направленный на их развитие. Такая доктрина оформляется решением вышестоящего – Конституционного или Верховного – суда, который окончательно в завершающей манере одобряет и формулирует ее или же может отвергнуть как необоснованную. В обоих случаях решение

путем всеобщего опубликования преобразуется в рекомендательный образец, метод решения дела» [9, с. 21].

Судебная доктрина нередко определяется через такое родовое понятие, как «правовая позиция», под которой, в свою очередь, понимается либо система правовых аргументов, интерпретация правовых принципов и норм (В. В. Лазарев), либо мыслительный акт, представляющий собой текстовое системное изложение суждений судебной инстанции (судьи) о мотивах целесообразности применения той или иной юридической нормы или норм (Н. А. Власенко). «Правовая позиция образуется благодаря судебной аргументации и интерпретации подлежащей применению нормы права, – утверждает В.В. Лазарев, – становясь впоследствии важной частью, ядром судебной доктрины как главного аргумента в пользу избранного итогового метода разрешения рассматриваемого дела» [10, с. 30].

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что ядром судебной доктрины является правовая позиция (система аргументов как результат мыслительной деятельности суда), формируемая судебной ветвью власти по итогам интерпретации правовых принципов и норм. В свою очередь, в российской правовой системе нет другой отрасли права, для которой бы роль и значение судебной практики в целом и судебных доктрин в частности оценивались бы столь высоко, как для сферы налогов и сборов [11, с. 55].

В условиях нормотворческого дефицита большая часть правовых основ налогообложения еще до их закрепления Законом была сформулирована Конституционным Судом РФ в процессе интерпретации базовых конституционных идей (ценностей). С учетом особой роли Конституционного Суда РФ в формировании основ налогового права за его решениями прочно закрепилась роль приводного механизма конституционно-правового регулирования налоговых отношений, который «формулирует правовые позиции, являющиеся обязательным ориентиром для законодательной ветви власти и непосредственно регулирующие поведение участников налоговых отношений...» Впоследствии «эстафету» формирования судебного налогового права, начатую Конституционным Судом РФ, активно поддержали арбитражные суды и суды общей юрисдикции» [11, с.55].

Получив от Конституционного Суда РФ «эстафетную палочку», Высший Арбитражный суд РФ «внес свою лепту» в формирование российского «судебного налогового права», став автором фундаментальной для налогового права доктрины необоснованной налоговой выгоды, изложенной им в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды» (далее – Постановление № 53).

В науке налогового права доктрину необоснованной налоговой выгоды принято относить к доктринам, специально разработанным для выявления случаев опасного и недопустимого обхо-

да налогового закона. Помимо собственно самой доктрины необоснованной налоговой выгоды к подобного рода доктринам также относилась доктрина недобросовестности налогоплательщика (ее расцвет пришелся на 1999–2004 гг.) и доктрина реальности хозяйственных операций (активно применялась в 2008–2011 гг. после дела «Кестрой 1», рассмотренного ВАС РФ) [12].

Определив в пункте 1 Постановления № 53 понятие налоговой выгоды как уменьшения размера налоговой обязанности вследствие, в частности, уменьшения налоговой базы, получения налогового вычета, налоговой льготы, применения более низкой налоговой ставки, а также получения права на возврат (зачет) или возмещения налога из бюджета, ВАС РФ для оценки обоснованности налоговой выгоды предложил использовать ряд правовых доктрин, подробно разработанных в западной юриспруденции [13, с. 129]. В частности, налоговая выгода в соответствии с правовой позицией суда признавалась необоснованной в случаях, если для целей налогообложения были учтены операции не в соответствии с их действительным экономическим смыслом (доктрина «существо над формой»); если были учтены операции, не обусловленные разумными экономическими или иными причинами (доктрина «деловая цель»); если налоговая выгода была получена вне связи с осуществлением реальной предпринимательской или иной экономической деятельности (доктрина «реальности затрат»). Кроме того, судами активно применялась доктрина «сделка по шагам», когда ряд последовательных сделок рассматриваются как связанные единым результатом и налоговые последствия определяются путем исключения промежуточных сделок, носящих, как правило, фиктивный (мнимый, притворный) характер [13, с. 129].

Тенденция к активной разработке и внедрению в правоприменительную практику различных доктрин, в том числе в сфере налогообложения, сохраняется и по сей день. Так, в целях совершенствования механизма субсидиарной ответственности российское законодательство идет по пути внедрения в налоговое право доктрины снятия корпоративной вуали, суть которой заключается в установлении конечного бенефициара (истинного выгодоприобретателя) хозяйствующего субъекта для целей налогообложения [14, с. 109–115].

Полагаем, появление в пространстве налогового права доктрины необоснованной налоговой выгоды стало закономерным явлением как ответная реакция со стороны государства на угрожающий основам налогового правопорядка феномен агрессивного налогового планирования. Дело в том, что «жестко детализированный и однозначный налоговый закон не способен справиться с так называемой агрессивной налоговой оптимизацией, которая подчас граничит с незаконным уклонением от уплаты налогов» [15]. «Мы попросту не найдем в законодательстве о налогах и сборах каких-либо норм – правил, ограничивающих возможности

налогоплательщиков в сфере налогового планирования, если оно не сопряжено с теми или иными правонарушениями и носит законный характер» [16, с. 113]. Между тем итогом агрессивной налоговой политики, проводимой налогоплательщиком зачастую в полном соответствии с «буквой» налогового закона, могут стать снижение эффективности экономики, сокращение бюджетных поступлений и деморализация других налогоплательщиков [1, с. 111]. Подобное развитие ситуации неприемлемо для любого государства. В качестве универсального средства противодействия агрессивному налоговому планированию законодатели повсеместно прибегли к использованию т. н. *general anti-avoidance rules* (GAAR) (общих антиуклонительных правил), представляющих собой супероценочные нормы-принципы, запрещающие налогоплательщику злоупотребление субъективным налоговым правом и недобросовестное поведение, но при этом не детализирующие, что представляет собой такое «злоупотребление» [1, с. 111].

Как справедливо отмечает Д. В. Винницкий, общая антиуклонительная норма (GAAR) в России, рассматривающей себя в качестве члена группы стран с континентальной системой права, изначально имела судебный характер и существовала именно в форме судебной доктрины необоснованной налоговой выгоды. Однако в 2017 году ситуация с GAAR в российском налоговом законодательстве коренным образом изменилась [17]. В 2017 году в НК РФ была включена статья 54.1 «Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов», что соответствовало международной практике и рекомендациям Плана BEPS, а также явилось необходимой мерой в борьбе с уклонением от уплаты налогов [14].

Легализация доктрины необоснованной налоговой выгоды вызвала широкий резонанс как в научном сообществе, так и среди правоприменителей. В частности, остро встал вопрос, являются ли положения статьи 54.1 НК РФ чем-то принципиально новым, либо это – все та же судебная доктрина необоснованной налоговой выгоды, которая была закреплена в Постановлении № 53 и теперь лишь перенесена в налоговое законодательство.

Мнения среди налоговиков разделились. Немало авторов считают, что ст. 54.1 НК РФ и судебная доктрина необоснованной налоговой выгоды – это две совершенно разные «вещи», и поэтому правоприменители сталкиваются с серьезными трудностями в процессе «наполнения» антиуклонительной нормы конкретным содержанием.

Ряд ученых-юристов пришли к выводу о том, что статья 54.1 НК РФ представляет собой лишь частичную кодификацию судебной доктрины необоснованной налоговой выгоды. Так, Д. В. Винницкий полагает: «И хотя GAAR в их российском варианте сегодня нашли нормативное закрепление в НК РФ (ст. 54.1 “Пределы осуществления прав по исчислению налоговой базы и (или) суммы налога, сбора, страховых взносов”), конкретное со-

держание данного правового института продолжает формироваться судебной практикой» [17].

Изучив релевантную судебную практику, связанную с применением ст. 54.1 НК РФ, полагаем, можно заключить: арбитражные суды не рассматривают антиуклонительные нормы, изложенные в ст. 54.1 НК РФ, как «нечто» новое, коренным образом отличающееся от разработанной и апробированной судами доктрины необоснованной налоговой выгоды.

Из определения в определении Верховный Суд прибегает к одной и той же формулировке, «ставшей стандартной»: «суды, оценив представленные в материалы дела доказательства, руководствуясь положениями статей 54.1, 169, 171, 172, 247, 252 Налогового кодекса, разъяснениями, изложенными в Постановлении Пленума ВАС РФ от 12.10.2006 № 53 «Об оценке арбитражными судами обоснованности получения налогоплательщиком налоговой выгоды», пришли к выводу...» – через запятую перечисляя тот нормотворческий массив, включая судебную доктрину необоснованной налоговой выгоды, который активно используется судами арбитражной системы при разрешении споров, связанных с необоснованной налоговой выгодой [18–20].

В научной литературе отмечается, что в настоящее время статья 54.1 НК РФ наиболее часто применяется в налоговых спорах по дроблению бизнеса и привлечению фирм-однодневок. С этим сложно не согласиться, учитывая опять-таки релевантную судебную практику, сформировавшуюся по этому поводу. Так, в Определении от 11 апреля 2022 года № 307-ЭС22-3491 суд указывает: «...при исследовании обстоятельств дела установлено, что спорные контрагенты не вели реальной хозяйственной деятельности, фактически не участвовали в сделках купли-продажи песка и щебня, их руководители являлись номинальными; первичные документы от имени данных контрагентов подписаны неустановленными лицами; движение денежных средств, уплаченных обществом, носило транзитный характер; спорные контрагенты входили в группу технических организаций, созданных в целях обналаживания денежных средств, являлись подконтрольными одним и тем же физическим лицам» [21].

В Определении от 4 сентября 2020 года № 305-ЭС20-11774 суд акцентирует внимание на следующем: «...судами установлено, что спорные контрагенты являются техническими организациями, не могли выполнить предусмотренные договорами работы, поскольку не осуществляют финансово-хозяйственной деятельности и не располагают необходимыми материально-техническими и трудовыми ресурсами, основным видом деятельности спорных контрагентов являлось осуществление оптовой торговли, общехозяйственные расходы, свойственные ведению реальной предпринимательской деятельности не осуществлялись, операции по расчетным счетам производились для создания видимости хозяйственной деятельности,

руководители контрагентов отрицают свое участие в ведении хозяйственной деятельности обществ» [22].

В Определении от 12 апреля 2022 года № 303-ЭС22-3501 суд подчеркивает, что «спорные контрагенты не осуществляли фактическую хозяйственную деятельность, а были созданы и действовали для использования в сделках, направленных на получение неправомерной налоговой выгоды, создания формального документооборота; контрагенты не имели необходимых ресурсов для выполнения спорных работ; налоговая нагрузка была минимальна; бухгалтерский учет и отправка отчетности контрагентов осуществлялись одними и теми же лицами с одного компьютера; спорные работы были выполнены иными лицами, не являющимися плательщиками НДС» [23].

Определение от 30 декабря 2022 года № 305-ЭС21-25771 содержит указание на следующие выводы суда: «...контрагенты заявителя представляют собой единый комплекс, вовлеченный в единый производственный процесс, являются взаимозависимыми по отношению к обществу, используют специальный налоговый режим; действия по созданию «бизнес-схемы», предусматривающие передачу взаимозависимым лицам функций по содержанию и ремонту общего имущества многоквартирных домов, произведены налогоплательщиком после введения в действие подпункта 30 пункта 3 статьи 149 Налогового кодекса; работы по техническому обслуживанию, санитарному содержанию и текущему ремонту общего имущества в многоквартирных домах, осуществлялись непосредственно обществом» [24].

В Определении от 30 мая 2022 года № 306-ЭС22-7428 суд указывает, что «основанием доначисления обществу соответствующих сумм налогов в обжалуемой части послужил вывод инспекции о занижении налогоплательщиком налоговой базы по спорным налогам вследствие занижения выручки от реализации продуктов питания в связи с применением обществом схемы «дробления бизнеса» с использованием взаимозависимого и подконтрольного лица – ООО «Лидерфуд», применяющего специальный режим налогообложения в виде упрощенной системы налогообложения с объектом налогообложения «доходы, уменьшенные на величину расходов» [25].

Статья 54.1 НК РФ в процессе правоприменения продуцирует немало трудностей, обусловленных ее «антиуклонительной» природой, а также тем, что она вводит запрет на злоупотребление субъективным налоговым правом, но не детализирует, в чем, собственно, это злоупотребление состоит.

К числу проблемных аспектов также принято относить нижеследующие:

– расширительное толкование запрета на искажение сведений может означать для налогоплательщика риск признания любого выбранного им способа налоговой оптимизации в качестве неправомерного (предлагается толковать п. 1 ст. 54.1 НК

РФ ограничительно и распространять на случаи отражения в налоговом учете хозяйственных операций, которых не было в реальности, а также на случаи неотражения совершенных хозяйственных операций в налоговом учете);

– в силу подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ налогоплательщик может уменьшить налоговую базу или сумму подлежащего уплате налога, если не преследует цель минимизации налога в качестве основной цели совершения операции (тест цели). Тест цели может применяться как в отношении фиктивных хозяйственных операций, так и в отношении реальных сделок с приоритетной налоговой целью. Фиктивные операции могут квалифицироваться по п. 1 ст. 54.1 НК РФ, а также по подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ. Однако от фиктивных операций следует отграничивать реальные сделки с приоритетной налоговой целью (к такого рода сделкам можно отнести некорректно оформленные сделки с точки зрения правовой формы, а также сделки, связанные с «дроблением бизнеса»), которые могут квалифицироваться только по подп. 1 п. 2 ст. 54.1 НК РФ. Иная квалификация может повлечь негативные для налогоплательщика последствия, включая риск уголовного преследования;

– согласно подп. 2 п. 2 ст. 54.1 НК РФ обязательство по сделке должно быть исполнено лицом, являющимся стороной договора, или иным уполномоченным лицом (тест надлежащего исполнителя по сделке). Это положение является аналогом концепции должной осмотрительности (п. 10 Постановления № 53). При этом ст. 54.1 НК РФ устанавливает более высокий стандарт проверки контрагента, поскольку налогоплательщику необходимо проверить всю цепочку привлеченных лиц и подтвердить, кем действительно исполнялось обязательство. Таким образом, безрисковой хозяйственной операцией для налогоплательщика становится только сделка с непосредственным производителем, подрядчиком или исполнителем услуг [26].

Наиболее актуальна проблема налоговой реконструкции, презюмирующая вменение в обязанность налоговым органам определение размеров налоговых обязательств проверяемого налогоплательщика? исходя из подлинного экономического содержания его операций. Правило налоговой реконструкции имеет большое значение в качестве правового механизма поддержания правовой определенности при применении общей нормы противодействия уклонению от налогообложения, что отмечается как российскими, так и зарубежными исследователями. При отсутствии налоговой реконструкции налоговое доначисление на основе ст. 54.1 НК РФ может фактически трансформироваться в дополнительную меру налоговой ответственности.

В 2019 году Уполномоченный при Президенте РФ по защите прав предпринимателей предлагал закрепить в ст. 54.1 НК РФ механизм налоговой реконструкции. Однако Минфин России, а также ФНС России высказывали позицию против обос-

нованности налоговой реконструкции. Ранее высшие судебные инстанции поддерживали возможность применения налоговой реконструкции. В этом контексте заметим, что необходимость налоговой реконструкции отмечалась еще в п. 7 Постановления № 53.

В настоящее время в правоприменительной практике отсутствует единый подход к допустимости налоговой реконструкции при применении ст. 54.1 НК РФ. Некоторые суды поддерживают налоговые органы и занимают формальный подход к толкованию ст. 54.1 НК РФ, отмечая, что эта норма прямо не закрепляет обязанность налоговых органов по налоговой реконструкции. Другие суды поддерживают обоснованность налоговой реконструкции [26].

Думается, в отношении налоговой реконструкции суды сегодня исходят не столько из возможности ее применения, сколько из необходимости, обусловленной в первую очередь лежащей на налоговом органе обязанности в рамках контрольных процедур принимать исчерпывающие меры, направленные на установление действительного размера налогового обязательства налогоплательщика, что исключало бы возможность вменения ему налога в размере большем, чем это установлено законом. На наличие у налогового органа подобного рода обязанности неоднократно указывалось и в решениях Конституционного Суда Российской Федерации (постановления от 28.03.2000 № 5-П, от 17.03.2009 № 5-П, от 22.06.2009 № 10-П, определение от 27.02.2018 № 526-О и др.) [27].

В Определении от 16 ноября 2021 года № 305-ЭС21-18005 Верховный Суд РФ обратил внимание на правовую позицию Конституционного Суда о том, что положения налогового законодательства не допускают доначисления сумм в размере большем, чем установлено законом; налоговые органы в ходе мероприятий налогового контроля определяют объем налоговой обязанности, исходя из фактических показателей хозяйственной деятельности налогоплательщика (определение от 04.07.2017 № 1440). По мнению Верховного Суда, выявление искажения сведений о фактах хозяйственной жизни пред-

полагает доначисление суммы налога, подлежащей уплате в бюджет. Такой подход, по нашему мнению, есть не что иное, как прямое указание на факт «существования» и «необходимость» применения в рамках ст. 54.1 НК РФ такого инструмента, как налоговая реконструкция [28].

Подводя итог, констатируем, что антиуклонительные нормы (при этом совершенно неважно, имеют ли они форму судебной доктрины, либо прямо закреплены в налоговом законе), являясь общемировой тенденцией, получали и продолжают получать достаточное количество негативных откликов. Во всем мире оппозиция таким нормам была (и остается) крайне сильна, однако сегодня они повсюду имплементированы либо как общие принципы налогового законодательства, либо как судебные доктрины [1, с. 112]. Негативную оценку антиуклонительным нормам, в частности, дает Д. В. Винницкий, приходя к заключению: «Общий вывод – российское статутное правило об обходе закона не лучше одноименной российской судебной доктрины, которая видит свое предназначение в том, чтобы просачиваться во все сферы налоговой системы. Стилистическое отличие лишь в том, что новое правило сформулировано более категорично и противоречиво» [12].

Не будем отрицать, что у подобного рода правовых технологий (речь об антиуклонительных правилах), получивших повсеместное распространение в налоговых правопорядках большинства стран мирового сообщества и поддерживаемых авторитетными международными организациями, хватает недостатков, обусловленных их супероценочным содержанием, а также отсутствием нормативной детализации, что на практике может легко привести «к размыванию границ правомерного поведения» [1, с.112]. Но одновременно нужно констатировать, что, имплементируя антиуклонительные правила в сфере налогов и сборов, законодатель «выбирает не между плохим и хорошим, а между плохим и очень плохим» [1, с. 112]. Думается, при таких обстоятельствах выбор законодателя вполне очевиден и достоин поддержки.

Библиографический список

1. Демин А. В. Диспозитивность в налоговом праве: монография. Москва: Проспект, 2020. 182 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29847928>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zdefkh>.
2. Дементьев И. В. Налоговое правоприменение: смена правовых парадигм // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 96–106. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.9>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lmyybq> [in Russian].
3. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., испр. и доп. Москва: А ТЕМП, 2006. 938 с. URL: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/OJEGOV_Sergey_Ivanovich/Ojegov_S.I..._Tolkovyuy_slovar'_russkogo_yazyka.\(2006\).\[pdf-fax\].zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/OJEGOV_Sergey_Ivanovich/Ojegov_S.I..._Tolkovyuy_slovar'_russkogo_yazyka.(2006).[pdf-fax].zip).
4. Трус Н. В., Шубина Т. Г. Словарь иностранных слов и выражений. Москва: АСТ, 1997. 602 с. URL: <https://bookmix.ru/book.phtml?id=1882361#>.
5. Марченко М. Н. Судебное правотворчество и судебское право: учебное пособие. Москва: Проспект, 2017. 448 с. URL: <https://knigogid.ru/books/107661-sudebnoe-pravotvorchestvo-i-sudeyskoe-pravo/toread>.
6. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7 (247). С. 5–18. DOI: http://doi.org/10.12737/article_59522f9788ffe2.03969891. EDN: <https://elibrary.ru/zbpwnd>.

7. Тарибо Е. В. Доктрины Конституционного Суда Российской Федерации в сфере налогообложения (теоретический и практический аспекты): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2005. 34 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01002801233.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=30300800>. EDN: <https://elibrary.ru/znbwrw>.
8. Сафонов В. Н. Баланс публичных и частных интересов в конституционных судебных доктринах (сравнительно-правовой аспект) // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 10–13. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-3-10-13>. EDN: <https://elibrary.ru/cosvov>.
9. Гаджиев Х. И. Судебные доктрины и эффективность правоприменения // Журнал российского права. 2019. № 6 (270). С. 14–27. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.6.2>. EDN: <https://elibrary.ru/uasxqf>.
10. Лазарев В. В., Гаджиев Х. И. Судебные доктрины в российском праве: теория и практика проявления: монография. Москва: НОРМА, ИНФРА-М, 2023. 344 с. URL: https://izak.ru/upload/iblock/bc3/Sudebnye-doktriny-v-rossiyskom-prave_teoriya-i-praktika_Blok.pdf.
11. Демин А. В. Общая теория налогово-правовых норм: монография. Москва: РИОР, ИНФРА-М, 2012. 263 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=227268>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19855179>. EDN: <https://elibrary.ru/qsmtrh>.
12. Винницкий Д. В. Добросовестность, обоснованность выгоды, пределы осуществления прав, или Как российское налоговое право оказалось на передовых рубежах борьбы со злом, гнездящимся в налогоплательщиках // Закон. 2018. № 11. С. 44–57. URL: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7681>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=36610297>. EDN: <https://elibrary.ru/yqxtyt>.
13. Демин А. В. Налоговое право России: учебное пособие. Москва: РИОР, 2008. 380 с. URL: https://teuk-center.ru/f/demin_nalogovoye_zakonodatelstvo.pdf.
14. Аракелов С. А. Антиуклонительные нормы в международной практике. Новые законодательные инструменты по борьбе против уклонения от уплаты налогов в России // Закон. 2018. № 5. С. 109–115. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34915099>. EDN: <https://elibrary.ru/xngelj>.
15. Демин А. В. Диспозитивность и налогообложение: комментарий законодательства и практики налогового администрирования // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18387>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=37413414>. EDN: <https://elibrary.ru/wbcraf>.
16. Демин А. В. Неопределенность в налоговом праве и правовые средства ее преодоления: монография. Москва: РИОР, ИНФРА-М, 2013. 245 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=69965>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19862301>. EDN: <https://elibrary.ru/qsqvan>.
17. Винницкий Д. В. Международное налоговое право: проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2017. 463 с. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=327693>.
18. Определение Верховного Суда РФ от 5 апреля 2022 года № 303-ЭС22-547 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05042022-n-303-es22-547-podelu-n-a73-142272020>.
19. Определение Верховного Суда РФ от 10 июня 2022 года № 304-ЭС22-8260 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10062022-n-304-es22-8260-podelu-n-a67-3562021/>.
20. Определение Верховного Суда РФ от 20 июня 2022 года № 306-ЭС22-9072 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20062022-n-306-es22-9072-podelu-n-a57-346492020>.
21. Определение Верховного Суда РФ от 11 апреля 2022 года № 307-ЭС22-3491 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11042022-n-307-es22-3491-podelu-n-a05-1292021>.
22. Определение Верховного Суда РФ от 4 сентября 2020 года № 305-ЭС20-11774 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04092020-n-305-es20-11774-podelu-n-a40-1678412019>.
23. Определение Верховного Суда РФ от 12 апреля 2022 года № 303-ЭС22-3501 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12042022-n-303-es22-3501-podelu-n-a73-205792020>.
24. Определение Верховного Суда РФ от 30 декабря 2022 года № 305-ЭС21-25771 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30122021-n-305-es21-25771-podelu-n-a41-221432020>.
25. Определение Верховного Суда РФ от 30 мая 2022 года № 306-ЭС22-7428 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30052022-n-306-es22-7428-podelu-n-a12-16882021>.
26. Подшивалова Д. Я. Статья 54.1 НК РФ: возможные проблемы правоприменения // Налоги. 2021. № 2. С. 20–25. DOI: <http://doi.org/10.18572/1999-4796-2021-2-20-25>. EDN: <https://elibrary.ru/zltnpp>.
27. Определение Верховного Суда РФ от 21 июля 2022 года № 301-ЭС22-4481 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=721536#elmlimRT7kYADknHO>.

28. Определение Верховного Суда РФ от 16 ноября 2021 года № 305-ЭС21-18005 // «КонсультантПлюс»: справочная правовая система. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 04.09.2022).

References

1. Demin A. V. *Dispozitivnost' v nalogovom prave: monografiya* [Dispositivity in tax law: monograph]. Moscow: Prospekt, 2020, 182 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29847928>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zdefkh> [in Russian].
2. Dementev I. V. *Nalogovoe pravoprименение: smena pravovykh paradigm* [Tax enforcement: the change of paradigm]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 8, pp. 96–106. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.9>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lmyybq> [in Russian].
3. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 4-e izd., ispr. i dop.* [Explanatory dictionary of Russian dictionary: 80 000 words and phraseological expressions. 4th edition, revised and enlarged]. Moscow: A TEMP, 2006, 938 p. Available at: [http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/OJEGOV_Sergey_Ivanovich/Ojegov_S.I..._Tolkovyy_slovar'_russkogo_yazyka.\(2006\).pdf-fax.zip](http://publ.lib.ru/ARCHIVES/O/OJEGOV_Sergey_Ivanovich/Ojegov_S.I..._Tolkovyy_slovar'_russkogo_yazyka.(2006).pdf-fax.zip) [in Russian].
4. Trus N. V., Shubina T. G. *Slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii* [Dictionary of foreign words and expressions]. Moscow: AST, 1997, 602 p. Available at: <https://bookmix.ru/book.phtml?id=1882361#> [in Russian].
5. Marchenko M. N. *Sudebnoe pravotvorchestvo i sudeiskoe pravo: uchebnoe posobie* [Judicial law-making and judicial law: textbook]. Moscow: Prospekt, 2017, 448 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/107661-sudebnoe-pravotvorchestvo-i-sudeyskoe-pravo/toread> [in Russian].
6. Lazarev V. V. *Integratsiya prava i implementatsiya integrativnykh podkhodov k pravu v reshenii suda* [Integration of law and the implementation of integrative approaches to law in a court decision]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2017, no. 7 (247), pp. 5–18. DOI: http://doi.org/10.12737/article_59522f9788ff2.03969891. EDN: <https://elibrary.ru/zbpwnd> [in Russian].
7. Taribo E.V. *Doktriny Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii v sfere nalogooblozheniya (teoreticheskii i prakticheskii aspekty): avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Doctrines of the Constitutional Court of the Russian Federation in the field of taxation (theoretical and practical aspects): author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2005, 34 p. Available at: <https://new-disser.ru/avtoreferats/01002801233.pdf>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=30300800>. EDN: <https://elibrary.ru/znbwrw> [in Russian].
8. Safonov V. N. *Balans publichnykh i chastnykh interesov v konstitutsionnykh sudebnykh doktrinach (sravnitel'no-pravovoi aspekt)* [The balance of public and private interests in constitutional judicial doctrines (a comparative law aspect)]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no. 3, pp. 10–13. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-3-10-13>. EDN: <https://elibrary.ru/cosvov> [in Russian].
9. Hajiyev Kh. I. *Sudebnye doktriny i effektivnost' pravoprименeniya* [Judicial doctrines and efficiency of law enforcement]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 6 (270), pp. 14–27. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.6.2>. EDN: <https://elibrary.ru/uasxqf> [in Russian].
10. Lazarev V. V., Gadjiyev Kh. I. *Sudebnye doktriny v rossiiskom prave: teoriya i praktika proyavleniya: monografiya* [Judicial Doctrines in Russian Law: Theory and Practice: monograph]. Moscow: NORMA, INFRA-M, 2023, 344 p. Available at: https://izak.ru/upload/iblock/bc3/Sudebnye-doktriny-v-rossiyskom-prave_teoriya-i-praktika_Blok.pdf [in Russian].
11. Demin A. V. *Obshchaya teoriya nalogovo-pravovykh norm: monografiya* [General theory of tax and legal norms: monograph]. Moscow: RIOR, INFRA-M, 2012, 263 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=227268>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19855179>. EDN: <https://elibrary.ru/qsmtrh> [in Russian].
12. Vinnitsky D. V. *Dobrosobestnost', obosnovannost' vygody, predely osushchestvleniya prav, ili kak rossiiskoe nalogovoe pravo okazalos' na peredovykh rubezhakh bor'by so zlom, gnezdyashchimsya v nalogoplatel'shchikakh* [Integrity justified benefit, scope of exercise of rights, or how Russia's tax law moved to the forefront of the fight against taxpayers' vices]. *Zakon*, 2018, no. 11, pp. 44–57. Available at: <https://zakon.ru/publication/igzakon/7681>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=36610297>. EDN: <https://elibrary.ru/yqxtyt> [In Russian].
13. Demin A. V. *Nalogovoe pravo Rossii: uchebnoe posobie* [Tax law of Russia: textbook]. Moscow: RIOR, 2008, 380 p. Available at: https://teuk-center.ru/f/demin_nalogovoye_zakonodatelstvo.pdf [in Russian].
14. Arakelov S. A. *Antiuklonitel'nye normy v mezhdunarodnoi praktike. Nove zakonodatel'nye instrumenty po bor'be protiv ukloeneniya ot uplaty nalogov v Rossii* [Anti-avoidance rules in international practice. New legislative techniques for countering tax avoidance in Russia]. *Zakon*, 2018, no. 5, pp. 109–115. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=34915099>. EDN: <https://elibrary.ru/xngelj> [in Russian].
15. Demin A. V. *Dispozitivnost' i nalogooblozhenie: kommentarii zakonodatel'stva i praktiki nalogovogo administrirovaniya* [Dispositivity and taxation: commentary on legislation and practice of tax administration]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CMB&n=18387>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=37413414>. EDN: <https://elibrary.ru/wbcraf> [in Russian].
16. Demin A. V. *Neopredelennost' v nalogovom prave i pravovye sredstva ee preodoleniya: monografiya* [Uncertainty in tax law and legal means of overcoming it: monograph]. Moscow: RIOR, INFRA-M, 2013, 245 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19862301>. EDN: <https://elibrary.ru/qsqvan> [in Russian].
17. Vinnitsky D.V. *Mezhdunarodnoe nalogovoe pravo: problemy teorii i praktiki* [International tax law: problems of theory and practice]. Moscow: Statut, 2017, 463 p. Available at: <https://znanium.com/catalog/document?id=327693> [in Russian].

18. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 5 aprelya 2022 goda № 303-ES22-547* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 5, 2022 № 303-ES22-547]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-05042022-n-303-es22-547-po-delu-n-a73-142272020> [in Russian].
19. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 10 iyunya 2022 goda № 304-ES22-8260* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation as of June 10, 2022 № 304-ES22-8260]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-10062022-n-304-es22-8260-po-delu-n-a67-3562021/> [in Russian].
20. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 20 iyunya 2022 goda № 306-ES22-9072* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation as of June 20, 2022 № 306-ES22-9072]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-20062022-n-306-es22-9072-po-delu-n-a57-346492020/> [in Russian].
21. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 11 aprelya 2022 goda № 307-ES22-3491* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation of April 11, 2022 No. 307-ES22-3491]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-11042022-n-307-es22-3491-po-delu-n-a05-1292021> [in Russian].
22. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 4 sentyabrya 2020 goda № 305-ES20-11774* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 4, 2020 № 305-ES20-11774]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-04092020-n-305-es20-11774-po-delu-n-a40-1678412019> [in Russian].
23. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 12 aprelya 2022 goda № 303-ES22-3501* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 12, 2022 № 303-ES22-3501]. Retrieved from legal reference system ConsultantPlus. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-12042022-n-303-es22-3501-po-delu-n-a73-205792020> [in Russian].
24. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 30 dekabrya 2022 goda № 305-ES21-25771* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 30, 2022 № 305-ES21-25771]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30122021-n-305-es21-25771-po-delu-n-a41-221432020> [in Russian].
25. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 30 maya 2022 goda № 306-ES22-7428* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated May 30, 2022 № 306-ES22-7428]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-30052022-n-306-es22-7428-po-delu-n-a12-16882021> [in Russian].
26. Podshivalova D. Ya. *Stat'ya 54.1 NK RF: vozmozhnye problemy pravoprimeneniya* [Article 54.1 of the Tax Code of the Russian Federation: possible problems of law enforcement]. *Nalogi* [Taxes (Journal)], 2021, no. 2, pp. 20–25. DOI: <http://doi.org/10.18572/1999-4796-2021-2-20-25>. EDN: <https://elibrary.ru/zltnpp> [in Russian].
27. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 21 iyulya 2022 goda № 301-ES22-4481* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated July 21, 2022 No. 301-ES22-4481]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ARB&n=721536#emlimRT7kYADknHO> [in Russian].
28. *Opredelenie Verkhovnogo Suda RF ot 16 noyabrya 2021 goda № 305-ES21-18005* [Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated November 16, 2021 № 305-ES21-18005]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-verkhovnogo-suda-rf-ot-16112021-n-305-es21-18005-po-delu-n-a40-1311672020> [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-4-46-51

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.8

Дата поступления 20.07.2022
рецензирования: 27.08.2022
принятия: 28.10.2022

Принципы уголовно-исполнительного права и проблемы гарантирования прав осужденных

О. А. Адоевская

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: adoevskaya-olga@mail.ru

Аннотация: В статье выявлены и проанализированы проблемы гарантирования прав осужденных в связи с принципами уголовно-исполнительного права. Автор приходит к выводу, что не все общие и специальные права осужденных гарантируются уголовно-исполнительным законодательством в соответствии с принципами уголовно-исполнительного права. В целях реализации принципа гуманизма и недопущения обращения, унижающего человеческое достоинство, на законодательном уровне необходимо закрепить меры, препятствующие переполнению учреждений уголовно-исполнительной системы. В статье проанализирован международный и зарубежный опыт в части развития коммуникаций осужденных к лишению свободы с внешним миром. Обосновывается необходимость увеличения числа длительных и краткосрочных свиданий для лиц, отбывающих наказание в обычных и облегченных условиях исправительных колоний. Увеличение количества свиданий и телефонных разговоров для осужденных с родственниками будет способствовать сохранению семейных связей и успешным практикам ресоциализации. Предлагается в образовательные программы Школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях включить темы, посвященные технологиям восстановления и развития социально полезных связей осужденных. Сделан вывод, что при формировании и реализации уголовно-исполнительной политики необходимо соблюдение принципов национального уголовно-исполнительного права и общепризнанных принципов международного права, а также обеспечение соответствия уголовно-исполнительных норм практике их применения, конституционным положениям.

Ключевые слова: принципы уголовно-исполнительного права, уголовно-исполнительное законодательство, гарантирование прав осужденных, исправительные учреждения, ресоциализация.

Цитирование. Адоевская О. А. Принципы уголовно-исполнительного права и проблемы гарантирования прав осужденных // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 46–51. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-46-51>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Адоевская О. А., 2022

Ольга Александровна Адоевская – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.07.2022

Revised: 27.08.2022

Accepted: 28.10.2022

Principles of penal law and problems of guaranteeing the rights of convicts

O. A. Adoyevskaya

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: adoevskaya-olga@mail.ru

Abstract: The article identifies and analyzes the problems of guaranteeing the rights of convicts in connection with the principles of penitentiary law. The author comes to the conclusion that not all general and special rights of convicts are guaranteed by the penitentiary legislation in accordance with the principles of penitentiary law. In order to implement

the principle of humanism and prevent treatment that degrades human dignity, it is necessary to fix at the legislative level measures that prevent overcrowding of institutions of the penitentiary system. The article analyzes international and foreign experience in terms of developing communications of convicts sentenced to deprivation of liberty with the outside world. The necessity of increasing the number of long-term and short-term visits for persons serving sentences in ordinary and light conditions of correctional colonies is substantiated. Increasing the number of visits and telephone conversations for convicts with relatives will contribute to maintaining family ties and successful resocialization practices. It is proposed to include in the educational programs of the School for Preparation for Release in Correctional Institutions topics devoted to technologies for the restoration and development of socially useful ties of convicts. It is concluded that in the formation and implementation of the penitentiary policy, it is necessary to comply with the principles of national penitentiary law and the generally recognized principles of international law, as well as ensuring the compliance of penitentiary norms of the practice of their application with constitutional provisions.

Key words: principles of penal law; penal law; guaranteeing the rights of convicts; correctional institutions; resocialization.

Citation. Adoyevskaya O. A. *Printsipy ugovolno-ispolnitel'nogo prava i problemy garantirovaniya prav osuzhdennykh* [Principles of penal law and problems of guaranteeing the rights of convicts]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 46–51. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-46-51> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Adoyevskaya O. A., 2022

Olga A. Adoyevskaya – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации (далее – УИК РФ) впервые в истории нашей страны нормативно закрепил принципы уголовно-исполнительного права. Однако они признавались и ранее, независимо от легитимизации. Так, М. Н. Гернет писал, что отрасли уголовного права¹ должны быть построены на началах гуманности, равенства, справедливости и исправления преступников [1, с. 14].

В УИК РФ воплощена гуманистическая модель пенитенциарной политики: одной из основных целей уголовно-исполнительного законодательства названо исправление осужденных, а принципами – законность, гуманизм, равенство осужденных перед законом, демократизм (ст. 8 УИК РФ). Принципы уголовно-исполнительного права имеют теоретическую и практическую ценность. Принципы как базовые идеи отражают основы уголовно-исполнительного права, дают представление о том, какой эта отрасль должна быть, и гарантируют сохранение ее идентичности. Принципы определяют смысл и содержание уголовно-исполнительных норм и их дальнейшее применение.

Однако в законодательной и правоприменительной практике принципы соблюдаются не всегда, что может вести к правовому произволу.

Оценивая действующее уголовно-исполнительное законодательство, можно сделать вывод, что не все права осужденных гарантируются в соответствии с его принципами.

Так, в УИК РФ содержатся требования к материально-бытовому обеспечению осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Норма жилой площади в расчете на одного осужденного должна варьироваться как минимум от двух до пяти (или более) квадратных метров в зависимости от вида исправительной колонии (ч. 1 ст. 99 УИК РФ). Что касается следственных изоля-

торов (далее – СИЗО), то норма санитарной площади в камере на одного человека составляет четыре квадратных метра (п. 23 Правил внутреннего распорядка следственных изоляторов уголовно-исполнительной системы, Правил внутреннего распорядка исправительных учреждений и Правил внутреннего распорядка исправительных центров уголовно-исполнительной системы утв. Приказом Минюста России от 4 июля 2022 № 110).

Но ни в уголовно-исполнительном законодательстве, ни в Правилах внутреннего распорядка, указанных выше, не закреплены ограничения, позволяющие не допускать переполнения учреждений УИС. Это ведет к нарушению принципа гуманизма и созданию недопустимых условий размещения, которые унижают человеческое достоинство осужденных.

По сообщению начальника Управления исполнения приговоров и специального учета ФСИН в России, в 2021 году были переполнены 50 из 203 следственных изоляторов. При этом в 2021 году число обвиняемых, которых отправили под стражу, увеличилось на 4 %, до 205,3 тыс. человек [2].

Очевидно, что в целях реализации принципа гуманизма и недопущения обращения, унижающего человеческое достоинство, на законодательном уровне необходимо разработать меры, препятствующие переполнению учреждений уголовно-исполнительной системы.

Принцип гуманизма нацелен также на «расширение возможности поддержания и развития социально полезных связей осужденных с родственниками» [3, с. 23–24]. Коммуникации с внешним миром, в первую очередь общение с семьей и другими близкими лицами во время отбывания наказания, способствуют успешной ресоциализации осужденных и позволяют снизить уровень рецидивной преступности.

Еще М. Н. Гернет писал, что «одним из тяжелых переживаний заключенного в тюрьму и особенно в одиночную камеру является лишение его связей с внешним миром, с родными и близкими...» [4, с. 180].

¹ До XIX века уголовно-исполнительное право имело характер тюремного права и являлось подотраслью уголовного права.

Важная роль семьи в исправлении и ресоциализации осужденных подтверждается современными исследователями сфер юриспруденции, психологии, социологии.

Ф. В. Грушин предлагает использовать следующий опыт стран СНГ (Республики Беларусь, Республики Казахстан): в целях исправления осужденных, поддержания полезных социальных связей с родственниками направлять их для отбывания наказания в те исправительные учреждения, которые имеют транспортную доступность для родственников осужденного [5, с. 246-247].

А. Г. Финаева пишет, что семья является «основным социальным институтом, выполняющим ресоциализационную функцию по отношению к осужденному как в период пребывания в исправительном учреждении, так и после его освобождения» [6, с. 3]. Соответственно, «постоянное взаимодействие осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях, с членами семьи в форме свиданий, звонков, переписки, отправки посылок и передач» влияет на их успешную ресоциализацию [6, с. 15–16].

На этот счет известна позиция Конституционного Суда РФ, который признал неконституционными положения п. «б» ч. 3 ст. 125 и ч. 3 ст. 127 УИК РФ в той мере, в какой они запрещали в течение 10 лет длительные свидания осужденным к пожизненному лишению свободы, отбывающим наказание в строгих условиях исправительных колоний особого режима (Постановление Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2016 года № 24-П «По делу о проверке конституционности пункта “б” части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н. В. Королева и В. В. Королевой»).

Конституционный Суд РФ сослался на *новые подходы к социализации заключенных и гуманизации отбывания уголовного наказания*, которые нашли отражение в правовых документах Организации Объединенных Наций и Совета Европы, а также меморандуме Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 27 июня 2007 года. Как отмечается в меморандуме Европейского комитета по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 27 июня 2007 года, нередко пожизненное или долговременное лишение свободы приводит к разрушению супружеских и семейных отношений, которые питаются эмоциональными связями; предотвращение обесценивания этих отношений имеет существенное значение для поддержания психического здоровья заключенных и является дополнительной мотивацией для позитивного использования ими времени пребывания в заключении; соответственно, необходимо, чтобы условия отбывания пожизненного или долгосрочного лишения свободы способствовали поддержанию

семейных и супружеских отношений, что требует принятия мер, позволяющих избежать их ухудшения, в том числе путем обеспечения доступности семейных посещений, отсутствие которых может иметь пагубные последствия для психического здоровья заключенного и мотивации к позитивному использованию времени пребывания в заключении.

Признавая неконституционными уголовно-исполнительные нормы, устанавливающие для осужденных полный запрет на длительные свидания в течение 10 лет, Конституционный Суд РФ указал, что содержание этих норм не соответствует принципам гуманизма, равенства, законности и другим общеправовым принципам, а также общепризнанным принципам международного права.

В связи с этим Федеральным законом от 16 октября 2017 года № 292-ФЗ были внесены изменения в УИК РФ и увеличено количество свиданий для всех лиц, отбывающих наказание в строгих условиях исправительных колоний разных видов. Так, если осужденные содержатся в исправительных колониях общего режима, то теперь им предоставляются 3 краткосрочных и 3 длительных свидания в течение года (ранее – по 2). Если в исправительных колониях строгого режима – 2 краткосрочных и 2 (а не 1) длительных свидания; в исправительных колониях особого режима и тюрьмах – 2 краткосрочных и 1 длительное (последнее прежде не полагалось); в воспитательных колониях – 6 краткосрочных и 3 длительных свидания в течение года (до изменений последние не предоставлялись).

Но резонно возникает вопрос, почему законодатель увеличил, количество свиданий только для лиц, находящихся в строгих условиях отбывания наказания? Почему аналогично не увеличено число свиданий лицам, отбывающим наказание в обычных и облегченных условиях?

Отметим, что в настоящее время при переходе к менее строгим условиям отбывания наказания количество краткосрочных свиданий не меняется в тюрьме, исправительных колониях особого и общего режима.

Так, если осужденные содержатся в исправительных колониях общего режима, то им предоставляется по 6 свиданий в обычных и облегченных условиях (ст. 121 УИК РФ). Если осужденные содержатся в исправительных колониях особого режима, то им предоставляются по 2 краткосрочных свидания в строгих и обычных условиях (ст. 125 УИК РФ) и т. д.

Полагаем, что число длительных и краткосрочных свиданий должно варьироваться в зависимости от условий отбывания наказания и значительно увеличиваться для тех осужденных, которые своим положительным поведением и добросовестным отношением к труду заслужили перевод в более мягкие условия отбывания наказания.

Как писал Ю. М. Ткачевский, сторонник прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний: «Переход на ту или иную ступень про-

грессивной системы, в том числе в новые условия отбывания наказания, должен сопровождаться ощутимыми, значительными изменениями режима исполнения наказания. Лишь при соблюдении этого требования осужденный реально ощутит преимущества добросовестного отношения к исполнению наказания и негативные последствия злостного неисполнения режимных правил, недисциплинированности. Незначительные, малоощутимые изменения условий содержания осужденных теряют свой стимулирующий или устрашающий характер. К «мелочи» незачем стремиться, «мелочь» и не устрашит... Усиление значимости изменения условий исполнения наказания осужденных, усилит воспитательное значение прогрессивной системы исполнения уголовных наказаний» [7, с. 232].

Социологические исследования показывают, что большая часть осужденных отбывающих наказание в обычных и облегченных условиях сохраняет родственные связи, а значит, нуждается в более частых контактах с близкими людьми.

Таким образом, именно существенное различие в числе свиданий и других льготах, связанных с переводом в улучшенные условия в исправительных колониях, будет стимулировать положительное поведение осужденных и способствовать соблюдению принципов дифференциации и индивидуализации исполнения наказаний.

Увеличение количества свиданий для этой категории осужденных будет также нацелено на успешные практики ресоциализации.

Этот вывод подтверждают результаты исследования по теме «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него (2018–2021 гг.)», проведенного членами кафедры уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С. П. Королева², в ходе которого было опрошено две группы респондентов: 1) лица, содержащиеся в исправительных колониях общего и строгого режима в обычных и облегченных условиях (275 чел.); 2) лица, освобожденные из мест лишения свободы (100 чел.) [8, с. 174–186].

Большая часть респондентов первой группы до осуждения жили семьей с кем-то из родственников или с супругами (88 %). При этом с супругой (в официальном или неофициальном браке) проживало наибольшее количество опрошенных – 35 %, с детьми – 22 %, с родителями – 11 %, с супругой и детьми 7 %, с другими родственниками – 13 % опрошенных. И только 12 % проживали по одному или у друзей.

На вопрос о планах на самые первые дни после освобождения для большинства этих респондентов оказались актуальными ответы «*добраться до собственного места жительства*» (87 %) и «*встретиться с семьей*» (85 %).

² Руководитель социологического исследования – д. соц. н., проф. Шукина Н. П. Автор статьи выступала соисполнителем исследования.

Эти же респонденты оказались наименее удовлетворены работой Школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях по восстановлению и развитию связей с родственниками и близкими людьми.

Что касается лиц, освобожденных из мест лишения свободы (100 чел.), то после освобождения проживали с кем-то из родственников или с супругами 85 % ответивших.

С учетом изложенного полагаем, что назрела необходимость в развитии более тесного сотрудничества, партнерства уголовно-исполнительной системы с институтом семьи осужденного и использованием ее ресоциализационного потенциала.

В образовательные программы Школы подготовки к освобождению в исправительных учреждениях необходимо включить темы, посвященные технологиям восстановления и развития семейных, родственных и иных социально полезных связей осужденных. Отдавая должное большому вкладу в исправительно-воспитательный процесс сотрудников исправительных учреждений, вместе с тем считаем, что заменить собой родственников или других близких лиц осужденного они не могут.

Необходимость отмены законодательного запрета длительных и краткосрочных³ свиданий для лиц, находящихся в помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа, одиночных камерах, рекомендовалась участниками конференции «Усиление гражданского контроля мест лишения свободы в России. Лучшие практики работы общественных наблюдательных комиссий в регионах РФ», которая проходила в Санкт-Петербурге, 7–8 августа 2021 года.

Отметим также, что в уголовно-исполнительном законодательстве предусмотрен ряд ограничений для осужденных не только в части свиданий, но и телефонного общения. Администрация исправительной колонии при отсутствии технической возможности может ограничить телефонные разговоры до 6 в год для всех осужденных (ч. 1 ст. 92 УИК РФ). При этом для отдельной категории осужденных, указанной в законе, телефонный разговор может быть разрешен лишь при наличии исключительных обстоятельств (ч. 3, 4 ст. 92, ст. 118 УИК РФ)⁴.

В связи с этим 8 августа 2022 г. в Государственную Думу был внесен законопроект № 178001-8 «О внесении изменений в часть третью статьи 92 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации», предусматривающий, что если осужденный находится в строгих условиях отбывания наказания один год и более, ему дополнительно предоставляется право на телефонный разговор в

³ Одно краткосрочное свидание разрешено с разрешения администрации

⁴ Речь идет об осужденных, находящихся в строгих условиях отбывания наказания, а также в штрафных изоляторах, помещениях камерного типа, единых помещениях камерного типа и одиночных камерах.

течение каждого года [9]. Разработчики этого законопроекта сослались на принципы гуманизма, демократизма, рационального применения мер принуждения, средств исправления осужденных и стимулирования их правопослушного поведения (ст. 8 УИК РФ).

Положительно оценивая внимание законодателя к данной проблеме, считаем, что одного телефонного звонка в год для сохранения связи с родственниками и другими близкими лицами явно недостаточно.

Не отрицая необходимости в законодательных ограничениях прав осужденных, считаем, что такие ограничения должны наименее касаться свиданий и телефонного общения с родственниками и близкими лицами. Избыточные ограничения не согласуются с задачей – оказание осужденным помощи в социальной адаптации (ч. 2 ст. 1 УИК РФ), способствуют ослаблению и разрыву социальных связей и нарушают принцип гуманизма.

Заметим, что Минимальные стандартные правила ООН в отношении обращения с заключенными (Правила Нельсона Манделы 2015 года) также нацеливают на поддержание и укрепление семейных связей осужденных и в качестве дисциплинарных взысканий или ограничительных мер не рекомендуют запреты на контакты с семьей (пр. 43, 58).

Заслуживает внимания в части коммуникаций осужденных с внешним миром зарекомендовавший себя положительно опыт зарубежных стран. Например, в американских тюрьмах телефоны установлены в каждом жилом блоке, и их достаточно, чтобы осужденные имели к ним разумный доступ. Заключенные могут пользоваться телефонами в нерабочее время утром или вечером. Что касается ограничений по использованию телефонов, то осужденные могут использовать в общей сложности 300 минут телефонного времени каждый месяц. В ноябре и декабре администраторы выделяют 400 минут, чтобы обеспечить *больше семейных контактов во время праздников* [10, с. 184–194].

В отдельных странах в работу тюремных учреждений внедряются специальные программы, направленные на более активное взаимодействие осужденных с семьями и усиление поддержки правонарушителей, выходящих из тюрьмы.

Так, в штате Тасмания Австралии в тюрьме Рисдон внедрена тюремная программа The Inside Out Prison Program (White and Mason, 2003), которая направле-

на на оказание материальной и нематериальной поддержки заключенным и их семьям с целью предотвращения самоубийств и членовредительства среди заключенных. Эксперты, которые оценивали работу программы The Inside Out Prison Program, пришли к следующим ключевым выводам: программа положительно влияет на психическое здоровье осужденных, поскольку предоставляет им полезный неинституциональный (вне учрежденческий) способ уменьшить/снять стресс, связанный с лишением свободы, возможность высвободить сдерживаемые эмоции. И главное, эта программа позволяет им лучше поддерживать связь со своими семьями и близкими [11, с. 504–505].

Полагаем, что подобный программный формат работы с осужденными и их семьями при реализации уголовно-исполнительной политики заслуживает внимания и обсуждения российскими специалистами в сфере юриспруденции. Тем более что значительное число проблем в российской уголовной и уголовно-исполнительной политике также решается путем принятия и реализации различного рода программ. В качестве примера можно привести государственную программу Российской Федерации «Юстиция», утвержденную постановлением Правительства РФ от 15 апреля 2014 года № 312. Так, из отчета о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Юстиция» в 2020 году следует, что в рамках Ведомственной программы социально-психологической работы в отношении лиц, имеющих алкогольную и наркотическую зависимость, содержащихся в СИЗО и исправительных учреждениях УИС, курс мероприятий успешно прошли 3154 осужденных (в 2019 году – 2490 осужденных) [12].

В завершение отметим, что при формировании и реализации уголовно-исполнительной политики необходимо соблюдение принципов национального уголовно-исполнительного права и общепризнанных принципов международного права, а также обеспечение соответствия уголовно-исполнительных норм и практики их применения конституционным положениям. Принципы уголовно-исполнительного права, являясь регулятором общественных отношений в сфере уголовно-исполнительной деятельности, должны предопределять законодательное закрепление и применение правовых институтов и норм и в конечном результате достижение законодательных целей.

Библиографический список

1. Герцензон А. А. Михаил Николаевич Гернет, его жизнь, общественная и научная деятельность (1874–1953 гг.) // Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 1. Москва, 1960. 384 с. URL: <https://pravo.news/gosudarstva-prava-istoriya/mihail-nikolaevich-gernet-ego-jizn-95696.html>.
2. Уварчев Л. В России переполнена четверть СИЗО // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5357551> (дата обращения: 15.07.2022).
3. Комментарий к Уголовно-исполнительному кодексу РФ / под ред. А. И. Зубкова. Москва: НОРМА, 2004. 496 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1949475-kommentariy-k-ugolovno-ispolnitelnomu-kodeksu-rossiyskoj-federacii/toread>.
4. Гернет М. Н. История царской тюрьмы: в 5 т. Т. 4. Москва, 1962. 302 с. URL: https://istoriki.su/uploads/Gernet_M_N_Istoria_tsarskoj_tyurmy_V_pyati_tomakh_Izd_3-e_Tom_4_Petropavlovskaya_krepost_1900__1917_1962.pdf.

5. Грушин Ф. В. Система факторов, определяющих развитие уголовно-исполнительной политики и уголовно-исполнительного законодательства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2019. 44 с. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sistema-faktorov-opredelyayushchikh-razvitie-ugolovno-ispolnitelnoi-politiki-i-ugolovno-ispo>.
6. Финаева А. Г. Ресоциализационный потенциал семьи осужденного: автореф. дис. ... канд. соц. наук. Саратов, 2012. 19 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/resotsializatsionnyi-potentsial-semi-osuzhdenного>.
7. Ткачевский Ю. М. Российская прогрессивная система исполнения уголовных наказаний. Москва: Издательский Дом «Городец», 2007. 240 с. URL: <https://studizba.com/files/show/pdf/53003-1-yu-m-tkachevskiy--progressivnaya.html>.
8. Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество осужденных: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. Кленовой Т.В. Москва: Юрлитинформ, 2019. 432 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36725933>. EDN: <https://elibrary.ru/ysyklb>.
9. Информационный ресурс Государственной думы Российской Федерации «Система обеспечения законодательной деятельности». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/178001-8> (дата обращения: 16.07.2022).
10. Zoukis C. Federal Prison Handbook: The Definitive Guide to Surviving the Federal Bureau of Prisons. Charlestone, SC.: Middle Street Publishing, 2017. 364 p. URL: <https://federalcriminaldefenseattorney.com/our-prison-books/federal-prison-handbook>.
11. Davies P., Francis P. Doing Criminological Research. London: SAGE Publishing, 2018. 547 p. URL: <https://methods.sagepub.com/book/doing-criminological-research>.
12. Официальный сайт Министерства юстиции Российской Федерации. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/programs/11> (дата обращения: 16.07.2022).

References

1. Gertsenzon A. A. *Mikhail Nikolaevich Gernet, ego zhizn', obshchestvennaya i nauchnaya deyatel'nost' (1874–1953 gg.)* [Mikhail Nikolaevich Gernet, his life, public and scientific activity (1874–1953)]. In: *Gernet M.N. Istoriya tsarskoi tyur'my: v 5 t. T. 1* [History of the royal prison: in 5 vols. Vol. 1]. Moscow, 1960, 384 p. Available at: <https://pravo.news/gosudarstva-prava-istoriya/mihail-nikolaevich-gernet-ego-jizn-95696.html> [in Russian].
2. Uvarchev L. *V Rossii perepolnena chetvert' SIZO* [In Russia, a quarter of the pre-trial detention center is overcrowded]. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/5357551> (accessed 15.07.2022) [in Russian].
3. *Kommentarii k Ugolovno-ispolnitel'nomu kodeksu RF. Pod red. A. I. Zubkova* [Zubkov A. I. (Ed.) Commentary on the Criminal Executive Code of the Russian Federation]. Moscow: NORMA, 2004. -496 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1949475-kommentariy-k-ugolovno-ispolnitelnomu-kodeksu-rossiyskoy-federacii/toread> [in Russian].
4. Gernet M. N. *Istoriya tsarskoi tyur'my: v 5 t. T. 4* [History of the royal prison: in 5 vols. Vol. 4]. Moscow, 1962, 302 p. Available at: https://istoriki.su/uploads/Gernet_M_N_Istoria_tsarskoy_tyurmy_V_pyati_tomakh_Izd_3-e_Tom_4_Petrovavlovskaya_krepost_1900__1917_1962.pdf [in Russian].
5. Grushin F. V. *Sistema faktorov, opredelyayushchikh razvitie ugolovno-ispolnitel'noi politiki i ugolovno-ispolnitel'nogo zakonodatel'stva: avtoreferat dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of factors that determine the development of penitentiary policy and penitentiary legislation: author's abstract of Doctoral of Law thesis]. Yekaterinburg, 2019, 44 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sistema-faktorov-opredelyayushchikh-razvitie-ugolovno-ispolnitelnoi-politiki-i-ugolovno-ispo> [in Russian].
6. Finaeva A. G. *Resotsializatsionnyi potentsial sem'i osuzhdenного: avtoreferat dis. ... kand. sots. nauk* [Resocialization potential of the convict's family: author's abstract of Candidate's of Social Sciences thesis]. Saratov, 2012, 19 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/resotsializatsionnyi-potentsial-semi-osuzhdenного> [in Russian].
7. Tkachevsky Yu. M. *Rossiiskaya progressivnaya sistema ispolneniya ugolovnykh nakazanii* [Russian progressive system of execution of criminal penalties]. Moscow: Izdatel'skii Dom «Gorodets», 2007, 240 p. Available at: <https://studizba.com/files/show/pdf/53003-1-yu-m-tkachevskiy--progressivnaya.html>.
8. *Resotsializatsiya i real'noe vklyuchenie v grazhdanskoe obshchestvo osuzhdennykh: monografiya. Pod red. dokt. yurid. nauk, prof. Klenovoi T. V.* [Klenova T. V. (Ed.) Resocialization and real inclusion of convicts into the civil society: monograph]. Moscow: Yurilitinform, 2019, 432 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36725933>. EDN: <https://elibrary.ru/ysyklb> [in Russian].
9. *Informatsionnyi resurs Gosudarstvennoi Dumy Rossiiskoi Federatsii «Sistema obespecheniya zakonodatel'noi deyatel'nosti»* [Information resource of the State Duma of the Russian Federation «System for ensuring legislative activity»]. Available at: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/178001-8> (accessed 16.07.2022) [in Russian].
10. Zoukis C. Federal Prison Handbook: The Definitive Guide to Surviving the Federal Bureau of Prisons. Charlestone, SC.: Middle Street Publishing, 2017. 364 p. Available at: <https://federalcriminaldefenseattorney.com/our-prison-books/federal-prison-handbook>.
11. Davies P., Francis P. Doing Criminological Research. London: SAGE Publishing, 2018, 547 p. Available at: <https://methods.sagepub.com/book/doing-criminological-research>.
12. *Ofitsial'nyi sait Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii* [Official website of the Ministry of Justice of the Russian Federation]. Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/activity/programs/11/> (accessed 16.07.2022) [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.42

Дата поступления 14.08.2022

рецензирования: 27.09.2022

принятия: 28.10.2022

«Оскорбление религиозных чувств верующих» как цель преступлений против религиозной свободы (ст. 148 УК РФ): проблемы законодательной техники

А. В. Иванчин

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

С. А. Силантьев

Ярославский государственный университет имени П. Г. Демидова, г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: svyatoslav.silantev.97@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается цель «оскорбление религиозных чувств верующих» как обязательный признак преступлений против религиозной свободы с точки зрения соответствия требованиям качества уголовного закона, принципам справедливости и равенства граждан перед законом. Материалом для соответствующего направления исследования послужили нормы ст. 148 УК РФ. Актуальность избранной темы объясняется возникшими в науке и практике вопросами применения ст. 148 УК РФ после ее изменения в 2013 году. Научная новизна работы обусловлена недостаточной теоретической разработкой темы юридико-технических особенностей конструирования и применения норм о преступлениях против религиозной свободы. На основе положений уголовно-правовой науки продемонстрированы проблемы законодательной техники, связанные с криминальной целью «оскорбление религиозных чувств верующих». Обоснован вывод о том, что нестандартное использование термина «оскорбление» для описания субъективной, а не объективной стороны преступления, а также оценочный характер признака «религиозные чувства верующих» не являются дефектами, а потому допустимы. Предложены рекомендации, позволяющие определить, затронуты ли соответствующим посягательством какие-либо религиозные ценности. Также авторы статьи заключают, что главным недостатком законодательной формулировки цели «оскорбление религиозных чувств верующих» является то, что она создает необоснованное неравенство в уголовно-правовой охране верующих и атеистов, религиозных и иных социально значимых чувств.

Ключевые слова: преступления против свободы совести и вероисповеданий; оскорбление религиозных чувств верующих; цель преступления; законодательная техника; оценочные признаки состава преступления.

Цитирование. Иванчин А. В., Силантьев С. А. «Оскорбление религиозных чувств верующих» как цель преступлений против религиозной свободы (ст. 148 УК РФ): проблемы законодательной техники // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 52–57. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-52-57>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Иванчин А. В., Силантьев С. А., 2022

Артем Владимирович Иванчин – доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

Святослав Алексеевич Силантьев – аспирант, кафедра уголовного права и криминологии, Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, 150003, Российская Федерация, г. Ярославль, ул. Советская, 14.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 14.08.2022

Revised: 27.09.2022

Accepted: 28.10.2022

«Disrespect for religious people's feelings» as the aim of offences against freedom of religion (Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of legislative technique

A. V. Ivanchin

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: ivanchin@uniyar.ac.ru

S. A. Silantev

P. G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: svyatoslav.silantev.97@mail.ru

Abstract: The article concerns the topic of rightness of the lawmaker regarding «disrespect for religious people's feelings» as the aim of offences against freedom of religion. As research material the provisions of Article 148, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation were used applying which causes corresponding problems. The chosen topic relevance is explained by the questions as to application of Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation provoked by its change in 2013. Science novelty is attributed to lack of theoretical research of the juridical-technique drafting and application features of provisions concerning offences against freedom of religion. The research purpose is to analyse the aim factor of «disrespect for religious people's feelings» as regards fulfilment of the quality requirements of the law, principles of justice and equal treatment under the law. Based on regulations of the criminal-law science the problems of legislative technique relating to the aim of disrespect for religious people's feelings are demonstrated. The creators have expressed the opinion that non-standard use of the term «disrespect» to describe mens rea, not actus reus and also generic nature of the «religious people's feeling» criterion are not defects. Particular recommendations were proposed that allow defining whether it was attempted to defile religious values. It was concluded that the most important shortcoming of the current legislative definition of the «disrespect for religious people's feelings» aim is that it causes unreasonable inequality of religious people and atheists, religious and other socially vital feelings under the criminal law.

Key words: offences against freedom of conscience and religion; disrespect for people's religious feelings; aim of the offence; legislative technique; generic criteria.

Citation. Ivanchin A. V., Silantev S. A. «Oskorblenie religioznykh chuvstv veruyushchikh» kak tsel' prestuplenii protiv religioznoi svobody (st. 148 UK RF): problemy zakonodatel'noi tekhniki [«Disrespect for religious people's feelings» as the aim of offences against freedom of religion (Article 148 of the Criminal Code of the Russian Federation): problems of legislative technique]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 52–57. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-52-57> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Ivanchin A. V., Silantev S. A., 2022

Artem V. Ivanchin – Doctor of Laws, associate professor, dean of the Law Faculty, head of the Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Svyatoslav A. Silantev – postgraduate student, Department of Criminal Law and Criminology, P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14, Sovetskaya Street, Yaroslavl, 150003, Russian Federation.

Защита права граждан на беспрепятственное и безопасное исповедание своих религиозных воззрений и отправление религиозного культа является одной из насущных проблем правовой политики государства, в том числе и той ее части, которая касается развития уголовно-правового блока. Одним из видных событий в данной области стало произошедшее в 2013 году видоизменение непосредственно регулирующей этот предмет статьи 148 УК РФ. Результатом изменений стало появление уголовной ответственности за так называемое «оскорбление религиозных чувств верующих», вызвавшее бурные баталии в научной среде, наибольшая часть которых касалась критической оценки закрепленной в ней одноименной цели. Ранее мы уже обращались к проблеме данной цели преступления, которая заключается в невыполнении этим признаком своей правоприменительной роли, связанной с отграничением преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, от административного правонарушения, предусмотренного ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ [1, с. 146]. Однако это не единственная «болевая точка» соответствующей нормы. Применительно к цели «оскорбление религиозных чувств верующих» существует целый ряд дискуссионных вопросов, ответы на которые важны для корректировки прavoтворческой и правоприменительной практик.

В первую очередь следует обратить внимание на тот факт, что законодатель прибегает при описании преступной цели к использованию термина «оскорбление», который имеет распространение в УК РФ (например, ст. 297, 319) и отнесен к объективной стороне преступлений. Привлечение же его для характеристики субъективной стороны

стало отличительной чертой именно ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Важно отметить и то, что оскорбление является административным правонарушением, предусмотренным ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ, и определяется настоящим Кодексом как «унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной или иной противоречащей общепринятым нормам морали и нравственности форме». Данная формулировка используется и при определении оскорбления в уголовно-правовых целях.

Именно через призму такого привычного понимания оскорбления в уголовном и административном праве многие авторы и трактуют цель применительно к ч. 1 ст. 148 УК РФ. Это приводит к ошибочным, на наш взгляд, суждениям по поводу рассматриваемого явления: так, некоторые авторы отмечают, что этой нормой УК РФ криминализовано унижение чести и достоинства лица, принадлежащего к такой социальной группе, как верующие, считают несправедливостью то, что «ответственность за оскорбление простого человека сегодня выведена за пределы уголовного закона и предусмотрена административным законодательством (ст. 5.61 КоАП РФ) <...>. Зато введена уголовная ответственность за публичное оскорбление верующих» [2, с. 213].

Нам представляется, что озвученная позиция неверна и *противоречий либо дублирования между ч. 1 ст. 148 УК РФ и ст. 5.61 КоАП РФ не имеется*. Видимо, остается без внимания тот факт, что при совершении деяния, предусмотренного ч. 1 ст. 148 УК РФ, по мысли законодателя, нарушаются не права и интересы конкретной личности, не унижается ее честь и достоинство,

как при административно наказуемом оскорблении, а подвергаются посягательству религиозные ценности и объекты почитания, которые имеют и свое отдельное бытие, отличное от персон тех, кто испытывает к ним религиозное благоговение. В ситуациях, когда унижаются честь и достоинство персонально определенного верующего, ответственность должна наступать по ст. 5.61 КоАП РФ, если же оскорбление основывается на принадлежности потерпевшего к определенному религиозному течению, тогда в зависимости от статуса виновного лица (подвергался он или нет административной ответственности за аналогичное деяние) имеются признаки либо ст. 282 УК РФ, либо ст. 20.3.1 КоАП РФ.

По вопросу же о приемлемости нестандартного по сравнению с иными нормами УК РФ использования в ч. 1 ст. 148 УК РФ термина «оскорбление» мы стоим на позиции, что такое использование, с учетом прошедших с момента принятия запрета девяти лет, вполне допустимо: в общественном сознании выражение «оскорбление религиозных чувств верующих» получило четкую ассоциацию с соответствующим уголовно-правовым запретом, в судебной практике не встречается случаев, когда квалификация по ч. 1 ст. 148 УК РФ происходила бы за оскорбление верующего как частного лица, т. е. правоприменитель четко различает указанные деяния, и ошибок в правоприменительную практику рассматриваемой редакцией норм привнесено не было. Кроме того, выражение «оскорбление религиозных чувств» используется при описании подобных деяний и в зарубежном законодательстве: например, ст. 196 Уголовного кодекса Республики Польша устанавливает ответственность для тех, «кто оскорбляет религиозные чувства других лиц, публично оскорбляя предмет религиозного почитания или место, предназначенное для публичного исполнения религиозных обрядов» [3, с. 149].

Необычной для уголовного законодательства является и категория «религиозные чувства верующих». Психология определяет чувства как «переживаемые в различной форме внутренние отношения человека к тому, что происходит в его жизни, что он познает или делает» [4, с. 316]. Так как в нашем случае чувства носят религиозный характер, имеют своим объектом религию, то они представляют собой некие переживания, возникающие применительно к сформированной религией системе взглядов, воззрений, установок, идей, обычаев, объектов почитания. А так как эти чувства по смыслу закона могут пострадать от посягательства на такие религиозные ценности и объекты почитания, значит, они характеризуются благоговением перед такими священными образами, предполагают сильную душевную привязанность к ним.

Из подобной трактовки следует и то, что установление свойства оскорбительности для чувств верующих и того, где находится предел этих религиозных чувств, зависит от религиозных норм. По этому поводу отмечается, что «для того, чтобы

понять и квалифицировать деяние как оскорбляющее чувства верующего человека, необходимо обратиться к источникам и нормам религии, которые описывают основные догмы, правила совершения тех или иных обрядов, правила поведения в местах проведения религиозных церемоний и т. д. Однако конфессиональные нормы не являются частью российской правовой системы. Поэтому понимание оскорбления чувств верующих находится в сфере субъективных оценок и восприятий» [5, с. 204].

Думается, мнение о неправомерности обращения к религиозным нормам для определения священного характера того или иного предмета, а также того факта, что он оскверняется определенным воздействием, будет излишне категоричным – уголовный закон уже содержит запреты таких деяний, для установления характера которых необходимо выходить за сферу права (например, это хулиганство (ст. 213 УК РФ), предполагающее нарушение моральных норм и правил). Этим уголовное право не вторгается в сферу регулирования соответствующих социальных норм, но осуществляет противодействие такому поведению, которое является вредоносным в глазах всего общества. Для того же, чтобы определить конкретные черты такого поведения, государство и прибегает к выяснению мнения на этот счет религиозных источников.

Можно сказать, что субъект, преследуя перед собой такие намерения, которые уголовный закон называет «оскорблением религиозных чувств верующих», фактически желает совершить богохульство, кощунство, святотатство, глумление над религией. Поэтому некоторые авторы критикуют законодателя за лицемерие, недостаток искренности, выражающийся в нежелании признавать то, что на самом деле ч. 1 ст. 148 УК РФ защищаются не верующие, а сами религиозные учения и их благополучное существование [6, с. 22].

На наш взгляд, вышеприведенное суждение является чересчур резким. Действительно, нельзя отрицать, что из уголовно-правовой охраны от кощунственных действий извлекают пользу и религиозные течения как таковые. Однако эффектом от указанных действий, которым и объясняется существование норм об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих, является как раз то, что неприличные действия лица затрагивают такие важные для верующих материи, намеренное нарушение священного облика которого может существенно повредить душевному спокойствию не просто одного человека, а внушительного сообщества верующих граждан. При этом описанная нами фактура вполне осознается лицами, виновными в совершении публичных кощунственных действий.

Исходя из этого, *мы считаем, что приводимые в науке доводы малоубедительны для отказа от использования выражения «религиозные чувства верующих» при описании субъективной стороны соответствующего посягательства*

на свободу вероисповедания, тем более что оно используется и в зарубежном уголовном законодательстве.

Еще одной проблемой, обсуждаемой в связи с целью «оскорбление религиозных чувств верующих», является определение области применения ст. 148 УК РФ, исходя из законодательной формулировки соответствующей цели преступления, в каких границах она действует.

В первую очередь встает вопрос о том, какие именно конфессии защищены нормами ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ от оскорбления религиозных чувств верующих. И если с традиционными религиями все довольно понятно, то как быть с малочисленными (которые при этом могут быть древнее христианства – например, зороастризм) либо децентрализованными религиозными течениями (например, шаманизм народов Сибири), а также с маргинальными религиозными группами (например, сатанизм) – охраняются ли религиозные ценности этих объединений ч. 1 и 2 ст. 148 УК РФ?

Некоторые авторы придерживаются мнения, что уголовно-правовую охрану мелких религиозных течений, а также маргинальных религиозных групп (деструктивных сект и пародийных религий) от оскорбления религиозных чувств их адептов скорее можно охарактеризовать как доведение нормы УК РФ до абсурда [7, с. 173]. На подобные мысли способна навести и преамбула к Федеральному закону «О свободе совести и о религиозных объединениях», где говорится об уважении религий, составляющих неотъемлемую часть исторического наследия народов России (т. е. традиционных религий).

Вместе с тем ст. 148 УК РФ не содержит указания о запрете оскорблять религиозные чувства верующих, принадлежащих именно к традиционным религиям России, что можно расценить как предоставление защиты для любой религии. Думается, эта точка зрения более обоснована, тем более что равенство религиозных объединений перед законом (а значит, и равенство их вероучений, религиозных ценностей, в том числе и равная правовая охрана) гарантировано Конституцией РФ (ч. 2 ст. 14).

Однако, безусловно, возникает практический вопрос – **как определить, что затронуты какие-либо религиозные ценности**, т. е. что предмет неприличных действий относится к определенной религии и что такая религия в принципе существует? На этот счет можно высказать следующие соображения: *во-первых*, чтобы признать для целей ст. 148 УК РФ религию существующей, необходимо, чтобы она была организована в виде одного из предусмотренных российским законодательством религиозных объединений (т. е. либо как религиозная группа, либо как религиозное объединение); *во-вторых*, виновное лицо хотя бы в общих чертах должно осознавать, что предмет его неприличных действий имеет религиозную природу; *в-третьих*, не могут признаваться направленными на оскор-

бление религиозных чувств верующих такие действия, которые затрагивают религиозные ценности религиозных объединений, чья деятельность признана противоправной либо противоречит основам общественной нравственности или духовной культуры (поэтому, на наш взгляд, нельзя признать оскорбляющими религиозные чувства гипотетически возможные карикатуры на сатанинскую символику, а также на образы Сатаны, так как в общественном сознании данные явления четко ассоциируются со злом и пороками).

Наиболее же проблемным моментом норм уголовного права об оскорблении религиозных чувств верующих является их односторонность, направленность исключительно на защиту лиц, придерживающихся религиозных убеждений. Выражением этого является закрепление в качестве цели преступления оскорбления именно религиозных чувств верующих, чем оставлены в незащищенном состоянии интересы атеистов в данной области.

Ряд авторов пытается исправить такие упущения законодателя путем толкования. Но, к сожалению, результаты получаются по меньшей мере спорные. Так, Г. А. Есаков пишет, что «буквальное толкование закона и текст ч. 2 статьи позволяют предположить, что чувства атеистов и агностиков уголовным законом не охраняются; однако если рассматривать последние категории граждан как верующих в отсутствие чего-то, то состав будет охранять и их чувства» [8, с. 212].

Такое толкование представляется несостоятельным. Общественное мнение не воспринимает атеистов и агностиков как верующих, общепринятым является обозначение как верующих именно лиц, которые признают существование Бога и имеют на основе этого определенную систему религиозных убеждений. Сомнительно приведенное толкование и с точки зрения мировоззренческой: агностики вообще отказываются ставить перед собой вопрос о существовании или несуществовании сверхъестественных сил, а потому нельзя сказать, что они во что-то верят. Атеисты же верующими не могут считаться потому, что они не используют сам механизм веры, не пытаются познать основы бытия на основе ощущения сверхъестественной связи или откровения.

Исходя из этого, следует признать, что ст. 148 УК РФ действительно охраняет лишь чувства верующих. Но не только верующие имеют какие-либо чувства и интересы в части отношения к религии, у атеистов также существует определенная система убеждений в данной области, которая может подвергаться посягательствам, схожим по характеру с действиями, оскорбляющими чувства верующих.

Руководствуясь такими соображениями, следует констатировать, что ныне действующие предписания ч. 1 и ч. 2 ст. 148 УК РФ не соответствуют положениям ч. 2 ст. 19 Конституции РФ, согласно которым «государство гарантирует равенство прав

и свобод человека и гражданина независимо от <...> отношения к религии». Пренебрежение же таким конституционным принципом ведет к тому, что **атеисты чувствуют себя ущемленными, пораженными в правах и свободах**, так как их поведение и взгляды могут счесть преступлением, позиция же их оппонентов, в какой бы форме она ни выражалась, таковым считаться не будет. Это повышает уровень их агрессивности, неудовлетворенности государственной политикой, что является одним из оснований для отрицательной оценки рассматриваемой нормы. С этой точки зрения заслуживает внимания уголовное законодательство Германии, где ответственность установлена за «оскорбление сути религиозного или мировоззренческого исповедания других лиц» [9, с. 160].

Вызывает вопросы и тот факт, что **законодатель поставил перед собой задачу уголовно-правовой охраны от оскорбления исключительно религиозных, а не каких-либо иных социально значимых чувств**. В УК РФ неоднократно упоминается такой признак, как мотив «политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы». Нетрудно видеть, что в данном случае особо порицаемыми, наравне с религиозными, считаются также и иные причины ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы. Из такого отношения можно было бы сделать вывод, что для законодателя одинаково ценны как религиозные, так и иные социально значимые чувства (политические, национальные и др.). Однако государствен-

ная власть не высказывает стремления защитить и их от оскорбления, хотя они, так же как и религиозные воззрения, немаловажны для населения и их умаление может негативно сказаться на социуме. Как верно замечает по этому поводу О. Е. Спиридонова, «не совсем понятна мысль законодателя, почему публичное оскорбление религиозных чувств верующих возобладавало над публичным оскорблением иных чувств человека, в т. ч. верующего. Получается, что не религия существует в государстве, а государство растворилось в религии, т. е. <...> делается попытка навязать понятие общества, основанного на религиозных предписаниях» [10, с. 74].

Таким образом, мы приходим к выводу, что основной проблемой законодательной техники, связанной с целью «оскорбления религиозных чувств верующих», является не спорное употребление термина «оскорбление» для характеристики субъективной стороны и не то, что «религиозные чувства верующих» являются оценочным признаком. Главным недостатком нынешней законодательной формулировки цели «оскорбление религиозных чувств верующих», на наш взгляд, следует считать то, что она создает необоснованное неравенство в уголовно-правовой охране верующих и атеистов, религиозных и иных социально значимых чувств. В то же время вызывает сомнения сама общественная опасность деяния, запрещенного ч. 1 ст. 148 УК РФ, а потому выявленные нами дефекты законодательства служат одним из дополнительных доводов в пользу исключения из уголовного закона ч. 1 ст. 148 УК РФ.

Библиографический список

1. Силантьев С. А. Коллизии норм уголовного и административного права об ответственности за оскорбление религиозных чувств верующих: причины, проявления, пути преодоления // Евразийское научное объединение. 2020. № 1–2 (59). С. 143–147. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42433884>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wsxkql>.
2. Нуркаева Т. Н. Уголовно-правовая охрана личности, ее прав и свобод: вопросы теории и практики: монография. Москва: Проспект, 2017. 256 с. URL: <https://knigogid.ru/books/1658464-ugolovno-pravovaya-ohrana-lichnosti-ee-prav-i-svobod-voprosy-teorii-i-praktiki-monografiya>.
3. Уголовный кодекс Республики Польша / науч. ред. А. И. Лукашов, Н. Ф. Кузнецова. Санкт-Петербург: Юридический центр Пресс, 2001. 234 с.
4. Петровский А. В., Ярошевский М. Г. Психология: учебник. Москва: Издательский центр «Академия», 2001. 512 с. URL: https://www.phantastike.com/common_psychology/psihologiya_petrovskiy/html/.
5. Бондаренко В. Е. Нарушение права на свободу совести и вероисповеданий: проблема определения основания уголовно-правовой охраны // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2014. № 2 (97). С. 202–205. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22014966>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sntper>.
6. Мартышин О. В. Закон о защите чувств верующих в историко-правовом контексте (статья первая) // Государство и право. 2016. № 1. С. 21–30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25778695>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vsczqr>.
7. Коротких Н. Н., Соболевский В. Д. Содержательные характеристики объекта преступления, предусматривающего посягательство на свободу совести и вероисповедания // Евразийский юридический журнал. 2020. № 8 (147). С. 172–174. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44027692>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stoqph>.
8. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. Г. А. Есакова. Москва: Проспект, 2015. 592 с.
9. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия: научно-практический комментарий и перевод текста закона. Москва: Проспект, 2014. 312 с. URL: <https://books.google.ru/books?id=E0jVAgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.

10. Спиридонова О. Е. История развития российского уголовного законодательства об охране религиозных символов // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники): сборник научных статей / ответ. ред. Л. Л. Кругликов. Вып. 3. Ярославль, 2014. С. 66–77. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21657661>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sfyhpp>.

References

1. Silantev S. A. *Kollizii norm ugovnogo i administrativnogo prava ob otvetstvennosti za oskorblenie religioznykh chuvstv veruyushchikh: prichiny, proyavleniya, puti preodoleniya* [Collisions of norms of criminal and administrative law on responsibility for insulting religious feelings of faithful: causes, manifestations, ways to overcome]. *Evrasiiskoe nauchnoe ob"edinenie*, 2020, no. 1–2 (59), pp. 143–147. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42433884>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wsxkql> [in Russian].
2. Nurkaeva T. N. *Ugolovno-pravovaya okhrana lichnosti, ee prav i svobod: voprosy teorii i praktiki: monografiya* [Criminal protection of an individual, its rights and freedoms: issues of theory and practice: monograph]. Moscow: Prospekt, 2017, 256 p. Available at: <https://knigogid.ru/books/1658464-ugolovno-pravovaya-okhrana-lichnosti-ee-prav-i-svobod-voprosy-teorii-i-praktiki-monografiya> [in Russian].
3. *Ugolovnyi kodeks Respubliki Pol'sha. Nauchnye redaktory A. I. Lukashov, N. F. Kuznetsova* [Lukashov A. I., Kuznetsov N. F. (Eds.) The Polish penal code]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr Press, 2001, 234 p. [in Russian].
4. Petrovskii A. V., Yaroshevskii M. G. *Psikhologiya: uchebnik* [Psychology: textbook]. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya», 2001, 512 p. Available at: https://www.phantastike.com/common_psychology/psihologiya_petrovskiy/html/ [in Russian].
5. Bondarenko V. E. *Narushenie prava na svobodu sovesti i veroispovedanii: problema opredeleniya osnovaniya ugovno-pravovoi okhrany* [Violation of the right to a freedom of worship and religions: problem of definition of the basis of criminal legal protection]. *Vestnik Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii*, 2014, no. 2 (97), pp. 202–205. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22014966>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sntpep> [in Russian].
6. Martyshin O. V. *Zakon o zashchite chuvstv veruyushchikh v istoriko-pravovom kontekste (stat'ya pervaya)* [The law on protection of feelings of believers in the historical-legal context (article first)]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2016, no 1, pp. 21–30. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25778695>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vsczqr> [in Russian].
7. Korotkikh N. N., Sobolevskiy V. D. *Soderzhatel'nye kharakteristiki ob"ekta prestupleniya, predusmatrivayushchego posyagatel'stvo na svobodu sovesti i veroispovedaniya* [Substantive characteristics of the object of crime, providing for an encroachment on freedom of conscience and religion]. *Evrasiiskii yuridicheskii zhurnal* [Eurasian Law Journal], 2020, no. 8 (147), pp. 172–174. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44027692>. EDN: <https://www.elibrary.ru/stoqph> [in Russian].
8. *Kommentarii k Ugolovnomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii. Pod redaktsiei G. A. Esakova* [Esakov G. A. (Ed.) Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation]. Moscow: Prospekt, 2015, 592 p. [in Russian].
9. *Ugolovnoe ulozhenie (Ugolovnyi kodeks) Federativnoi Respubliki Germaniya: nauchno-prakticheskii kommentarii i perevod teksta zakona* [Criminal Code of the Federal Republic of Germany: scientific-practical commentary on the law text translation]. Moskva: Prospekt, 2014. 312 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=E0jVAgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> [in Russian].
10. Spiridonova O. E. *Istoriya razvitiya rossiiskogo ugovnogo zakonodatel'stva ob okhrane religioznykh simvolov* [Evolution of Russian criminal legislation that protect religious symbols]. In: *Aktual'nye problemy ugovnogo prava na sovremennom etape (voprosy differentsiatsii otvetstvennosti i zakonodatel'noi tekhniki): sbornik nauchnykh statei. Otvetstvennyi redaktor L. L. Kruglikov. Vyp. 3* [Kruglikov L. L. (Ed.) Actual problems of criminal law at the present stage (issues of differentiation of responsibility and legislative technique): collection of scientific articles. Issue 3]. Yaroslavl, 2014, pp. 66–77. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21657661>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sfyhpp> [in Russian].

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-4-58-61

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.07.2022

Revised: 23.08.2022

Accepted: 28.10.2022

Trade usages in the law of international sale of goods

K. A. Jovičić

Institute of Comparative Law, Belgrade, Serbia

E-mail: k.jovicic@iup.rs

Abstract: This paper examines the application of trade usages, one of the most important sources of autonomous international sales law (so-called *lex mercatoria*) that traders create according to their needs. To understand the application of trade usages, it is necessary to determine their position in source-of-law-hierarchy. As a separate issue, the paper analyses the subjective and objective basis for the application of trade usage, which are possible ways to regulate that issue in legal texts. It is pointed out that trade usages have normative and interpretive role in the contract for the international sale of goods. Their application would not be possible if the law did not allow it. The paper presents how this issue is regulated in characteristic legal systems, both national and international. It is concluded that trade usages have an important role in the law of the international sale of goods. That is confirmed by the fact that it is enough for trade usage to exist to be applied. That solution is justified considering that traders are expected to know not only the rules of the profession but also customs and to harmonize their actions with trade usages rather than with legal rules.

Key words: usages; trade usages; application of trade usages; international trade law; *lex mercatoria*; national sources of law for trade usages; Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods.

Citation. Jovičić K. A. Trade usages in the law of international sale of goods. *Juridicheski vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 58–61. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-58-61>.

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Jovičić K. A., 2022

Katarina A. Jovičić – senior research fellow, Institute of Comparative Law, 43, Terazije Street, Belgrade, 11000, Republic of Serbia.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

Дата поступления 25.07.2022

рецензирования: 23.08.2022

принятия: 28.10.2022

Торговые обычаи в праве международной купли-продажи товаров

K. A. Jovičić

Институт Сравнительного Права, г. Белград, Сербия

E-mail: k.jovicic@iup.rs

Аннотация: В данной статье рассматривается применение торговых обычаев, одного из наиболее важных источников автономного права международной купли-продажи (так называемого *lex mercatoria*), которое трейдеры создают в соответствии со своими потребностями. Чтобы понять особенности применения торговых обычаев, необходимо определить их положение в иерархии источников права. В качестве отдельного вопроса в статье анализируются субъективные и объективные основания применения торговых обычаев, каковы возможные способы регулирования данного вопроса в правовых текстах. Указано, что торговые обычаи имеют нормативную и интерпретационную роль в договоре международной купли-продажи товаров. Их применение было бы невозможно, если бы закон не позволял этого. В статье показано, как этот вопрос регулируется в характерных правовых системах, как национальных, так и международных. Делается вывод о важной роли торговых обычаев в праве международной купли-продажи товаров. Это подтверждается тем, что для осуществления торговой

практики достаточно торгового обычая. Это решение оправдано, учитывая, что от торговцев ожидается знание не только профессиональных правил, но и обычаев и согласование своих действий с торговыми обычаями, а не с правовыми нормами.

Ключевые слова: обычаи; торговые обычаи; применение торговых обычаев; международное торговое право; лекс меркатора; национальные источники права для торговых обычаев; Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров

Цитирование. Jovičić K. A. Trade usages in the law of international sale of goods // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 58–61. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-58-61>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Jovičić K. A., 2022

Katarina A. Jovičić – старший научный сотрудник, Институт международного права, 11000, Республика Сербия, г. Белград, ул. Теразије, 43.

1. Introduction

The emergence of trade usages is spontaneous and gradual. In the beginning, it is usually all about the behaviour of one reputable businessman, which develops into a trade practice in a particular area of commerce. That practice then develops into a trade usage. As a rule, it takes a long time to establish such behaviour and develop a consciousness of its obligatory nature. However, that is not so strict in the area of trade generally and for contracts for the international sale of goods because of their very dynamic natures. Therefore, it is not strange for a trade usage to be formed even before a long time has passed during which specific behaviour has been practiced. The legal theory is, also, of the opinion that it is enough to determine that usage exists, that it is applied and widely known among those who practice the relevant trade profession, regardless of whether it has been applied for a long period [1, pp. 20–21]. In that sense we agree with professor Fouchards when he defines usages as “legal rules resulting from repeated practice that apply unless the parties agree otherwise” [2, p. 80].

When the rules of trade usage are not in conflict with the rules of valid legal regulations then both can be applied in situations where usages govern an issue that is not specifically regulated by law. However, when one usage resolves a situation in a way that differs from what the law provides, then its application depends on whether it is contrary to dispositive legal norms or imperative ones. In the first case, as a rule, the usage will be applied rather than the dispositive legal norm because it is assumed that traders respect the usages of the profession and want their contractual relationship to be regulated in accordance with them [3, p. 366]. In the second case, a usage contrary to imperative regulations is not valid and cannot be applied.

2. Legal basis for application of trade usages

The key question for the application of trade usages is whether they bound only when contracting parties know of its existence. In relation to this question, there are two theories in law: subjective and objective. According to the older, subjective theory, the application of usages is conditioned by agreement of contracting parties. Contrary to this opinion, the objective theory assumes that usages always apply when they are not contrary to the imperative norms of the applicable law and under the condition that contracting parties have not excluded their

application. This theory is based on the understanding that usages have a normative role and that they are binding regardless of the will of the contracting parties [4, p. 109].

Comparing starting points of the mentioned theories in the light of commercial law, it seems that there are stronger arguments for accepting the objective view. Namely, having in mind that traders conclude contracts between themselves (B2B contracts) i.e., that both are professionals and know the rules of the profession, it is reasonable to assume that they are also familiar with the trade usages in that commercial area and that they coordinate their activities with them. On the contrary, if the contract is concluded between trader and consumer (B2C contracts), it would be more appropriate to apply the subjective theory which takes into account the fact that the parties knew or that they should have been aware that such custom rule existed.

3. Application and the role of trade usages in contracts on the international sale of goods

3.1. National legislation

The contract on the sale of goods is practiced and regulated in all legal systems, and one would assume that there can be no moot issues. However, differences exist regarding not only the legal effects of the sale but also the conclusion of a sale contract and its execution. That is particularly significant for the international sale of goods contracts because of foreign elements they contain. In that case, one dispute may be resolved by applying different sources of law, depending on whether the dispute is resolved before a state court or arbitration. In the first case, the state court shall apply the rules of national regulations or international conventions to which refer the conflicting norms *lex fori*. When the dispute is resolved in an arbitration proceeding, then arbitrators can decide about applicable law in the same manner as judges of the state courts. Additionally, they can also apply *lex mercatoria*, which consist of several sources of law such as trade usages, general principles of law, uniform laws, the rules of international organizations, standard form contracts and reported arbitral awards [5, p.748; 6, p. 114].

National legal rules for trade usages and their application in contracts for the international sale of goods are found, as a rule, within the framework of general regulations governing obligation relations. Thus, for

example, in French contract law, the application of usage is regulated in Art. 1135 of the Civil Code, which provides that agreements bind not only as to what is therein expressed, but also as to all the consequences that equity, usage, or law impose upon the obligation according to its nature.

Based on this, it is concluded that usages may be used for filling the legal gaps in contracts, meaning that they have a normative role in French law. Moreover, usages also have an interpretative role because they help interpret the contract when needed.¹ In German law, there is a distinction between common usages (*Verkehrssitte*), which apply to all contracts, and trade usages (*Handelsbräuche*), which apply specifically in commercial transactions. The application of the former is regulated by the German Civil Code (BGB) according to which common usages are taken into account for interpreting the contract, as well as when executing it (§157 BGB states: Contracts are to be interpreted as required by good faith, taking customary practice into consideration). In contrast, the Commercial Code (HGB) stipulates that the meaning and effect of the actions and omissions of the contracting parties are interpreted considering trade usages and trade practices in commercial transactions (§ 346 HGB states: Merchants are to give consideration, in the light of the significance and effect of actions and omissions, to prevailing commercial customs and usages). In other words, trade usages bind contracting parties in commercial contracts (B2B) on the mere fact that they exist, regardless of whether they knew of their existence and wanted their application. Consequently, the role of usage is normative and interpretative only for commercial contracts.

Trade usages (*trade customs*) are very important in regulating commercial contracts in English law. From the moment when the existence of a trade usage (*trade custom*) has been proven in court, it becomes part of the common law.² When obligation or liability arises from a contract of sale, the application of trade usages may be excluded or changed by express agreement of the contracting parties or established practice between the contracting parties, or by a trade custom that binds both contracting parties (Article 55 of the Sale of Goods Act, 1979).³

¹ In French theory, a distinction was previously made between *coutume* and *usage*, in the sense that the former represent trade customs for which, due to long-term repetition, an awareness of the duty of their application has been formed, while the latter represent trade usages of a local character, related to a particular profession or particular local market, which are applied because there is a belief that it is expedient to behave in the manner provided by them. Until the seventies of the last century, this division had practical significance only before French courts, but not in proceedings before arbitration [7, p. 414].

² In the earlier theory of common law, a distinction was made between “Custom” and “Trade usage”. – by custom was understood usage that has the force of law, binding all who know or should have known of it. Trade usage, however, refers to the use of a trade or local practice as evidence of the parties' probable intent in interpreting the terms of an agreement [8].

³ This rule was amended in 2015 since when it is not applied to consumer contracts.

Scandinavian states' legislation in the field of sales law was introduced in the early 1900s, namely in the Sale of Goods Act of Denmark (1906), Norway (1907) and Sweden (1905). In the early 1900s, Finland was within the Russian sphere of influence and consequently, a cooperation with the other Scandinavian states was deferred until the 1960s (Jan Ramberg, *The Vanishing Scandinavian Sales Law*, p. 258). Those Acts were amended at the end of the eighties of the 20th century to conform to the Vienna Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG). Only Denmark did not harmonize its sales law with the CISG.

3.2. International sources of law

Trade usage as a source of law is also regulated in CISG [9], the most significant international source of law for the said contract. According to article 9(1), trade usages are applied on the basis of the express or tacit agreement of the contracting parties, for example, their reference in the contract to one of the INCOTERMS transport clauses (Article 9(1) states: The parties are bound by any usage to which they have agreed and by any practices which they have established between themselves). However, Convention also accepts the objective theory of the application of trade usages because it foresees that they bind the contracting parties even when they have not expressly referred to them. In that case, the basis for the application of trade usages is the tacit will of the contracting parties. That is possible only if the following two requirements are met: that the trade usage was known or should have been known to the parties, and that the usage is widely known in international trade and regularly respected (Art. 9(2) CISG). The first requirement is subjective, while the second is objective. Professor Garro explains that developing countries had put pressure to incorporate cited rule in the text of the Convention in order to protect their citizens from the application of customs that could not be known to them [10, pp. 476–480]. Both requirements have to be fulfilled simultaneously considering that they are set cumulatively. Trade usages are privileged in the CISG since they have priority in application over its dispositive provisions. In addition to the normative function, trade usages also have an interpretative function, given that Article 8(3) stipulates that they have to be taken into account when determining the intention of one contracting party.

UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts in Article 1.9. take over Art. 9 of the CISG almost in its entirety, except for the requirements from Art. 9(2) which stipulate that the trade usage must be known to the contracting parties to be applied. In this way, the normative role of usages is more emphasized, and the contract will be subordinated to any usage that is widely known and respected regularly in international trade. Exceptionally, trade usage will not be applied to the contract if that would be unreasonable in the specific case (On the meaning of the term “unreasonableness” in the context of the application of trade usages in the

Principles of European Contract Law [11, pp. 126–128]). This exception is introduced with the aim to apply primarily for transactions of an atypical nature or for contracts concluded by persons operating under special conditions [12, p. 26]. The Principles of European Contract Law (hereinafter: PECL) in Article 1:105 take over the rule of Article 9(1) CISG in its entirety (which is identical to Article 1.9(1) of the UNIDROIT Principles), while in second paragraph they stipulate that parties are bound by a usage which would generally be considered applicable by persons in the same situation as the parties, except where the application of such usage would be unreasonable. Paragraph 2 differs from the Vienna Convention insofar as it does not require a connection between the will of the parties and the application of usage. In this respect PECL are identical to UNIDROIT Principles. However, unlike the UNIDROIT Principles, PECL do not require that trade usage is widely known in international trade and applied regularly; it is sufficient that persons in the same situation would consider that usage authoritative. This decision enables the application of international, national, and even local customs,

provided that other persons who find themselves in the same situation would consider the customs in question as authoritative for their contract.

4. Conclusion

The contract of the international sale of goods is a complex transaction and parties to that contract usually do not regulate every possible problem which may arise during its performance. Trade usages are recognized in national and international sources of law to fill in the gaps in the contract for the international sale of goods and for interpreting the terms of that contract when needed.

Trade usages are perhaps the most important source of autonomous international sales law (so-called *lex mercatoria*) because traders created them according to their own needs, which is why they express their expectations in trade transactions. They enjoy protection before state courts and arbitrations, regardless of whether they are widely known in international trade or recognized as international trade usages. This, paired with the position of trade usages in source-of-law-hierarchy, confirms their paramount importance for the contract on the international sale of goods.

References / Библиографический список

1. Goldštein A. *Pravo međunarodne kupoprodaje* [Goldstein A. Law of international sales]. Zagreb, 1963, 357 p. [in Croatian].
2. Fouchard P. Les usages, l'arbitrage et le juge. Le droit des relations économiques internationales. In: *Études offer tes à Berthold Goldman*. Paris, 1982, 1280 p.
3. Lew J. *Applicable Law in International Commercial Arbitration*. New York, 1978, 632 p.
4. Pamboukis H. The Concept and Function of Usages in the United Nations Convention on the International Sale of Goods. *Journal of Law and Commerce*, 2005–2006, vol. 25, pp. 107–131. Available at: <https://uncitral.un.org/sites/uncitral.un.org/files/media-documents/uncitral/en/pamboukis.pdf>.
5. Lando O. The *Lex Mercatoria* in International Commercial Arbitration. *International and Comparative Law Quarterly*, 1985, vol. 34, issue 4, pp. 747–768. DOI: <http://doi.org/10.1093/iclqaj/34.4.747>.
6. Goldman B. The applicable law: general principles of law – the *lex mercatoria*. In: *J.D.M. Lew (Ed.), Contemporary Problems in International Arbitration*. Dordrecht: Martinus Nijhoff Publishers, 1987, pp. 113–125. DOI: http://doi.org/10.1007/978-94-017-1156-2_11.
7. Fouchard P. *L'arbitrage Commercial International*. Paris, 1965, 414 p. Available at: https://www.trans-lex.org/102100/_/fouchard-philippe-larbitrage-commercial-international-paris-1965.
8. Levie H.J. Trade Usage and Custom under the Common Law and the Uniform Commercial Code. *New York University Law Review*, 1965, vol. 40, issue 6, pp. 1101 at seq.
9. United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods, Vienna 1980. Available at: https://uncitral.un.org/en/texts/salegoods/conventions/sale_of_goods/cisg.
10. Garro A. Reconciliation of Legal Traditions in the U.N. Convention on Contracts of the International Sale of Goods. *23 International Law Lawyer*, 1989, pp. 443–483. Available at: <https://scholar.smu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=2650&context=til>.
11. Lando O., Beale H. (Eds). *Principles of European Contract Law: Parts I and II*. The Hague: Kluwer Law International, 2000, 561 p. Available at: <https://books.google.ru/books?id=hAA8dgieR3IC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
12. *UNIDROIT Principles of International Commercial Contracts*. Rome: International Institute for the Unification Private Law, 2004. Available at: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2004>.

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341

Дата поступления 09.09.2022

рецензирования: 11.10.2022

принятия: 28.10.2022

Понятие, происхождение и развитие дипломатии

Б. Д. Кривокапич

Университет «МБ», г. Белград, Сербия

e-mail: krivokapicboris@yahoo.com

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы зарождения и первый этап развития дипломатии. Упомянув различные подходы, автор выделяет 8 возможных определений дипломатии, отмечая, что то, как ее будут понимать, зависит от контекста. Историко-правовой анализ увязан с возникновением и развитием дипломатии, с особым обзором специальных дипломатических миссий, дипломатической переписки, первых постоянных дипломатических представительств, иных форм дипломатических и квазидипломатических отношений, законов (внутригосударственных актов стран Древнего мира), дипломатических привилегий и иммунитетов. Особое место в статье занимает краткий обзор дальнейшего развития дипломатии и дипломатического права. Автор считает, что в наши дни многое свидетельствует о том, что грядут глубокие изменения как в существующей концепции дипломатии, так и в международном дипломатическом праве. Ряд причин состоит в том, что на международной сцене все больше активизируются процессы глобализации, регионализации и интеграции; суверенитет государств ослабевает; расширяется круг видов международного сотрудничества, которое осуществляется другими путями, а не через государства; усиливается роль международных организаций; значение постоянных диппредставительств уменьшается и потому, что многие вопросы решаются нестандартными способами, так как развитие средств транспорта и технологий позволило главам государств быстро встречаться на саммитах, а также все более широко использовать двусторонние и многосторонние встречи через интернет-видеосвязь; постоянно увеличивается число и значение негосударственных субъектов международных отношений и международного права, в частности таких как транснациональные компании и т. д.

Ключевые слова: дипломатия; понятие дипломатии; возникновение и становление дипломатии; история Древнего мира; международное право; дипломатическое право.

Цитирование. Кривокапич Б. Д. Понятие, происхождение и развитие дипломатии // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-62-73>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кривокапич Б. Д., 2022

Борис Джорджевич Кривокапич – доктор юридических наук, ординарный профессор факультета бизнеса и права, Университет «МБ», 11000, Сербия, г. Белград, ул. Теодора Драйзера, 27.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 09.09.2022

Revised: 11.10.2022

Accepted: 28.10.2022

Concept, origin and development of diplomacy

B. D. Krivokapić

University MB, Beograd, Serbia

E-mail: krivokapicboris@yahoo.com

Abstract: The article deals with the problems of origin and the first stage of development of diplomacy. Mentioning various approaches, the author identifies 8 possible definitions of diplomacy, noting that how it will be understood depends on the context. Then interesting points are presented related to the emergence and development of diplomacy in the distant past, with a special overview of special diplomatic missions, diplomatic correspondence, the first permanent diplomatic missions, other forms of diplomatic and quasi-diplomatic relations, laws (internal legal acts of the countries of the Ancient World), diplomatic privileges and immunities. This is followed by a brief overview of the further development of diplomacy and diplomatic law. The author believes that today there is much evidence that profound changes are coming both in the existing concept of diplomacy and in international diplomatic law. Some of the reasons are that the processes of globalization, regionalization and integration are increasingly active on the international scene; the sovereignty of states is weakening; the range of types of international cooperation is expanding, which is carried out in other ways, and not through states; the role of international organizations is being strengthened; the importance of permanent diplomatic missions is also decreasing because many issues, especially the most important ones, are resolved in other ways, since

the development of means of transport and technology has allowed heads of state to quickly meet at summits, as well as to increasingly use bilateral and multilateral meetings via Internet video communications; the number and importance of non-state actors in international relations and international law, in particular such as transnational companies, is constantly increasing; etc.

Key words: diplomacy; concept of diplomacy; emergence and development of diplomacy; history of the Ancient World; international law; diplomatic law.

Citation. Krivokapich B. D. *Ponyatie, proiskhozhdenie i razvitie diplomatii* [Concept, origin and development of diplomacy]. *Juridicheski vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 62–73. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-62-73> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Krivokapich B. D., 2022

Boris D. Krivokapich – Doctor of Laws, доктор юридических наук, full professor of the Faculty of Business and Law, University MB, 27, Teodor Dryser Street, Beograd, 11000, Serbia.

В науке международного права есть вечные темы, а точнее, целые специализированные области с рядом взаимосвязанных и всегда актуальных проблем. Многие из них появились очень давно, еще во времена первых государств и представляли собой первые нормы и институты международного права. Примерами могут служить различные вопросы, связанные с международными договорами, правами человека, законами и обычаями войны, мирным урегулированием споров и т. д.

По многим причинам особое место среди них принадлежит дипломатии и дипломатическому праву. Мало того, что относящиеся к ним нормы являются одними из древнейших, но с ними всегда были тесно связаны и все остальные важнейшие правила международного права. Например, заключение договора требовало непосредственных встреч полномочных представителей соответствующих государств, обязательным условием проведения которых было установление и соблюдение правил неприкосновенности, т. е. привилегий и иммунитетов участников переговоров (послов), даже если переговоры велись через посредников и за ними нужно было признать особый правовой статус и т. п.

В связи с этим, хотя эта тема по-разному трактовалась в большом массиве работ, мы попробуем дать несколько новое изложение с интересными и менее известными данными. Кроме того, хотя представляется, что вопрос дипломатического права был успешно кодифицирован рядом соответствующих договоров, таких как Венская конвенция о дипломатических сношениях (1961 г.), Конвенция о специальных миссиях (1969 г.), Венская конвенция о представительстве государств в их отношениях с международными организациями универсального характера (1985 г.), есть все шансы, что гораздо быстрее, чем мы думаем, нам придется столкнуться с необходимостью регулирования этой сферы международных отношений по-новому. Это тоже дает повод вспомнить, с чего все начиналось.

1. Понятие дипломатии

Слово «дипломатия» и производные от него выражения имеют свои корни от греческого слова «диплом» со значением «документ, сложенный вдвое». Оно происходит от того, что в Древней

Греции послы (эmissары) получали документ, состоящий из двух частей. В одной была их доверенность, а в другой – инструкция о том, как вести переговоры. В этом не было ничего необычного, так как тогда было принято оформлять различные документы на двух соединенных вощеных деревянных или бронзовых пластинах. Например, те, кто прошел какое-либо обучение получал двухчастный аттестат, по окончании службы военнослужащие получали дипломы, подтверждавшие их статус и соответствующие их права и привилегии (отставка, освобождение от налогов и т. д.) и прочее.

Хотя правила общения с другими народами и государствами существовали уже в далеком прошлом, термины «дипломатия» и «дипломат» вошли в обиход намного позже. Считается, что термин «дипломатия» первым употребил Готфрид Вильгельм Лейбниц в своем труде *Codex juris gentium Diplomatus* (1693 г.). С другой стороны, есть утверждения, что впервые это сделал французский кардинал Ришелье, который в 1624–1642 гг. был премьер-министром Франции. Многие источники указывают на то, что термины «дипломатия» и «дипломат» стали использоваться европейскими дворами только в 18-м веке.

В наше время «дипломатия», как едва ли какой-либо другой термин, относится к разным вещам, в том числе и к тем, которые нельзя свести к рамкам международных отношений. Так, иногда отмечают, что в зависимости от контекста слово «дипломатия» включает (в самом широком смысле) представление определенного сообщества или группы и их интересов перед другим сообществом. Но никто не спорит, что оно обозначает и ряд других явлений, таких как: комплекс внешнеполитических целей и программ одного или нескольких государств; умение посредничества и поиска компромиссных решений; умение вести себя вежливо даже в сложных ситуациях и т. п.

Однако слово «дипломатия» чаще всего употребляется в более узком смысле, тесно связанном с международными отношениями. В этом смысле, к примеру, пишут: «Дипломатия предполагает продуманный и тактический подход к процессу поддержания официальных отношений между правительствами независимых государств, иногда с частями государственных территорий,

не являющихся независимыми, а также между правительствами и международными учреждениями. Короче говоря, дипломатия служит для поддержания отношений между странами мирными средствами» [1, с. 3].

Иногда дополнительно подчеркивается, что это средство, являющееся альтернативой применению силы. Например, по словам Г. Киссинджера (Henry Kissinger), госсекретаря США 1969–1977 гг.: «Дипломатия есть искусство сдерживания силы» [2, с. 1]. Подобную мысль выражает простое, но яркое наблюдение, приписываемое герцогу де Бройлю (*Duc de Broglie*), согласно которому «дипломатия, по существу, представляет собой лучшее изобретение цивилизации, служащее для предотвращения применения голой силы в поддержании международных отношений» [1, с. 6].

То, что ко всему можно подойти с совершенно иной точки зрения, продемонстрировал Чжоу Эньлай (в 1949–1976 гг. премьер-министр и в 1949–1958 гг. министр иностранных дел Китая), который, перевернув известное изречение Клаузевица о том, что война есть продолжение политики другими средствами, заявил в 1954 г.: «Дипломатия есть продолжение войны другими средствами». В связи с этим мы должны отметить, что, хотя она служит в основном мирному сотрудничеству, т. е. предотвращению или прекращению войны, иногда дипломатия используется для совершенно противоположных целей, т. е. для подготовки вооруженного конфликта. Самый очевидный пример – переговоры об атакующем союзе или заключение такого союза.

Нам кажется, что в зависимости от случая слово «дипломатия» употребляется для обозначения многих явлений, как минимум таких, как:

1) средство общения между субъектами международного права, предполагающее использование дипломатических процедур и методов, разрешенных международным правом;

2) теория и практика международных отношений, т. е. то, что часто по-другому называют историей дипломатии;

3) внешняя политика определенного государства;

4) совокупность лиц, работающих на дипломатической службе страны. Например, в дипломатической службе США работает около 11 500 лиц, которым помогают около 31 000 сотрудников, занятых в некоторых из 265 дипломатических и консульских представительств США за границей, и набираемых из числа местных жителей [3, с. 1];

5) группа лиц, выполняющих дипломатические обязанности и задачи в дипломатических представительствах определенной страны в других странах и при международных организациях (только те члены дипломатической службы, которые находятся в командировках за пределами данной страны);

6) умение представлять государство и вести публичные или тайные переговоры;

7) особая манера поведения и обращения в

международных отношениях, т. е. между субъектами международных отношений. В этом смысле один профессиональный дипломат отметил, что дипломатия – это «использование ума и такта в ведении международных отношений», что требует досконального знания как страны, которую представляет дипломат, так и страны, в которой он служит, с тем фактом, что необходим прекрасный баланс, потому что «слишком много дипломатии без достаточного количества знаний может быть опасным, так же как слишком много знаний при слишком малой дипломатии может быть губительным» [4, с. 22];

8) общественная наука, занимающаяся изучением внешней политики и международных отношений с целью определения законностей и других знаний и их лучшего понимания (наука о международных отношениях).

Из вышеизложенного видно, что в зависимости от случая под дипломатией понимаются разные вещи: политика, дипломатическая работа, то есть служба, способность, мастерство, искусство, ловкость, наука, кадры и др. Значение, в котором это слово используется, меняется и зависит от контекста. Общим почти всегда является то, что дипломатия обычно тесно связана с мирным урегулированием международных споров, развитием взаимного сотрудничества и т. п.

2. Становление и развитие дипломатии

Один из популярных анекдотов о дипломатии состоит в том, что это одна из древнейших профессий, которая возникла, когда наши предки поняли, что лучше выслушать сообщение, принесенное им гонцом из другого племени, чем съесть гонца. Хотя, конечно, можно отметить, что упомянутые предки тоже могли выслушать гонца, а затем съесть его спокойно и с пониманием (двойная польза), бесспорно, что дипломатия – одно из древнейших достижений цивилизации. Впрочем уже в 19 веке справедливо заметили, что: «Дипломатия стара как мир, и только когда он исчезнет, исчезнет и она» [5, с. 324].

Действительно, возникновение и развитие дипломатии можно проследить одновременно с появлением первых организованных человеческих сообществ. В этом смысле следует согласиться с замечанием о том, что «еще до учреждения государств в современном понимании этого слова существовали представители (посланники) племен и отдельных общин, а также правила исполнения их обязанностей, хотя это была эпоха взаимных войн, а не эпоха сотрудничества и нормальных отношений между этими племенами и общинами» [6, с. 13].

Пора оглянуться на некоторые особенно интересные вопросы, связанные с зарождением и развитием дипломатии и дипломатического права.

2.1. Специальные дипломатические миссии

У нас есть достоверные свидетельства того, что правители Древнего Египта, Ассирии,

Вавилона, Греции, Рима, Китая, Индии и других древних государств посылали друг к другу различных гонцов, посланников, переговорщиков, наблюдателей и других своих представителей.

Функции этих лиц заключались в личном вручении посланий, писем и подарков, посланных их правителем; ведении переговоров о заключении определенного международного соглашения (о союзе, о мире, о перемирии, о выдаче и т. д.); улучшении отношений со страной пребывания; посещении важных мероприятий в стране пребывания (возведение на престол правителя, его свадьба, похороны и т. д.) и т. п.

Так, например, известно, что Моисей через посла просил царя идумеян позволить ему пройти через его землю; что иудейские цари Давид и Соломон посылали и принимали иноземных послов (среди прочего записано, что Соломон принимал послов из Эфиопии, а сам посылал послов к царям Тира и Сидона); что индийские императоры поддерживали дипломатические отношения с персидским императором Киром Великим, государствами Средней Азии и позднее с римскими правителями Октавианом Августом и Клавдием; что Афины и другие города-государства Древней Греции посылали своих послов друг к другу, а также в Персию и Индию; что Александр Македонский принимал послов от скифов и других народов; что китайские императоры из династии Хань обменивались послами с шахами Персии, правителями Кореи и Японских островов и даже иногда с Римом и т. д.

В связи с этим интересно отметить, что римский историк Луций Анней Флор утверждает, что ко двору Октавиана Августа (правил с 27 г. до н. э. по 14 г. н. э.) в числе прочих прибыла делегация из Китая, которая провела в пути 4 года. С другой стороны, записано, что в 166 г. император Хуан из династии Хань принимал послов от римского императора «Антонина». Известно, что римские делегации приезжали в Китай в 226 и 284 годах. Римляне называли Китай «Серес» («страна шелка»), в то время как китайцы уважительно называли Рим «Дацин» (примерно переводится: «Китай на противоположной стороне мира»).

Существовало два типа посланников – гонцы (посыльные) и послы (посланники).

Первые только передавали сообщения или, возможно, привозили какие-то предметы и не могли участвовать в каких-либо официальных дискуссиях и тем более переговорах. Они часто путешествовали в одиночку (чтобы двигаться быстрее или из-за конфиденциальности миссии) и носили определенные знаки отличия (кольцо правителя и т. п.), гарантировавшие им неуязвимость и обеспечивающие им получение бесплатной еды, жилья, транспорта и, когда необходимо, другой неотложной помощи.

Уже с середины 14 в. до н.э. в некоторых случаях они также получали сопроводительное письмо, которым правитель, отправивший их, удостоверял их личность и требовал (от своих подданных, но и от подчиненных правителей) обеспечить их без-

опасность и скорейший проход к тому, к которому они несли сообщение. Примером может служить письмо из египетского архива Тель-Амарны, которое царь Митании (хурритское царство в северной Месопотамии) передал своему гонцу, в котором говорится: «Послание ко всем ханаанским царям, подданным моего брата (царя Египта). Таким образом (говорит) царь (Митании): я посылаю своего посланника Акию к царю Египта, моему брату, с неотложной миссией (чтобы он путешествовал так быстро), как дьявол. Никто не смеет удержать его. Доставьте его благополучно в Египет! (Там) передайте его египетским пограничникам. И никому не позволено трогать его ни по какой причине» [7, с. 134].

Напротив, послы имели более важную роль и обладали определенной самостоятельностью. Они представляли направившую их сторону и имели право вести переговоры и в пределах своих полномочий заключать определенные соглашения. Для того чтобы иметь возможность выполнять свои функции, они тоже пользовались необходимыми иммунитетами и привилегиями.

Когда затрагивались важные вопросы, часто направляли не одного посла, а целую делегацию, иногда в составе десятка и более человек. Так, например, римский сенат обычно назначал довольно много членов делегации во главе с сенатором, причем каждый член такого посольства пользовался неприкосновенностью и привилегиями и носил золотое кольцо, обеспечивающее ему бесплатный проезд и питание во время путешествия.

Такая практика имела ряд преимуществ. Это позволяло успешно завершить миссию, особенно тогда, когда следовало ехать в далекую страну. А именно, если посылать только одного посла, то по дороге к месту назначения или на обратном пути, он мог по какой-либо причине (из-за болезни, кораблекрушения, нападения пиратов или бандитов и т. п.) лишиться жизни или просто бесследно исчезнуть, и таким образом вся его миссия потеряла бы смысл. Хуже того, между заинтересованными странами могли вспыхнуть взаимные обвинения в том, что случилось с послом, т. е. где, когда и куда он пропал (это могло бы справедливо обеспокоить страну назначения) или почему нет ответа на то, о чем с ним достигнуто соглашение (чем, вполне понятно, задалась бы страна, которая приняла посла). Тогда, когда отправляли делегацию, состоящую из нескольких человек, она уже в силу своей численности была в большей безопасности, чем отдельный посол. Вдобавок по многим причинам гораздо выше были шансы, что большинство членов делегации или хотя бы кто-нибудь из них благополучно придут туда, куда они отправились.

Кроме того, упомянутое решение давало возможность членам делегации консультироваться друг с другом, прежде чем принять или отклонить предложение другой стороны или предпринять какой-либо иной шаг. Наконец, оно гарантировало, что члены делегации будут контролировать друг

друга и таким образом предотвращать невыполнение кем-либо из них своего долга и возможную измену стране, которую они представляют (она могла иметь место из-за того, что данные лица подкуплены, шантажированы и т. п.). В связи с этим интересно отметить, что спартанцы отправляли в дипломатически миссии несколько человек, которые терпеть друг друга не могли, что гарантировало, что они будут тщательно следить друг за другом и в отчете, который представят по возвращении, сообщать о любом ненадлежащем или неадекватном поведении.

Послы, успешно выполнившие свою миссию, часто награждались. Наоборот, те, кто был уличен в том, что они ложно представляли себя послами или были подкуплены, что они нарушили данные им инструкции и полномочия и т. п., сурово наказывались. В зависимости от тяжести проступка такое лицо могло получить смертную казнь или ссылку.

Правители не только обменивались послами, но и наносили друг другу официальные визиты. Это были первые встречи наверху (саммиты), что, разумеется, подразумевало и обеспечение личной неприкосновенности и достоинства, а в случае необходимости и оказание помощи иностранному правителю. Одна из древнейших задокументированных подобных встреч состоялась в 13 веке до н. э. между египетским фараоном Рамзесом II и хеттским императором Хаттушиллом III. Они сначала около 1278 года до н. э. заключили мирный договор, который считается одним из самых древних сохранившихся международных договоров. Затем, спустя несколько лет, Рамзес женился на хеттской царевне. После этого в Египет приехал хеттский царевич. Когда он вернулся домой с богатыми подарками, Хаттушил принял приглашение фараона и сам приехал в Египет. Рамзес приветствовал его в Ханаане и сопровождал его на Пи-Рамзес, где состоялась одна из первых встреч на самом высоком уровне, зарегистрированных в истории [8; 9, с. 14].

2.2. Дипломатическая переписка

По характеру вещей, даже в далеком прошлом правители обменивались не только послами, но (через гонцов или курьеров) также устными посланиями и письмами. Подавляющее большинство письменных сообщений погибло в результате войн, пожаров, землетрясений, наводнений и подобных событий или просто от разрушительного действия времени. И все же многие из этих документов сохранились.

Из них мы черпаем знания об обстоятельствах того времени, международных отношениях, событиях, дипломатических обычаях и т. д. За последние сто лет было обнаружено несколько древних городов, о которых было известно, но чьи следы веками были засыпаны песком. Один за другим раскапывались месопотамские города-государства с, что здесь первостепенно, практически нетронутыми государственными архивами. Они свидетельствуют об обширных дипломатических от-

ношениях древних государств, в первую очередь великих держав того времени.

Древнейшим известным дипломатическим документом, дошедшим до наших дней, является письмо, написанное клинописью на глиняной табличке, которое царство Эбла отправило царству Амасии, расположенному на территории современной Турции, примерно в 900 км от Эблы [1, с. 6]. Письмо было написано около 2500 г. до н. э., то есть около 4500 лет назад. Чтобы правильно понять значение этих данных, следует напомнить, что Эбла доминировала на большой территории, включающей части сегодняшней Сирии, Ливана, Ирана и Турции, и имела развитые торговые и дипломатические отношения с Египтом, Шумером, Ираном и другими отдаленными государствами. Пик своего могущества она имела между 2600 и 2240 годами до нашей эры.

Одним из старейших сохранившихся дипломатических архивов является архив города Мари на севере современной Сирии, который, особенно между 2900 и 1760 годами до н. э. был одним из крупнейших месопотамских городов-государств. Он был найден в 1933 году с практически нетронутым архивом, состоящим из около 25 000 глиняных табличек, исписанных на аккадском языке. Хотя они в основном содержат административные, юридические и тому подобные записи, некоторые из них составляют переписку с вавилонским императором Хаммурапи, другими иностранными правителями и послами. Эти тексты свидетельствуют об обмене дарами между правителями, династических браках, третейском суде и посредничестве как способах мирного разрешения международных споров, об особых ритуалах и жестах, использовавшихся при заключении международных договоров, об обмене послами, об устоявшихся дипломатическом протоколе и церемониале и даже, что особенно интересно, о шпионской деятельности послов (в частности, посла Зимри-Лима, представлявшего короля Мари при дворе Хаммурапи) [7, с. 105–107; 10, с. 13–58; 11, с. 197–201; 12, с. 243–254; 13, с. 82–118].

Лишь немногим моложе архив, обнаруженный в 1906 году в руинах Хаттуши, столицы Хеттской империи. Известный как Архив Богазкал, по названию деревни в Турции, возле которой был раскопан, он охватывает период 16–13 вв. до н. э. Среди более чем 14 000 глиняных табличек, написанных на разных языках, большая часть написана на хеттском языке. Она охватывает разные темы и здесь важна тем, что в том числе содержит дипломатическую переписку с другими странами.

Гораздо более известна Тель-Амарнская переписка, как называется дипломатический архив египетских фараонов Аменхотепа III и его преемника Аменхотепа IV, известного так же как Эхнатон. Она была найдена в 1887 году в сегодняшнем Тель-аль-Амарне, в руинах Ахетатона, бывшей столицы Эхнатона. Считается, что она охватывает период около четверти века, примерно где-то между 1370 и 1340 годами до нашей эры.

Из 382 сохранившихся глиняных табличек 350 содержат дипломатическую переписку. В основном это письма, которые писали фараону другие правители и вассалы, а не те, которые он посылал им. Это, кстати, логично, так как его письма оказывались у адресата, а значит, в других странах, и за эти почти 3400 лет бурной истории в основном исчезли. Однако в архиве сохранилось несколько писем фараона к другим правителям и вассалам (считается, что это черновики писем или письма, которые хотя и были написаны, но по каким-то причинам не были отправлены). Хотя многие письма исходят от правителей других великих ближневосточных держав того времени (царей Вавилона, Хеттской империи, Ассирии и Митании), большинство – от мелких вассальных князей из Сирии и Палестины [7, с. 119–134; 14; 15; 16; 17].

Из архива видно, что между правителями больших государств того времени (правителями одного ранга, т. е. царями) велась довольно оживленная переписка, причем они высказывали уважение друг к другу, а также знали о своем положении и своих правах. Они обращались друг к другу словами «мой брат» и начинали письма с признания в братской любви и наилучшими пожеланиями. Например, письмо царя Митании, начинающееся так: «Нимтурии, царю Египта, моему брату, моему зятю, которого я люблю и который любит меня. Так говорит Тушратха, любящий тебя царь, твой тесть: “Я здоров, пусть и ты будешь здоров!”» [14, с. 14]. Когда дело доходит до конца цитируемого текста, кажется, что это тоже часть устоявшейся формулы вежливости между царями, а не просто информация о том, что автор письма здоров и того же желает другой стороне.

Письма же вассальных князей к фараону обычно начинаются словами, явно указывающими на иерархическую разницу в статусе автора и адресата. Например, все письма Абди-хибы Иерусалимского начинаются словами: «Царю, господину моему, так говорит Абди-хиба, слуга его: семь раз семь раз падаю к ногам царя, господин мой...» Аналогично пишут и другие вассалы, например Ребро Адда из Библоса: «Адда говорит своему господину: царь земли, великий царь: пусть Балат из Гублы даст власть царю, моему господину! Я семь раз семь раз падаю к ногам моего господина, моего солнца...» [14, с. 6–12; 15]. Напомним, что Библос, расположенный в сегодняшнем Ливане, является одним из древнейших городов мира, а Балат из Гублы была его могущественной богиней (ее храм был построен в Библосе около 2700 г. до н. э.).

Все письма (адресованные правителям того же или более высокого ранга) были написаны витиеватым языком. В зависимости от случая они касались таких вопросов, как: заключение династических браков (например, с Вавилоном); поздравления (например, письмо хеттского царя Шупилулия, поздравляющее Эхнатона с восшествием на престол); жалобы на послов другой сто-

роны (например, фараон жалуется вавилонскому императору на то, что его послы дали ему ложные сведения); протест из-за недостаточно вежливого обращения с послами (например, вавилонский император обвиняет в этом фараона); обмен подарками; сообщения новостей из далеких городов; просьбы о помощи и т. д.

Среди интересного тот факт, что хотя речь идет о переписке могущественного Египта, она была написана не египетскими иероглифами, а аккадской клинописью (ассирийско-вавилонским письмом), что является одним из аргументов в поддержку утверждения о том, что в то время этот язык играл роль дипломатического языка на всем Востоке. Однако несколько табличек были написаны на других языках (2 на хеттском и 1 на хурритском).

2.3. Первые постоянные дипломатические представительства

Часто можно услышать, что практика отправки постоянных дипломатических миссий развивалась в северной и центральной Италии между 1380 и 1450 годами, причем в качестве конкретных примеров приводятся постоянные миссии Милана в Тоскане и Венеции в 14 веке. Другие, и это более распространенная точка зрения, считают, что первыми постоянными дипломатическими представительствами в современном понимании были те, которые были учреждены герцогом Миланским во Флоренции в 1450 г. и в Генуе в 1455 г., после чего эта практика быстро распространилась среди европейских держав [5, с. 326; 18, с. 59–60]. И все же есть основания полагать, что первые постоянные дипломатические представители появились намного раньше.

Хотя о них нельзя говорить как об общепринятом институте, уже в Древнем мире есть примеры своего рода первых посольств. По новым сведениям, постоянных дипломатических представителей отправляли и принимали Ассирия, Вавилон, Египет, Китай, Индия, Рим и др.

Так, например, известно, что еще в 18 в. до н. э. Зимри Лима, правитель месопотамского государства Мари, имел нескольких своих постоянных дипломатических представителей при дворе вавилонского императора Хаммурапи, точно так же, как Хаммурапи имел своих постоянных послов у него и в некоторых других государствах. Похоже, что среди прочего они имели право заключать договоры от имени своих правителей. Предполагается, что послы приезжали для выполнения определенной миссии, а затем возвращались, но часто оставались в стране пребывания подолгу, особенно когда правитель этой страны медлил с выдачей им разрешения на выезд (без этого разрешения они не имели права покинуть его двор). Хорошим примером является тот факт, что после победы Римской республики над Пирром в 275 г. до н. э. эллинистический Египет открыл в 273 г. до н. э. в Риме свое постоян-

ное дипломатическое представительство (посольство).

Со временем практика привела к созданию различных дипломатических рангов. Главы миссий независимых государств назначались из числа лиц, пользовавшихся особым доверием посылающего государя и имели право вести переговоры с государем принимающего государства. Зависимые государства были обязаны обеспечить главам миссий и представителям правителя более сильного государства беспрепятственный и быстрый проезд через свою территорию [19, с. 80].

Постоянные дипломатические представители выполняли ту же роль, что и сегодня (представляя свою страну, развивая взаимные отношения, ведя переговоры, наблюдая за событиями в стране пребывания и предоставляя отчеты об этом своему правительству и т. д.), но они также были своего рода заложниками. Поскольку, по логике вещей, принадлежали к высшему сословию (обычно это были родственники или близкие друзья правителя, который их прислал), они гарантировали своей свободой, даже своей жизнью, что страна, которую они представляли, будет лояльной и будет придерживаться достигнутых договоренностей. Это, весьма вероятно, было одной из причин, по которой иностранных послов, приехавших с конкретной миссией, задерживали в стране пребывания даже после того, как они выполнили свои задачи. Помимо уже упомянутых отношений между Марией и Вавилоном, мы узнаем об этом и из тель-амарнской переписки, которая полна жалоб царей на слишком длительное пребывание их послов при египетском дворе [20, с. 42].

Такой подход долгое время сохранялся в некоторых обществах. Примером может служить практика Османской империи даже в 16 веке. По словам одного автора: «Хотя он и признает в своем законе принцип, что “никакая беда не может постичь посла” и что посол “лишь исполняет приказы того, кто его послал”, тем не менее Сулейман Великий (Великолепный. – Прим. Б. К.) придал юридическую силу словам: “Посланники отвечают за слово своих господ и, как заложники, должны быть наказаны в случае нарушения этого слова”. Как видно, турки того времени едва имели понятия о международно-правовом положении послов и их особой привилегированности. Отсюда издевательства над различными послами, их избияния, бросание в тюрьму и т. д.» [21, с. 499].

2.4. Другие формы дипломатических и квазидипломатических отношений

Несомненно, что еще в далеком прошлом определенное значение имели различные неофициальные или, по крайней мере, полуофициальные формы общения между государствами и их правителями, в том числе определенная роль уважаемых философов, священнослужителей, знатных купцов, художников, спортсменов и т. д. .

Многие считают, что первые следы современной спортивной дипломатии можно найти в

Олимпийских играх, в то время как их совместные состязания в сфере культуры были не только выражением панэллинизма, но и специфической чертой выражения дипломатических отношений между греческими полисами, в чем заложены начала современной культурной и информационной дипломатии. И действительно, соревнования, которые происходили не только в спорте, но и в музыке, драматическом искусстве, лирике и т. д., укрепляли взаимные связи и хотя бы на время прекращали войны – за время их действия прекращались все вооруженные конфликты, а новые не начинались.

Хотя есть мнения, что подобные состязания существовали еще в 13 веке до н. э., достоверно задокументировано, что спортивные игры проводились в районе города Олимпии каждые 4 года на протяжении более 1000 лет – с 776 г. до н. э. до 393 г. н. э., когда римляне отменили их. Они были настолько важны для древних греков, что они использовали их для измерения времени. Победители пользовались большим уважением во всем эллинском мире.

Менее известно, но существовал и ряд других игр, которые также устраивались периодически (каждые 4 или каждые 2 года), длились несколько дней и состояли из празднеств в честь божества с соревнованиями в спорте, музыке, поэзии и т. д. Таковы, например, были Панафиней (проводились в Афинах в честь богини Афины), Пифийские игры (в Дельфах в честь бога Аполлона), Немейские игры (в северной Арголиде) и др. И во время их проведения конфликты прерывались, а новые не начинались. Это, безусловно, была возможность для различных форм дипломатического общения между заинтересованными сторонами (переговоры, посредничество и т. д.).

2.5. Законы (внутренние нормативные акты) Древнего мира

Различные внутренние правовые документы того времени касались положения и роли дипломатов. Среди них особенно известны индийские Законы Ману, названные в честь их предполагаемого создателя и праотца арийцев, легендарного Ману. Считается, что кодекс возник в 4 веке до н. э., хотя есть утверждения, что на самом деле он намного старше и был создан уже около 1500 г. до н. э.

Хотя и содержит множество других положений и данных (религиозно-философского характера, из области уголовного, гражданского, военного права и т. д.), кодекс особенно интересен тем, что уделяет внимание дипломатии, считая ее главной причиной войн. Согласно Законом (глава VII, статьи 65–66): «Армия (danda) зависит от военачальника (amatu), контроль (над подданными) – от армии, сокровищница и страна. – от царя, мир и его противоположность (война. – Прим. Б. К.) – от посла. Ибо только посол соединяет и разъединяет союзников (именно), посол распоряжается делом, которым люди (имеются в виду правители. – Прим. Б. К.) разъ-

единяются» [22, с. 238-239]. Кодекс интересен еще и тем, что перечисляет качества хорошего дипломата, содержит некоторые правила обращения с послами и т. д.

2.6. Дипломатические привилегии и иммунитеты

Хотя мы уже касались в известном смысле этого вопроса на предыдущих страницах, важность его такова, что необходимо дать отдельный обзор.

Уже по природе вещей различные формы дипломатического представительства сопровождались одновременным появлением первых норм международного дипломатического права. Иначе просто не могло быть. А важнейшими нормами этого права, даже сегодня, когда оно кодифицировано и высокоразвито, являются те, которые гарантируют дипломатические иммунитеты и привилегии. Это связано с тем, что особый статус дипломатических представителей, предполагающий их принципиальную неприкосновенность и особые права, является неременным условием любых взаимных контактов между заинтересованными сторонами.

В наше время особый правовой статус лица, пользующегося дипломатическими привилегиями и иммунитетами, подтверждается дипломатическим паспортом и специальным удостоверением личности, выдаваемым такому лицу страной пребывания. Раньше такого не было. И все же посланнику (переговорщику) должна была быть гарантирована безопасность не только при иностранном дворе, но и на всем пути следования. И действительно, статус посла уже тогда подразумевал не только право представлять свою страну, но и определенную защиту и неприкосновенность. Такой особый правовой статус подтверждался некой доверенностью или внешними признаками, такими, например, как перстень правителя. Это уже обсуждалось.

Однако различные послы, переговорщики, гонцы и т. д. могли подвергнуться нападению еще до того, как им удалось объяснить, кто они такие, и доказать свою личность. Поэтому они обычно несли с собой определенный предмет, признаваемый обеими сторонами как внешний признак их статуса – белую палку, зеленую веточку, особый пояс и т. д. Древние греки часто носили кадуцей, специальную палку, вокруг которой обвиваются две змеи, с зеркалом наверху, а иногда и с крыльями. Он символизировал посох Гермеса, посланника богов. Среди различных теорий о его происхождении одной из самых известных является та, согласно которой, столкнувшись с двумя дерущимися змеями, Гермес разделил их палкой, и таким образом палка с двумя змеями стала символом мира [6, с. 14].

Особенно важно отметить, что повреждение послов древние народы воспринимали не просто как нарушение права, а как кощунство. Греки считали неприкосновенность послов священной, поскольку они находятся под

защитой не только Гермеса, но и самого верховного бога Зевса. Индусы же верили, что царь, убивший посла, отправляется в ад вместе со своими министрами.

Впрочем, об отношении к иноземным послам достаточно свидетельствует эпизод, связанный с участием послов, посланных персидским императором Дарием к спартамцам. Когда около 481 г. до н. э. к ним явились послы Дария и потребовали «земли и воды», что было персидской формулой ультиматумов с требованием безоговорочного подчинения (имелось в виду требование, чтобы другая сторона признала сдачу своей территории со всем, что у нее есть, т. е. «землей и водой», с тем, что после этого в результате переговоров за этой стороной могли быть признаны определенные права), это так разозлило гордых спартамцев, что они бросили послов в колодезь, сказав, что там они сами накопают себе достаточно земли и найдут достаточно воды, чтобы все это отвезти своему императору. Само собой разумеется, что послы в колодезе погибли. То, что произошло позже, интересно.

Поскольку с тех пор во время принесения жертвы не появлялось благоприятных предзнаменований, спартамцы пришли к выводу, что это произошло из-за святотатства, совершенного убийством послов. Поэтому на своем собрании они выбрали два добровольца, принадлежащих к самым видным и богатым спартамцам, которые отправились к преемнику Дария, его сыну Ксерксу. Когда их привели к Ксерксу, они объяснили, что пришли в качестве компенсации за тех посланников, которые были убиты в Спарте, и сказали, что он может делать с ними все, что ему заблагорассудится. Однако персидский император сказал, что он не будет таким, как спартамцы, которые, убив послов, растоптали и опрокинули принятое правило всех народов. С этими словами он отпустил их домой. Этот случай свидетельствует о том, что уже в то время всем (включая персидского императора и самих спартамцев) была известна четкая юридическая норма о неприкосновенности послов и парламентариев. По этому поводу Геродот отмечает, что гнев богов прекратился, как только спартамцы поступили описанным образом, хотя Сперхий и Буллий (два упомянутых добровольца) вернулись в Спарту невредимыми [23, с. 477].

С другой стороны, интересно отметить, что, согласно Геродоту, в то самое время, когда спартамцы бросили в колодезь послов Дария, афиняне убили других послов Дария, бросив их в пропасть. Иными словами, хотя правило о неприкосновенности послов несомненно существовало, оно все же иногда нарушалось.

Об особом положении, неприкосновенности и привилегиях послов свидетельствуют многочисленные культурно-исторические памятники, в том числе дипломатические архивы ряда стран Ближнего Востока, некоторые из которых старше 4500 лет, «Илиада» Гомера (7 век до н. э.), Индийские гимны Махабхарата и Рамаяна (7–4 вв. до н. э.), священные книги

различных народов и религий (Тора, Библия, Коран) и т. д.

Неприкосновенность и святость личности иностранного посла уважались до такой степени, что даже если тот совершал преступление против страны, в которую был направлен, его не наказывали, а просили его страну наказать или выдать его.

Так, например, если, вопреки своему обязательству быть нейтральным, посол начал военные действия против государства, при котором аккредитован, это понималось как преступление против этого государства, и оно имеет право потребовать его выдачи. Если эта просьба не была удовлетворена, это было законным поводом для объявления войны, причем такая война считалась справедливой. Например, когда в 390 г. до н. э. галльское племя сеноны двинулось на римский Клузий, римляне отправили делегацию из 3 представителей знатного рода Флавиев, чтобы отговорить их от этого. Однако когда галлы отвергли предложения и начали атаку, послы (переговорщики) не отступили, а присоединились к защитникам. Увидев, как один из них убивает его воина, Бран, вождь галлов, призвал богов засвидетельствовать тяжкое нарушение общего права всех народов (то есть международного права), совершенное против галлов, состоящее в том, что тот кто пришел как посол, сражался против них как враг. Поэтому он потребовал выдачи виновного. На заседании римского сената многие осудили поступок посла, а фециалы (жрецы, игравшие важную роль в международных отношениях и праве в Риме) потребовали его выдачи, чтобы таким образом снять вину со всего Рима [24, с. 341–342].

В некоторых странах, таких как Рим, иностранные послы пользовались не только личной неприкосновенностью, но и сопутствующими привилегиями и иммунитетами. Такими как, например, освобождение от налогов и от юрисдикции местных властей. Следует отметить, что все это даже сегодня составляет суть дипломатических привилегий и иммунитетов [6, с. 15].

Даже послам (парламентария) врагов гарантировались надлежащая неприкосновенность и защита, а те, кто ранил или оскорбил посла (парламентария), сурово наказывались в своей стране либо экстрадировались в иностранное государство. Таких примеров много. Этот подход был подтвержден в том числе римским юристом Секстом Помпонием (2 век), заметившим: «Если кто-либо причинит вред представителю враждебного государства, то это должно быть воспринято как нарушение прав народов, так как послы являются священными» [25 с. 17].

Жестокое обращение с послами или нанесение им телесных повреждений считались уважительными причинами войны. Иными словами, не только, как уже указывалось, причиной войны могло быть то, что посол злоупотребил своим положением, а направившая его сторона не наказала и не выдала его, но к войне, которую на этот раз

развязала бы сторона, направившая посла, могло привести и нарушение неприкосновенности посла со стороны принимающего государства.

И все же, поскольку в античном мире не существовало кодифицированных общепринятых правил обращения с дипломатическими представителями, а они, в зависимости от местных традиций, более или менее отличались в разных частях мира, практика не всегда во всем была одинаковой и совершенно непротиворечивой. Впрочем, даже тогда, когда неприкосновенность посла не ставилась под сомнение, ему приходилось рассчитывать на множество рисков и неприятностей. Упомянем лишь несколько примеров.

Из Ветхого Завета мы узнаем, что, когда иудейский царь Давид послал к нему делегацию, чтобы утешить его в связи со смертью его отца Нааса и почтить память усопшего (Давид считал умершего своим благодетелем), правитель аммонитян, малоопытный Анун, попал под влияние своих князей, которые убедили его, что Давид прислал послов не из уважения к Наасу, а чтобы «разведать и высмотреть землю и разорить ее». Амон не стал убивать или сажать послов, но публично их обесчестил. По его приказу им остригли бороды наполовину, разрезали их одежды «наполовину до чресл» и отослали их обратно. Этот поступок стал поводом для долгой и кровопролитной войны между евреями и аммонитянами, закончившейся победой Давида, который в конечном счете захватил и разграбил стольный город аммонитян Равву и остальные аммонитские города и увел с собой их жителей (2 Царств 12: 29–31).

Впрочем, у древних римлян одной из всего лишь четырех обоснованных причин для начала так называемой справедливой войны (*bellum justum*), признавалось нарушение невредимости послов.

2.7. Дальнейшее развитие

Развитие транспортных средств, а тем самым и международной торговли привело к дальнейшему укреплению экономических, политических, правовых, культурных и других связей между различными частями мира и обусловило тем самым развитие дипломатии как средства установления и поддержания отношений между государствами, для мирного разрешения споров и др.

Дипломатия получила толчок после раздела Римской империи в 395 г., когда появились весьма современные и хорошо организованные дипломатические службы Святого Престола и Византии, а затем итальянских государств (Венеции, Генуи, Флоренции и др.), франкских государств, Арабского халифата, Киевской Руси и др.

Новый импульс пришел в результате централизации европейских государств и перерастания некоторых из них в могущественные империи, стремившиеся быть в курсе всего, что происходит в мире, и влиять на развитие событий даже в отдаленных районах. В этом смысле дипломатия быстро развивалась с середины

17 века, во что, между прочим, свой вклад внесли и разные международные конгрессы.

Увеличение числа государств в 19 и 20 веках, в том числе в результате окончания крупных войн и освободительной и антиколониальной борьбы угнетенных народов, значительно осложняет отношения на международной арене. Дипломатия приобретает новое качество после создания первых международных организаций и развития многосторонней дипломатии. Среди прочего это позволило расширить участие средних и малых государств, а не только великих держав в принятии важных решений.

В последнее время к дипломатии все чаще относят различные отношения и процессы в международном сообществе, причем не только те, которые проходят под эгидой и контролем государственной службы, то есть через дипломатический аппарат в более узком смысле.

Правда, различные формы квазидипломатического представительства существовали, кажется, давно. Между прочим, как отмечает один писатель, в 13–14 вв. не только правители и вольные города, но и торговые города, и даже университеты и торговые объединения (гильдии) иногда присылали своих формальных квазидипломатических представителей, причем

никто не оспаривал их права на это и никто не возражал обращаться с этими посланцами как с послами. Однако позже это меняется [18, с. 24].

В наши дни многое свидетельствует о том, что грядут глубокие изменения как в существующей концепции дипломатии, так и в дипломатическом праве. Некоторые из причин заключаются в том, что на международной сцене все больше активизируются процессы глобализации, регионализации и интеграции; суверенитет государств ослабевает; расширяется круг видов международного сотрудничества, которое осуществляется другими способами, а не через государства; усиливается роль международных организаций; значение постоянных диппредставительств уменьшается и потому, что многие вопросы, особенно важнейшие, решаются другими способами, так как развитие средства транспорта и технологий позволило главам государств быстро встречаться на саммитах, а также все более широко использовать двусторонние и многосторонние встречи через интернет-видеосвязь; постоянно увеличивается число и значение негосударственных субъектов международных отношений и международного права, в частности транснациональных компаний и т. д. Однако это проблемы, заслуживающие особого внимания в отдельной статье.

Библиографический список

1. Сатоу. Дипломатска пракса. А. Робертс, ур. Београд, 2013. URL: <https://djvu.online/file/QNWpYMadheryj>.
2. Tanenbaum Y. Diplomacy Is the Art of Enhancing Power // E-International Relations, February 22, 2017. URL: <https://www.e-ir.info/2017/02/22/diplomacy-is-the-art-of-enhancing-power>.
3. General Information. U.S. Department of State. URL: <http://web.archive.org/web/20100831212917/http://careers.state.gov/general/about-us.html>.
4. Evriadiades E. L. The Demands of Diplomacy: The Role of Career and Honorary Consuls // Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations. Summer/Fall, 2005, pp. 21–27. Available at: https://www.researchgate.net/publication/265240785_The_Demands_of_Diplomacy_The_Role_of_Career_and_Honorary_Consuls.
5. Нис Е. Порекло међународног права. Београд, 1895.
6. Ђорђевић С., Митић М. Дипломатско и конзуларно право. Београд, 2000.
7. Oppenheim L. A. Letters from Mesopotamia. Official, Business, and Private Letters on Clay Tablets from Two Millennia. Chicago: University of Chicago Press, 1967. 227 p. URL: https://oi.uchicago.edu/sites/oi.uchicago.edu/files/uploads/shared/docs/letters_from_mesopotamia.pdf.
8. Arab S. M. Ramses the Great – The Pharaoh Who Made Peace with his Enemies And the First Peace Treaty in History. URL: <http://www.touregypt.net/featurestories/treaty.htm>.
9. Кривокапић Б. Међународно право: корени, развој, перспективе. Београд, 2006.
10. Malamet A. Mari and the Bible. Brill, 1998. URL: <https://books.google.ru/books?id=P2jtZOP4MLwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
11. Переписка из царского архива Мари / пер. Р. А. Грибова // История Древнего Востока. Тексты и документы / В. И. Кузищин (ред.). Москва, 2002. С. 197–201. URL: <https://s30221942281.mirtesen.ru/blog/43478985309/Istoriya-Drevnego-Vostoka.-Teksty-i-dokumentyi>.
12. Davis A. R. 'Answer Me Properly!': Diplomatic Strategy and Subterfuge in the Treaty Texts from Mari // Ancient Near Eastern Studies. 2013. Vol. 50, issue 1. P. 243–254. DOI: <http://dx.doi.org/10.2143/ANES.50.0.2975515>.
13. Sasson J. M. From the Mari Archives: An Anthology of Old Babylonian Letters. Eisenbrauns, 2015. 454 p. URL: <https://muse.jhu.edu/book/79386>.
14. Handkock P. Selections from the Tell El-Amarna Letters. London, 1930. URL: <https://archive.org/details/selectionsfromte00handrich/mode/2up>.
15. Cohen R., Westbrook R. Amarna Diplomacy: The Beginnings of International Relations. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2000. Available at: https://books.google.ru/books?id=U7BHOyr4_8sC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.

16. Moran William L. (ed. and transl.). *The Amarna Letters*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1992. URL: <https://archive.org/details/moran-w.-l.-the-amarna-letters-1992/mode/2up>.
17. Schniedewind W.M. (ed.) *The El-Amarna Correspondence, I-II. A New Edition of the Cuneiform Letters from the Site of El-Amarna based on Collations of all Extant Tablets*. Brill, 2015. URL: https://drevn-iztok.ucoz.com/board/dreven_egipet_i_afrika/literatura/the_el_amarna_correspondence_a_new_edition_of_the_cuneiform_letters_from_the_site_of_el_amarna_based_on_collations_of_all_extant_tablets/12-1-0-1842.
18. Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. Boston: Dover Publications, 1988. Available at: <https://archive.org/details/RenaissanceDiplomacy>.
19. Буткевич О. В. *Международное право Древнего Египта // Государство и право*. 2000. № 5. С. 75–84.
20. Karavites P. *Diplomatic Envoys in the Homeric Period // Revue Internationale des droits de l'antiquité*, 1987, vol. 34, P. 41–100. URL: <http://local.droit.ulg.ac.be/sa/rida/file/1987/04.%20Karavites.pdf>.
21. Весний М. Р. *Международно право у односима Јужних Словена // Нис Е. Порекло међународног права*. Београд, 1895.
22. Эльманович С. Д. (пер.). *Законы Ману*. Москва, 2002. URL: <http://abhidharma.ru/A/Simvol/Indyizm/0014.pdf>.
23. Herodotus. *History*. Translated by G. Rawlinson. URL: <https://files.romanroadsstatic.com/materials/herodotus.pdf>.
24. Phillipson C. *The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome, I*. London: Macmillan and Co., 1911. URL: <https://archive.org/details/internationallaw01philuoft>.
25. Левин Д. Б. *История международного права*. Москва, 1962. 136 с.

References

1. Satow E. *A Guide to Diplomatic Practice*. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya, 2018, 480 p. Available at: <https://djvu.online/file/QNWpYMadheryj> [in Russian].
2. Tanenbaum Y. *Diplomacy Is the Art of Enhancing Power. E-International Relations*, February 22, 2017. Available at: <https://www.e-ir.info/2017/02/22/diplomacy-is-the-art-of-enhancing-power>.
3. General Information. U.S. Department of State. Available at: <http://web.archive.org/web/20100831212917/http://careers.state.gov/general/about-us.html>.
4. Evriviades E. L. *The Demands of Diplomacy: The Role of Career and Honorary Consuls. Whitehead Journal of Diplomacy and International Relations*. Summer/Fall, 2005, pp. 21–27. Available at: https://www.researchgate.net/publication/265240785_The_Demands_of_Diplomacy_The_Role_of_Career_and_Honorary_Consuls.
5. Nis E. *The origin of international law*. Beograd, 1895. [in Serbian]
6. Đorđević S., Mitić M. *Diplomatic and consular law*. Beograd, 2000 [in Serbian].
7. Oppenheim L. A. *Letters from Mesopotamia. Official, Business, and Private Letters on Clay Tablets from Two Millennia*. Chicago: University of Chicago Press, 1967., 227 p. Available at: https://oi.uchicago.edu/sites/oi.uchicago.edu/files/uploads/shared/docs/letters_from_mesopotamia.pdf.
8. Arab S. M. *Ramses the Great – The Pharaoh Who Made Peace with his Enemies And the First Peace Treaty in History*. Available at: <http://www.touregypt.net/featurestories/treaty.htm>.
9. Krivokapić B. *International law: roots, development, perspectives*. Beograd, 2006. [in Serbian]
10. Malamet A. *Mari and the Bible*. Brill, 1998. URL: <https://books.google.ru/books?id=P2jtZOP4MLwC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
11. *Correspondence from the Mari imperial archive*. Translation by R. A. Gribov. In: *Kuzishchin V. I. (Ed.) History of the Ancient East. Texts and documents*. Moscow, 2002, pp. 197–201. Available at: <https://s30221942281.mirtesen.ru/blog/43478985309/Istoriya-Drevnego-Vostoka.-Teksty-i-dokumentyi> [in Russian].
12. Davis A. R. 'Answer Me Properly!': Diplomatic Strategy and Subterfuge in the Treaty Texts from Mari. *Ancient Near Eastern Studies*, 2013, vol. 50, issue 1, pp. 243–254. DOI: <http://dx.doi.org/10.2143/ANES.50.0.2975515>.
13. Sasson J. M. *From the Mari Archives: An Anthology of Old Babylonian Letters*. Eisenbrauns, 2015. 454 p. URL: <https://muse.jhu.edu/book/79386>.
14. Handkock P. *Selections from the Tell El-Amarna Letters*. London, 1930. Available at: <https://archive.org/details/selectionsfromte00handrich/mode/2up>.

15. Cohen R., Westbrook R. *Amarna Diplomacy: The Beginnings of International Relations*. Baltimore and London: Johns Hopkins University Press, 2000. Available at: https://books.google.ru/books?id=U7BHOyr4_8sC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.
16. Moran William L. (ed. and transl.) *The Amarna Letters*. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1992. Available at: <https://archive.org/details/moran-w.-l.-the-amarna-letters-1992/mode/2up>.
17. Schniedewind W.M. (ed.) *The El-Amarna Correspondence, I-II. A New Edition of the Cuneiform Letters from the Site of El-Amarna based on Collations of all Extant Tablets*. Brill, 2015. Available at: https://dreven-iztok.ucoz.com/board/dreven_egipet_i_afrika/literatura/the_el_amarna_correspondence_a_new_edition_of_the_cuneiform_letters_from_the_site_of_el_amarna_based_on_collations_of_all_extant_tablets/12-1-0-1842.
18. Mattingly G. *Renaissance Diplomacy*. Boston: Dover Publications, 1988. Available at: <https://archive.org/details/RenaissanceDiplomacy>.
19. Butkevich O. V. *Mezhdunarodnoe pravo Drevnego Egipta* [International law of Ancient Egypt]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2000, no. 5, pp. 75–84 [in Russian].
20. Karavites P. Diplomatic Envoys in the Homeric Period. *Revue Internationale des droits de l'antiquité*, 1987, vol. 34, pp. 41–100. Available at: <http://local.droit.ulg.ac.be/sa/rida/file/1987/04.%20Karavites.pdf>.
21. Vesnić M. R. International law in the relations of South Slavs. In: *Nis E. The origin of international law*. Beograd, 1895. [in Serbian]
22. Elmanovich S. D. (translator) *Zakony Manu* [Laws of Manu]. Moscow, 2002. Available at: <http://abhidharma.ru/A/Simvol/Indyizm/0014.pdf> [in Russian].
23. Herodotus. *History*. Translated by G. Rawlinson. Available at: <https://files.romanroadsstatic.com/materials/herodotus.pdf>.
24. Phillipson C. *The International Law and Custom of Ancient Greece and Rome, I*. London: Macmillan and Co., 1911. Available at: <https://archive.org/details/internationallaw01philuoft>.
25. Levin D. B. *Istoriya mezhdunarodnogo prava* [History of international law]. Moscow, 1962, 136 p. [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.64, 342.8

Дата поступления 10.08.2022
рецензирования: 12.09.2022
принятия: 28.10.2022

Избирательное право лиц, лишенных свободы: позиции Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации

Ю. В. Самович

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: juliasamovich@gmail.com

Л. В. Юн

Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Казань, Российская Федерация
E-mail: yun.lara@yandex.ru

Аннотация: В последнее время все большее значение приобретает важность нахождения четкого и, главное, устойчивого баланса между частными и общественными интересами. Сложные отношения между странами, между судебными институтами, региональными объединениями, государственный суверенитет, вновь оказавшийся на месте глобализации, – одни из немногих факторов, заставляющих по-иному оценивать межгосударственные взаимодействия. Вопрос об избирательных правах лиц, которые находятся в местах лишения свободы, во внутригосударственном законодательстве России и международном праве регулируется по-разному – в Российской Федерации лица, которые отбывают срок за совершенные уголовно наказуемые деяния, не могут использовать свое активное избирательное право. Эта норма находит свое формальное закрепление в Основном Законе России (ч. 3 ст. 32). Протокол 1 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в статье 3 формально не отражает ограничений относительно субъектов, имеющих право на участие в голосовании, определяя лишь требование для государств проводить с разумной периодичностью свободные выборы путем тайного голосования в условиях, обеспечивающих свободное волеизъявление народа при выборе законодательных органов власти. Именно это несоответствие повлекло вынесение пилотного постановления в адрес России и Великобритании, находящейся в аналогичном положении. Цель данной статьи – обзор позиций КС РФ и ЕСПЧ для оценки объективности в принципиальном вопросе соблюдения прав человека и права государства на собственное мнение. И хотя 16 сентября Российская Федерация завершила процедуру денонсации Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а соответственно, постановления Европейского суда не распространяются более на Россию, данный анализ видится важным – насколько объективным и беспристрастным должен быть международный судебный орган для разрешения внутренних вопросов государства и способен ли он это сделать? Размышления привели к выводу о необходимости концептуального пересмотра взаимоотношений национальных и межгосударственных судов в целом, особенно с учетом субсидиарного характера международного правосудия и неустойчивости правовых позиций международных судебных учреждений.

Ключевые слова: правовые позиции; постановление Европейского суда по правам человека; решения Конституционного Суда; Конституционный Суд; избирательный процесс.

Цитирование. Самович Ю. В., Юн Л. В. Избирательное право лиц, лишенных свободы: позиции Европейского суда по правам человека и Конституционного Суда Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 74–81. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-74-81>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Самович Ю. В., Юн Л. В., 2022

Юлия Владимировна Самович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Российская Федерация, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7, лит. А.

Лариса Владимировна Юн – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Российская Федерация, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7, лит. А.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 10.08.2022
Revised: 12.09.2022
Accepted: 28.10.2022

Suffrage of persons deprived of liberty: positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation

Yu. V. Samovich

Kazan branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation
E-mail: juliasamovich@gmail.com

L. V. Yun

Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation
E-mail: yun.lara@yandex.ru

Abstract: Recently, the importance of finding a clear and, most importantly, a stable balance between private and public interests has become increasingly important. Complex relations between countries, between judicial institutions, regional associations, state sovereignty, which has once again found itself in the place of globalization, are one of the few factors that force a different assessment of interstate interactions. The issue of the electoral rights of persons who are in places of deprivation of liberty in the domestic legislation of Russia and international law is regulated differently – in the Russian Federation, persons who are serving time for criminal acts committed cannot use their active suffrage. This norm finds its formal consolidation in the Basic Law of Russia (Part 3 of Article 32). Protocol 1 to the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms in Article 3 does not formally reflect restrictions on subjects entitled to vote, defining only the requirement for States to hold free elections with reasonable frequency by secret ballot in conditions that ensure the free expression of the will of the people when choosing legislative authorities. It was this discrepancy that led to the issuance of a pilot resolution to Russia and the United Kingdom, which is in a similar position. The purpose of this article is to review the positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and the ECHR to assess objectivity in the fundamental issue of respect for human rights and the right of the state to its own opinion. And although on September 16, the Russian Federation completed the procedure for denouncing the European Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms, and, accordingly, the rulings of the European Court of Justice no longer apply to Russia, this analysis seems important – how objective and impartial an international judicial body be to resolve internal issues of the State and is it capable of doing so? The result of the reflections led to the conclusion that there is a need for a conceptual revision of the relationship between national and interstate courts in general, especially taking into account the subsidiary nature of international justice and the instability of the legal positions of international judicial institutions.

Key words: legal positions; ruling of the European Court of Human Rights; decisions of the Constitutional Court; Constitutional Court; electoral process.

Citation. Samovich Yu. V., Yun L. V. *Izбирatel'noe pravo lits, lishennykh svobody: pozitsii Evropeiskogo suda po pravam cheloveka i Konstitutsionnogo Suda Rossiiskoi Federatsii* [Suffrage of persons deprived of liberty: positions of the European Court of Human Rights and the Constitutional Court of the Russian Federation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 74–81. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-74-81> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Samovich Yu. V., Yun L. V., 2022

Yulia V. Samovich – Doctor of Legal Sciences, professor, professor of the Department of State-Legal Disciplines, Kazan branch of the Russian State University of Justice, letter A, 7, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420088, Russian Federation.

Larisa V. Yun – Candidate of Legal Sciences, associate professor of the Department of State-Legal Disciplines, Kazan branch of the Russian State University of Justice, letter A, 7, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420088, Russian Federation.

Право избирать и быть избранным, согласно конституционным положениям, принадлежит каждому гражданину, соответственно, практически любое государство, позиционирующее себя как демократическое и правовое, уделяет достаточное внимание развитию и совершенствованию этого института. Тем не менее, на практике возникает ряд вопросов, относящихся к использованию активного избирательного права, в том числе возможностей российских граждан, находящихся в местах лишения свободы.

Содержание конституционных норм в отношении граждан, отбывающих наказание по ранее вынесенному приговору суда, предполагает запрет избирать и быть избранными. Конституционная норма конкретизируется в Федеральном законе от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», Федеральном законе от 10.01.2003 № 19-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «О выборах Президента Российской Федерации», а также Федеральном законе от 22.02.2014 № 20-ФЗ (ред. от 14.03.2022) «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации».

Толкование данного права, провозглашенного в основных международно-правовых актах, не препятствует возможности законодательного лишения осужденных избирательных прав, что, собственно, и вызывает дискуссии в этом вопросе. Жалобы подобного рода занимают основной объем обращений

на нарушение конституционных прав граждан политического характера. Например, за 2021 год из общего числа таких обращений (53) жалобы, связанные с нарушением избирательных прав и права на участие в референдуме составили 86,8 % (46), а в первом квартале 2022 года – 4 из 6 [1].

Судя по всему, впервые вопрос был затронут в 2007 году иллюстративно и прозвучал в особом мнении судьи А.Л. Кононова к Определению высшего судебного органа конституционного контроля от 04.12.2007 № 797-О-О [2]: КС РФ тогда аргументировал отказ в предоставлении избирательного права лицам, обладающим гражданством другого государства, сославшись в том числе и на практику ЕСПЧ. Не согласившийся с мнением большинства судья А. Л. Кононов в своем особом мнении [2] отметил, что, «декларируя права граждан Российской Федерации в сфере избирательного права, конституционные положения предусматривают лишь несколько случаев, когда активное и пассивное избирательное право не реализуется гражданами: в случае признания их недееспособными/нахождение в местах лишения свободы по приговору суда. В обоих приведенных случаях имеются достаточно очевидные причины – ограничение свободы лица вследствие психических недостатков или же отбывания наказания за совершенное преступление. Стоит отметить, что в том или ином случае ограничение права регламентировано судебным решением, тем самым придавая ему характер ясного и бесспорного основания».

В 2009 году непосредственно в связи с оспариванием законодательных положений об участии граждан в формах прямой демократии (референдум и выборы) Конституционный Суд уже оценивал возможность лишения права голоса осужденных к лишению свободы лиц.

Аргументация заявителя базировалась на несоответствии Конституции лишения его права избирать и быть избранным; среди других оснований, поддерживающих его точку зрения, приводилось и в том числе указание на Постановление Европейского Суда по правам человека по делу *Hurst v. United Kingdom*.

Конституционный Суд России отказал в принятии жалобы к рассмотрению, аргументировав в исследуемом нами контексте следующее: «...исходя из конституционных норм у лиц, признанных недееспособными или же находящихся в местах лишения свободы, отсутствует право волеизъявления на голосовании и в представлении своей кандидатуры на тех или иных выборах, что соответствует Convention on Standards for Democratic Elections, Electoral Rights and Freedoms in the CIS Member States, предполагающей подобные ограничения избирательных прав и свобод граждан и признающей их недискриминационными (ст. 18)» [3].

Таким образом, решающим аргументом Конституционного Суда России в признании правомерности запрета реализовывать право на голосование лицам, лишенным свободы по приговору суда, являлась ч. 3 ст. 32 Конституции РФ. В связи с тем что данная норма формально закреплена в главе 2 «Права и свободы человека и гражданина», ее изменение в силу ч. 2 и 3 ст. 135 Конституции РФ возможно лишь посредством принятия новой Конституции.

Уже в 2010 году Конституционный Суд уточняет ситуацию в Определении № 757-О-О: «Основной закон Российского государства, признавая конституционные положения в отношении избирательных прав граждан, в тексте Конституции России закрепляет норму о том, что эти права касаются как активного, так и пассивного права (установлен запрет на активное и пассивное избирательное право для недееспособных и находящихся в местах лишения свободы лиц).

Данное конституционное положение, однако, не дает ни прямых указаний, ни оснований к такой его интерпретации, которая полностью исключала бы иные ограничения избирательного права. Согласно правовой позиции... возможность установления исключений из принципа всеобщности пассивного избирательного права федеральным законом вытекает из конституционных положений, а также норм международного права, являющихся составной частью правовой системы Российской Федерации» [4].

Наконец, в 2013 году вопрос рассматривается в полном объеме: «...предписание конституционных положений в корреляции с формально отраженными в ней критериями возможных ограничений прав и свобод человека и гражданина нормами

федерального законодательства не дает оснований к интерпретации, исключаящей необходимость ограничения пассивного избирательного права нормами федерального законодательства в отношении определенных категорий лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы» [5]. Профессор А. Н. Кокотов, оценил позицию Суда положительно, отметив, что она, «несмотря на ее отраслевую зауженность, возводит серьезный барьер на пути тотального лишения граждан их конституционных и иных прав» [6].

При рассмотрении в органах европейского правосудия жалоб осужденных к тюремному заключению, связанных с лишением их активного избирательного права или практической возможности голосовать на выборах, их длительное время признавали неприемлемыми, но в 2005 году в деле *Hirst v. the United Kingdom (no. 2)* Суд изменил свое мнение [7].

В данном деле Суд использовал опыт Канады – государства, не являющегося членом Совета Европы (дело Совэ). ЕСПЧ согласился, что власти Великобритании наделены широкой свободой усмотрения в данной области и именно национальное право определяет справедливость ограничений избирательного права для заключенных, но не подтвердил мнение, что абсолютный запрет на право голоса подпадает в область допустимой свободы усмотрения.

В итоге Суд постановил, что «заявитель по настоящему делу был лишен права голоса в результате введения автоматического и абсолютного ограничения на избирательные права осужденных и может, таким образом, заявлять о статусе жертвы этой меры» [7, р. 51].

Последующие жалобы по данному вопросу не объявлялись неприемлемыми и рассматривались по существу: например, дело *Frodal v. Austria* (осужденный к пожизненному заключению за убийство в соответствии с законодательством о выборах в национальную ассамблею, по которому отбывающий наказание свыше одного года лишается права голоса, был лишен права голосовать) [8].

Пилотное постановление против Великобритании ЕСПЧ вынес в 2010 году, рассмотрев дело *Greens and M.T. v. the United Kingdom* [9]. Суд заявил, что для осужденных, отбывающих наказание в Соединенном Королевстве, действует абсолютный запрет на участие в национальных и европейских выборах, что вновь нарушает нормы Протокола № 1 к Конвенции (ст. 3).

Кстати, в деле *Hirst* в совместном особом мнении судей Л. Вильдхабера, Ж.-П. Коста, П. Лоренса, А. Ковлера и Э. Йебенса, не согласившихся с вынесенным решением, отмечается, что «созданы затруднения законодательного характера не только для государств, вводящих массовый запрет на право голоса заключенных... у всех Высоких Договаривающихся Сторон, устанавливающих аналогичные ограничения, возникнут сложности в ходе оценки соответствия их законодательства требованиям Конвенции» [7]. Кроме

того, по мнению судей, большая часть аргументов достаточно далека от существующего автономного толкования Конвенции и отсутствие в Европе согласованной точки зрения по этому вопросу подтверждает, что Суд неверно определил границы свободы усмотрения государства-ответчика. Постановление по делу *Hirst* вызвало серьезную негативную реакцию со стороны Соединенного Королевства и до сих пор не исполнено [10].

Несмотря на регулярные «бои» европейских правозащитных структур с национальным правом государств, открытое противостояние не улучшает ситуации. Позиции национальных судебных органов отнюдь не льстят.

Выясняя отношения в вопросе ограничений избирательных прав осужденных к лишению свободы, в споре об ограничении избирательных прав заключенных в Соединенном Королевстве, британская сторона приблизилась к риторике военного столкновения, где Лорд – главный судья Англии и Уэльса отметил: «Страсбург не должен всегда побеждать и побеждать ему не обязательно». Глава же Верховного суда Великобритании лорд Филипп в тонких выражениях обсуждал едва ли не выход из Конвенции и замену Акта о ее инкорпорации сужбу британским Биллем [11].

Ограничение либо абсолютный запрет избирательных прав лиц, лишенных свободы по приговору суда, в России, Армении, Венгрии и Грузии установлен основными законами этих государств; в Люксембурге, Австрии, Турции и Мальте – имеет конституционную природу [12]. Однако, как бы мы ни исследовали вопрос (с негативной или позитивной стороны), законодательная практика государств неоднозначна в вопросе предоставления заключенным (осужденным к лишению свободы) пассивного избирательного права.

Поэтому удивительным (сейчас, бесспорно, нет) было однозначное указание Европейского суда в постановлении по делу *Анчугов и Гладков* против Российской Федерации от 4 июля 2013 года: «...закрепленное в ч. 3 ст. 32 Конституции РФ ограничение избирательного права лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, противоречит Конвенции и Протоколу № 1, поскольку носит «абсолютный, автоматический и недифференцированный характер» [13].

Аргументы Конституционного Суда России по указанным выше делам, рассмотренным ЕСПЧ, которые были изложены в Постановлении от 19.04.2016 № 12-П: нарушение положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод в указанных делах Европейский суд по правам человека усмотрел в том, что ограничения избирательных прав, о которых идет речь, во-первых, охватывают слишком широкий круг уголовных правонарушений, включая малозначительные; во-вторых, применяются к осужденным (заключенным) автоматически и недифференцированно, вне зависимости от продолжительности срока назначенного им наказания, характера и тяжести совершенного преступления и конкретных

обстоятельств; в-третьих, осуществляются не на основании дискреционного правоприменительного решения, которым бы устанавливалась связь между необходимостью лишения избирательных прав и обстоятельствами конкретного дела.

На этих позициях и настаивает КС РФ, продолжая отстаивать право на собственное мнение в толковании правовых норм. В 2018 году в Определении № 13-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав нормами федерального законодательства о выборах Президента Российской Федерации» [14] Конституционный Суд России отметил, что ограничение пассивного избирательного права осужденных ранее лиц за совершение тяжких и особо тяжких преступлений... связано с усиленными репутационными требованиями к представителям публичной власти; подобное ограничение... применяется как следующее самому факту осуждения к лишению свободы за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления. ...Опираясь на приведенные правовые позиции, Конституционный Суд Российской Федерации неоднократно подтверждал правомочие федерального законодателя устанавливать с соблюдением конституционных требований ограничения пассивного избирательного права лиц, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и особо тяжких преступлений, до истечения определенного времени со дня снятия или погашения судимости (п. 2.1).

Данная позиция была подтверждена и в 2020 году: «Конституционный Суд Российской Федерации ранее указывал, что введение ограничения пассивного избирательного права для всех лиц, осужденных за совершение тяжких и особо тяжких преступлений к лишению свободы, независимо от того, было ли наказание условным/реальным, вызвано тем, что на основании функционирующей системы уголовно-правового регулирования наказание в виде лишения свободы представляет собой наиболее суровую меру ответственности. Назначение данного наказания показывает особую общественную опасность совершенного противоправного деяния, в связи с чем федеральный законодатель в данном случае не вышел за пределы предоставленной ему Конституцией Российской Федерации дискреции по разграничению условий ограничения пассивного избирательного права граждан, осужденных к лишению свободы за совершение тяжких и (или) особо тяжких преступлений» [15].

Важно разграничивать ограничение активного и пассивного избирательного права осужденных лиц, отбывающих то или иное наказание.

Ограничение пассивного избирательного права представляется более длительным, так как это связано прежде всего со снятием и погашением судимости, имеющейся у ранее осужденного лица. Порой этот период может быть существенно продолжительным по времени. Такой длительный

срок ограничения пассивного избирательного права, на наш взгляд, снижает уровень правового сознания, правовой культуры граждан, так как именно в этот период могло бы произойти формирование личности и осознание всех ранее совершенных гражданином противоправных деяний.

Ограничение активного избирательного права осужденных лиц связано с совершением ими тяжких и особо тяжких преступлений и других правонарушений, формально отраженных в нормах действующего российского законодательства, прямо закрепляющих запрет на выдвижение кандидатуры на государственную должность в случае наличия судимости у лица, претендующего на нее.

Впоследствии, развивая свои подходы к решению данного вопроса, ЕСПЧ признал «допустимым» ограничение избирательных прав осужденных – при условии соблюдения требований соразмерности и дифференцированности – не только по дискреционному решению суда, но и иными равнозначными способами, избежав тем самым возможного упрека в произвольном истолковании Конвенции о защите прав человека и основных свобод, переходящем ту тонкую грань, которая отделяет толкование норм права от их исполнения, что не соответствовало бы как субсидиарной роли этого международного судебного органа, так и принципу национально-государственного суверенитета» [16].

Позиция Конституционного Суда в бесконечных спорах с Европейским судом по правам человека была сформулирована В. Д. Зорькиным еще в 2010 году: «Конституция устанавливает приоритет международного договора над положениями закона, но не над положениями Конституции. Монополия на интерпретацию конституционных положений и выявление конституционного смысла закона принадлежит высшему судебному органу конституционного контроля. На основании этого истолкование Основного Закона Российского государства, данное высшим судебным органом государства, не может быть преодолено путем толкования Конвенции, в связи с тем что ее юридическая сила все-таки юридическую силу Конституции не превосходит» [17]. Российская Федерация в настоящее время не является участником Совета Европы и денонсировала Европейскую конвенцию, однако

уже на тот момент объективно прослеживалась позиция Европейского суда не принимать во внимание мнение государства. В том числе и этот момент не приводит к взаимопониманию сторон в процессе международного правосудия.

Результат современных «междоусобных войн» судебных учреждений прекрасно иллюстрирует высказывание К. В. Арановского: «Они вынуждают оправдываться и настаивать на том, что должно звучать непрерываемо, ставят под сомнение уважение к судам и обязательность их решений. Действительно, высокопоставленный суд, громко опровергая и вместе с тем не имея полномочий отменить решение другой высокой судебной инстанции, дает поводы думать, что не все действующие акты правосудия достойны признания. Отсюда несложно перейти и к выводу о том, что не всякое судебное постановление следует исполнять. Разобщенность судебной практики по однородным и по сходным делам вооружает аргументами тех, кого тяготят «обременения» права, кто считает непозволительными «дерзости» правосудия, полагая, что они посягают на державность, мешают народному процветанию и полицейскому благочинию. В общем, в междоусобных спорах правосудие расточает свою влиятельную силу» [18].

О каком вопросе бы ни шла речь, международное и внутригосударственное судопроизводство должны вести согласованную политику, подтверждаемую хотя бы иногда демонстрацией единства мнений. Бессмысленны открытые нападки судов (особенно подобной категории) друг на друга. Основной итог этих разногласий – абсолютное неверие в правосудие у «потенциального заявителя» и нежелание участвовать в бесперспективных спорах – у профессионалов.

Баланс государственных и частных интересов на весах национального и международного правосудия должен определяться исходя из принципа «золотой середины» путем урегулирования всех существующих разногласий по поводу поднятой проблематики в сфере избирательных прав осужденных лиц. Абсолютно неверным будет преобладание одной стороны над другой, так как это повлечет за собой более длительный правовой конфликт между сторонами который приведет не к решению проблемы, а к ее постановке.

Библиографический список

1. Статистика обращений: Официальный сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx>.
2. Определение Конституционного Суда РФ от 04.12.2007 № 797-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кара-Мурзы Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав положением пункта 3.1 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2008. № 2. С. 20–23. URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04122007-n-797-o-o-ob/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10344355>. EDN: <https://www.elibrary.ru/isjnab>.
3. Определение Конституционного Суда РФ от 01.10.2009 № 1053-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Байкова Алексея Алексеевича на нарушение его конституционных прав статьей 395 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, статьей 18 Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”, статьей 4 Федерального закона “Об

основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, статьей 5 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” и пунктом 6 статьи 4 Федерального закона Российской Федерации “О выборах Президента Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01102009-n>.

4. Определение Конституционного Суда РФ от 01.06.2010 № 757-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Леонова Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями подпункта “г” пункта 3.2 статьи 4 и подпункта “ж” пункта 7 статьи 76 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01062010-n-757-o-o-ob>.

5. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 20-П «По делу о проверке конституционности подпункта “а” пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации”, части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153235/.

6. Кокотов А. Н. Конституционный Суд России и макроправовое регулирование // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 3. С. 3–7. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-3-3-7>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gqtcnp>.

7. Case of Hirst v. the United Kingdom (no. 2), 06.10.2005. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70442>.

8. Case of Frodl v. Austria, 08.04.2010. URL: [https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:\[%22001-98132%22\]%7D](https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:[%22001-98132%22]%7D).

9. Case of Greens and M.T. v. the United Kingdom (Russian Translation), 23.11.2010. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117302>.

10. Ковлер А.И. Европейская конвенция в международной системе защиты прав человека: монография. Москва: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2019. 304 с. URL: <https://izak.ru/upload/iblock/4b2/4b269cff0d1dfb4e23ec129a4c3f9bc1.pdf>.

11. Английский лорд – главный судья засомневался в ЕСПЧ // Право.ru. 21 октября 2011 г. URL: <https://pravo.ru/interpravo/news/view/62841>.

12. Елинский А. Общеправовые последствия уголовного осуждения: конституционно допустимые пределы // Уголовное право. 2011. № 6. С. 106–113. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17013755>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oiictx>.

13. Case of Anchugov and Gladkov v. The Russian Federation, 04.07.2013. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122260>.

14. Определение Конституционного Суда РФ от 18.01.2018 № 13-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав подпунктом 1 пункта 5.2 статьи 3 Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18012018-n-13-o>.

15. Определение Конституционного Суда РФ от 26.03.2020 № 584-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Капчука Сергея Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 8 статьи 4 Федерального закона “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации”» // СПС «КонсультантПлюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032020-n-584-o>.

16. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.04.2016 № 12-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 4 июля 2013 года по делу “Анчугов и Гладков против России” в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2016. № 5. URL: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19042016-n/>.

17. Зорькин В. Д. Предел уступчивости // Российская газета. 2010. № 5325 (246). URL: <https://fondpp.org/news/oglavnom/predel-ustupchivosti-2>.

18. Арановский К. В. Условия согласования практики международного и конституционного правосудия // Журнал конституционного правосудия. 2013. № 3. С. 1–10. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19046777>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qauvbl>.

References

1. *Statistika obrashchenii* [Statistics of appeals]. Retrieved from the official website of the Constitutional Court of the Russian Federation. Available at: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/Statistic.aspx> [in Russian].

2. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 04.12.2007 № 797-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kara-Murzy Vladimira Vladimirovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniem punkta 3.1*

stat'i 4 Federal'nogo zakona "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii"» [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 04.12.2007 № 797-O-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kara-Murza Vladimir Vladimirovich on violation of his constitutional rights by the provision of paragraph 3.1 of Article 4 of the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation"»]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 2008, no. 2, pp. 20–23. Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-04122007-n-797-o-o-ob/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=10344355>. EDN: <https://www.elibrary.ru/isjnab> [in Russian].

3. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 01.10.2009 № 1053-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Baikova Alekseya Alekseevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav stat'ei 395 Ugolovno-protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii, stat'ei 18 Federal'nogo zakona "O sodержanii pod strazhei podozrevaemykh i obvinyaemykh v sovershenii prestuplenii", stat'ei 4 Federal'nogo zakona "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii", stat'ei 5 Federal'nogo zakona "O vyborakh deputatov Gosudarstvennoi Dумы Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii" i punktom 6 stat'i 4 Federal'nogo zakona Rossiiskoi Federatsii "O vyborakh Prezidenta Rossiiskoi Federatsii"»* [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 01.10.2009 № 1053-O-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexey Alekseevich Baykov on violation of his constitutional rights by Article 395 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, Article 18 of the Federal Law "On Detention of Suspects and Accused of Committing Crimes", Article 4 of the Federal Law "On the basic guarantees of electoral rights and the right of citizens of the Russian Federation to participate in a referendum", Article 5 of the Federal Law "On elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation" and paragraph 6 of Article 4 of the Federal Law of the Russian Federation "On elections of the President of the Russian Federation"»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01102009-n> [in Russian].

4. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 01.06.2010 № 757-O-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Leonova Vladimira Nikolaevicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav polozheniyami podpunkta "g" punkta 3.2 stat'i 4 i podpunkta "zh" punkta 7 stat'i 76 Federal'nogo zakona "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii"»* [Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 01.06.2010 № 757-O-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Leonov Vladimir Nikolaevich on violation of his constitutional rights by the provisions of subparagraph "d" of paragraph 3.2 of Article 4 and subparagraph "g" of paragraph 7 of Article 76 of the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right to participation in the referendum of citizens of the Russian Federation"»]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/doc/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-01062010-n-757-o-o-ob> [in Russian].

5. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 10.10.2013 № 20-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti podpunkta "a" punkta 3.2 stat'i 4 Federal'nogo zakona "Ob osnovnykh garantiyakh izbiratel'nykh prav i prava na uchastie v referendumе grazhdan Rossiiskoi Federatsii", chasti pervoi stat'i 10 i chasti shestoi stat'i 86 Ugolovnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan G. B. Egorova, A. L. Kazakova, I. Yu. Kravtsova, A. V. Kupriyanova, A. S. Latypova i V. Yu. Sin'kova»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation № 20-P dated 10.10.2013 «On the case of checking the constitutionality of subparagraph "a" of Paragraph 3.2 of Article 4 of the Federal Law "On basic guarantees of electoral rights and the right to participate in a referendum of citizens of the Russian Federation". Part One of Article 10 and Part Six of Article 86 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens G. B. Egorov, A. L. Kazakov, I. Y. Kravtsov, A. V. Kupriyanov, A. S. Latypov and V. Y. Sinkova»]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 2014, no. 1. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_153235/ [in Russian].

6. Kokotov A. N. *Konstitutsionnyi Sud Rossii i makropravovoe regulirovanie* [The Russian Constitutional Court and macro-legal regulation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no. 3, pp. 3–7. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-3-3-7>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gqtcnp> [in Russian].

7. Case of Hirst v. the United Kingdom (no. 2), 06.10.2005. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-70442>.

8. Case of Frodl v. Austria, 08.04.2010. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng#%7B%22itemid%22:%5B%22001-98132%22%7D>.

9. Case of Greens and M.T. v. the United Kingdom (Russian Translation), 23.11.2010. URL: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-117302>.

10. Kovler A. I. *Evropeiskaya konventsiya v mezhdunarodnoi sisteme zashchity prav cheloveka: monografiya* [European Convention in the International System of Human Rights Protection: monograph]. Moscow: IZiSP, Norma, INFRA-M, 2019, 304 p. Available at: <https://izak.ru/upload/iblock/4b2/4b269cff0d1dfb4e23ec129a4c3f9bc1.pdf> [in Russian].

11. *Angliiskii lord – glavnyi sud'ya zasommevalsya v ESPCh* [The English Lord Chief Justice doubted the ECHR]. Retrieved from *Pravo.ru*. October 21, 2011. Available at: <http://pravo.ru/interpravo/news/view/62841> [in Russian].

12. Elinsky A. *Obshchepравovyye posledstviya ugolovnogo osuzhdeniya: konstitutsionno dopustimye predely* [General legal consequences of criminal conviction: constitutionally permissible limitations]. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law], 2011, no. 6, pp. 106–113. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17013755>. EDN: <https://www.elibrary.ru/oiictx> [in Russian].

13. Case of Anchugov and Gladkov v. The Russian Federation, 04.07.2013. Available at: <https://hudoc.echr.coe.int/eng?i=001-122260>.

14. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 18.01.2018 № 13-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Naval'nogo Alekseya Anatol'evicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav podpunktom 1 punkta 5.2 stat'i 3 Federal'nogo zakona "O vyborakh Prezidenta Rossiiskoi Federatsii"»* [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 18.01.2018 № 13-O "On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Alexei A. Navalny for violation of his constitutional rights by subparagraph 1 of paragraph 5.2 of Article 3 of the Federal Law «On presidential elections of the Russian Federation»)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-18012018-n-13-o/> [in Russian].
15. *Opredelenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 26.03.2020 № 584-O «Ob otkaze v prinyatii k rassmotreniyu zhaloby grazhdanina Kapchuka Sergeya Aleksandrovicha na narushenie ego konstitutsionnykh prav punktom 2 chasti 8 stat'i 4 Federal'nogo zakona "O vyborakh deputatov Gosudarstvennoi Dumy Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii"»* [Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 26.03.2020 № 584-O «On refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kapchuk Sergey Alexandrovich for violation of his constitutional rights by paragraph 2 of Part 8 of Article 4 of the Federal Law "On elections of deputies of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation"»)]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26032020-n-584-o/> [in Russian].
16. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 19.04.2016 № 12-P «Po delu o razreshenii voprosa o vozmozhnosti ispolneniya v sootvetstvii s Konstitutsiei Rossiiskoi Federatsii postanovleniya Evropeiskogo Suda po pravam cheloveka ot 4 iyulya 2013 goda po delu "Anchugov i Gladkov protiv Rossii" [v svyazi s zaprosom Ministerstva yustitsii Rossiiskoi Federatsii]* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19.04.2016 № 12-P «With regard to case of resolving the issue of the possibility of execution in accordance with the Constitution of the Russian Federation of the decision of the European Court of Human Rights as of July 4, 2013 with regard to case "Anchugov and Gladkov v. Russia" in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation»]. *Vestnik Konstitutsionnogo Suda RF* [Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation], 2016, no. 5. Available at: <https://legalacts.ru/doc/postanovlenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-19042016-n> [in Russian].
17. Zorkin V. D. *Predel ustupchivosti* [The limit of compliance]. *Rossiiskaya gazeta*, 2010, no. 5325 (246). Available at: <https://fondpp.org/news/o-glavnom/predel-ustupchivosti-2> [in Russian].
18. Aranovskiy K. V. *Usloviya soglasovaniya praktiki mezhdunarodnogo i konstitutsionnogo pravosudiya* [Conditions for the coordination of the practice of international and constitutional justice]. *Zhurnal konstitutsionnogo pravosudiya* [Journal of Constitutional Justice], 2013, no. 3, p. 1–10. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19046777>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qauvbl> [in Russian].

Трибуна молодого ученого TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2022-8-4-82-86

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 347.63

Дата поступления 20.07.2022
рецензирования: 23.08.2022
принятия: 28.10.2022

Судебная защита отцовских прав

А.А. Очкина

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов, Российская Федерация
E-mail: astya972@mail.ru

Аннотация: Представленное исследование посвящено одной из актуальных тем в современном российском праве, а именно правовой судебной защите института отцовства. Актуальность статьи обусловлена прежде всего наличием правовых проблем в сфере защиты прав и интересов отцов. Автор делает акцент на стремительном росте количества семейных дел, рассматриваемых российскими судами, о чем свидетельствуют официальные статистические данные. Однако существует большое количество нарушений прав и интересов отцов. Нарушения происходят даже в рамках судебного разбирательства. Цель статьи – выявить и исследовать проблемы, связанные с защитой отцовских прав в порядке судебного производства. Автор анализирует судебную практику Конституционного Суда Российской Федерации. С помощью анализа действующей правоприменительной практики автор приходит к выводу о наличии наметившихся тенденций в области реформирования действующего российского законодательства, кроме того, подчеркивается важность и целесообразность такого реформирования. Автором были использованы общенаучные (диалектический, методы анализа, синтеза) и частно-научные методы (формально-юридический). В статье особое внимание отводится тому, что сразу ряд нормативно-правовых актов в области защиты прав и интересов отцов не являются достаточно эффективными и целесообразно прибегнуть к их доработке. Приводятся собственные авторские пути совершенствования законодательства РФ. Выводы по данному исследованию будут интересны специалистам в области гражданского и семейного права. Возможно применение данного научного исследования на практике с целью изменения законодательства, регулирующего аспекты отношений по защите отцовских прав.

Ключевые слова: институт отцовства; судебная защита; права и интересы отцов; защита отцовства.

Цитирование. Очкина А. А. Судебная защита отцовских прав // Юридический вестник Самарского университета. 2022. Т. 8, № 4. С. 82–86. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-82-86>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Очкина А. А., 2022

Анастасия Андреевна Очкина – аспирант, кафедра гражданского права, Саратовская государственная юридическая академия, 410056, Российская Федерация, г. Саратов, ул. Вольская, 1.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 25.07.2022
Revised: 23.08.2022
Accepted: 28.10.2022

A. A. Ochkina

Saratov State Law Academy, Samara, Russian Federation
E-mail: astya972@mail.ru

Judicial defense of fathers' rights

Abstract: This article is devoted to one of the most relevant topics in modern Russian law, namely the legal judicial protection of the institution of paternity. The relevance of the article is primarily due to the presence of legal problems in the field of protecting the rights and interests of fathers. The author focuses on the fact that at present the number of family cases considered by the courts is growing rapidly, as evidenced by official statistics. However, there are a large number of violations of the rights and interests of fathers, including in the framework of legal proceedings. The purpose of the article is to identify and explore the problems associated with the protection of paternal rights in court proceedings. The author

analyzes a number of legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation. Based on the analysis of law enforcement practice, the author concludes that there are emerging trends in the field of reforming the current Russian legislation, in addition, the importance and expediency of such reform is emphasized. The author used general scientific (dialectical, methods of analysis, synthesis) and private scientific methods (formal legal). The article concludes that certain provisions of domestic legislation in the field of protecting the rights and interests of fathers need to be improved. The author suggests his own ways of improving the current legislation in the area under consideration. It is possible to apply this scientific research in practice in order to change the legislation governing aspects of relations for the protection of paternal rights. The findings of this study will be of interest to specialists in the field of civil and family law.

Key words: institution of paternity; judicial protection; rights and interests of fathers; protection of paternity.

Citation. Ochkina A. A. *Sudebnaya zashchita ottsovskikh prav* [Judicial defense of fathers' rights]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2022, vol. 8, no. 4, pp. 82–86. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2022-8-4-82-86> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Ochkina A. A., 2022

Anastasia A. Ochkina – postgraduate student, Department of Civil Law, Saratov State Law Academy, 1, Volskaya Street, Saratov, 410056, Russian Federation.

Обратившись к Основному Закону Российской Федерации, нельзя обойти вниманием одно из его базисных положений о том, что «каждому гарантируется судебная защита его прав» [1]. Помимо Основного Закона и других нормативно-правовых документов, судебные акты, а именно постановления Конституционного Суда РФ (далее – КС РФ) также часто оперируют фактическим признанием того, что предоставляемое право на защиту посредством судебного разбирательства является фундаментальным, абсолютным (неотчуждаемым) правом лица. Более того, отметим, что оно выступает гарантом соблюдения иных прав и свобод [2].

Исходя из данных существующей на сегодняшний день судебной статистики, следует признать, что ежегодно в судах растет количество дел, связанных с семейными правоотношениями. Так, например, в 2020 году отечественными судами в рамках гражданского судопроизводства было рассмотрено 294 945 дел о расторжении брака супругов, имеющих детей, в 2021 году эта цифра увеличилась и составила 349 111 [3]. Прирост за календарный год составил 16 %. Самыми распространенными исками отцов являются категории дел, связанные с вопросами воспитания несовершеннолетних, с лишением матери родительских прав, также немало обращений по вопросам взыскания алиментной задолженности и вопросам, касающимся определения места жительства ребенка с отцом [4, с. 54].

Следует подчеркнуть, что в рамках судебной защиты отцовских прав происходит реализация отцами их абсолютного, то есть неотчуждаемого, права на судебную защиту. В первую очередь это право заключается в возможности обращения в суд, а также в возможности получения судебной защиты, которая предусматривает в том числе обязательность исполнения судебного решения.

Помимо Основного Закона РФ, право отцов на судебную защиту декларируется рядом международных документов, среди которых можно выделить Международный пакт о гражданских и политических правах, Конвенцию о защите прав человека и основных свобод, Всеобщую деклара-

цию прав человека. Все перечисленные акты в той или иной степени регулируют вопросы, связанные с защитой отцовских прав.

Особо подчеркнем, что фактически защита прав отцовства в Российской Федерации может вестись в нескольких видах судопроизводства. Так, на сегодняшний день она ведется в гражданском, административном и уголовном судопроизводствах.

Сразу несколько категорий дел могут быть рассмотрены посредством гражданского судопроизводства, например, наиболее частыми являются споры об определении места жительства несовершеннолетнего, по защите прав родителей, проживающих отдельно от ребенка, об устранении препятствий в общении с ребенком; дела о возвращении родителю ребенка, который удерживается иным лицом не на основании закона или судебного акта и прочие споры.

При административном судопроизводстве часто рассматриваются дела, связанные с ответственностью родителей за совершение действий, нарушающих права детей на общение с их вторыми родителями и иными близкими родственниками. Кроме того, часто можно встретить практику намеренного сокрытия места нахождения детей, которое совершалось помимо воли несовершеннолетних. Также нередко в административном судопроизводстве разрешаются дела о неисполнении матерью судебного решения об определении места жительства ребенка с отцом. Все вышеперечисленное подтверждается наличием обширной судебной практики [5].

Необходимо отметить, что в рамках уголовного судопроизводства защита отцовских прав также может быть реализована. Фактическое содержание такого рода защиты подразумевает под собой обеспечение защиты прав, нарушенных совершенными преступлениями. Как справедливо отмечают М. В. Мархгейм и П. А. Деревянко относительно защиты института отцовства в порядке уголовного судопроизводства, обвинительный приговор является своего рода гарантом для признания права потерпевшего на защиту, заставляет виновного понести наказание и возместить убытки [6, с. 112].

Более того, защита отцовских прав может происходить в такой процессуальной форме деятельности, как конституционное судопроизводство. Важно подчеркнуть, что решения, выносимые КС РФ, имеют окончательный характер, то есть не могут быть обжалованы. Защита прав отцовства в рамках конституционного производства ярче всего прослеживается при рассмотрении конституционных жалоб отцов, при проверках конституционности действующего законодательства, а также в связи с запросами нижестоящих судов. Однако, к сожалению, Конституционный Суд РФ редко становится на сторону отцов. Об этом свидетельствует отрицательная судебная практика.

Так, Конституционный Суд РФ довольно часто отказывает отцам даже в принятии жалобы к рассмотрению судом при обращении отцов в связи с нарушением их конституционных прав. Так, при обращении отцов с заявлениями об оспаривании п. 3 ст. 65 Семейного кодекса РФ суд часто отказывает в принятии жалобы к рассмотрению на том основании, что нормы, на которые ссылаются заявители, не могут быть оценены как антиконституционные [7]. Также Конституционный Суд РФ часто добавляет, что к его компетенции не относятся «установление и исследование фактических обстоятельств конкретного дела» [8]. Подобная формулировка фигурирует в большом количестве определений.

Отказывает суд и в принятии к рассмотрению жалоб относительно защиты прав отдельно проживающего родителя и устранению препятствий в общении с ребенком [9].

Заслуживает особого внимания оспаривание родителем положений ст. 21 Федерального закона РФ № 114-ФЗ. Исходя из анализа вышеупомянутой нормы, в случаях несогласия родителя на вывоз несовершеннолетнего за пределы Российской Федерации ему необходимо обратиться за защитой своих прав и прав несовершеннолетнего в судебные органы и разрешать вопрос в рамках судебного разбирательства [10].

Так, истец обратился в КС РФ за защитой нарушенных прав, ссылаясь на то, что ранее нижестоящими судами было признано право на выезд его бывшей жены с несовершеннолетним ребенком за пределы РФ на постоянное жительство, важно подчеркнуть, что в данном деле не было речи о выезде с целью лечения, получения образования, отдыха и так далее. Такой выезд подразумевает невозможность отцом осуществления его фундаментальных родительских прав, например, такого, как право воспитывать собственного ребенка. Кроме того, в таком случае нарушаются права и интересы самого несовершеннолетнего, а именно право не быть разлученным со своими родителями, корреспондированное международными конвенциями [11].

Тем не менее в рассматриваемом деле Конституционный Суд РФ отказал отцу-заявителю в принятии его жалобы к рассмотрению, указав, что родитель злоупотребляет своими правами и в

целом у КС РФ отсутствуют полномочия на рассмотрение фактических обстоятельств дела [12]. На наш взгляд, указанная позиция не представляется верной по причине того, что злоупотребления правом со стороны отца фактически не имело место быть. Помимо того что отец действовал в своих интересах, в первую очередь он исходил из интересов своего несовершеннолетнего ребенка.

На данном этапе представляется возможным сделать вывод о том, что существует большое количество жалоб, поступающих от отцов и, к сожалению, остающихся без должного разрешения, что свидетельствует о наличии проблем в данной области, недостаточно эффективном правовом регулировании института отцовства, низком уровне правовой защищенности отцовства. Такие обстоятельства диктуют необходимость в модернизации действующей системы защиты.

На основании изложенного очевидно, что целесообразно провести реформирование и улучшить систему защиты отцовских прав. Это может быть реализовано посредством внедрения сразу нескольких механизмов:

1) создание новых информационных систем, предназначенных для автоматизации процессов поиска информации о родителях, с целью уменьшения бюрократизации либо трансформирование функционала уже имеющихся систем;

2) регулярное повышение квалификации судей, а также создание в судах специализации (т. е. разграничение рассмотрения дел между судьями, исходя из их специализации);

3) в действующей семейно-правовой политике уделить особое внимание проблемам, связанным с защитой прав и интересов отцов, предоставив им больше мер социальной поддержки;

4) устранять противоречия в судебных решениях, стремиться к единообразному применению закона;

5) в силу того, что правовой защите отцовства должным образом не уделено внимание и она в целом не представляется эффективной в рамках действующей правовой действительности, нами предлагается расширение полномочий прокурора, а именно полагаем целесообразным дополнить действующее законодательство нормой о том, что прокурор вправе обратиться с иском о защите нарушенных прав и интересов отцов при обращении к нему последних с заявлением;

6) особую важность представляет правовое просвещение населения, в том числе посредством функционирования правозащитных организаций, целью которых является повышение значимости и роли отцовства в современном российском обществе.

К большому сожалению, мы можем констатировать, что в настоящее время вопросам построения эффективной системы защиты института отцовства уделяется не так много внимания со стороны государства. Представляется, что предложенные нами пути решения проблемных аспектов в области защиты прав и интересов отцов в полной мере

отвечают нынешним потребностям. Подобные изменения будут способствовать эффективному правовому регулированию, повышению качества защиты института отцовства, устранению пробельности действующего отечественного законодательства.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002014031000&docid=1>.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 16 ноября 2018 г. № 43-П «По делу о проверке конституционности части первой статьи 44 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. Б. Болчинского и Б. А. Болчинского» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311377.
3. Судебная статистика РФ. URL: <https://sudstat.ru> (дата обращения: 19.07.2022).
4. Ильина О. Ю. Права отцов: де-юре и де-факто. Москва: Городец, 2007, 192 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19774201>. EDN: <https://elibrary.ru/qqsrtx>.
5. Решение Новосибирского областного суда от 13 июня 2017 г. № 7-373/2017; Решение судьи Вельского районного суда Архангельской области от 26 апреля 2017 г. № 12-34/2017; Решение Кемеровского областного суда от 10 августа 2016 г. № 21-948-16; Решение судьи Центрального районного суда г. Омска от 19 мая 2017 г. № 12-225/2017. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/uXUtX2X4qfb>, <https://sudact.ru/regular/doc/nNBIOsXuIDrQ>, <https://base.garant.ru/143265845>; <https://sudact.ru/regular/doc/d7H56N3eBYVO>.
6. Мархгейм М. В., Деревянко П. А. Институт отцовства в России: проблемы конституционно-правовой теории и практики: монография. Ростов-на-Дону: РостИздат, 2012. 150 с. URL: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/5698/1/Marhgeim_Institut_Otzov.pdf.
7. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1201 от 28.05.2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белкина Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28052020-n-1201-o>.
8. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1200 от 28.05.2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Тагиева Дениса Вагифовича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28052020-n-1200-o>.
9. Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1688-О/2015 от 16.07.2015 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Пищерева Максима Евгеньевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 54, пунктом 1 статьи 55, пунктом 1 статьи 63, пунктом 1 статьи 66 и пунктом 1 статьи 68 Семейного кодекса Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/71186420>.
10. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 14.07.2022) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ, 19.08.1996, № 34, Ст. 4029. URL: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1001996034000&docid=561>.
11. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20 ноября 1989 г.). Ратифицирована Постановлением ВС СССР 13 июня 1990 г. № 1559-1 // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959.
12. Определение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Малинина Алексея Николаевича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 26.11.2018 № 3084-О. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-3084-o>.

References

1. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12 dekabrya 1993 g.)* [Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993)]. *SZ RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2014, no. 31, Article 4398. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1002014031000&docid=1> [in Russian].
2. *Postanovlenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16 noyabrya 2018 g. № 43-P «Po delu o proverke konstitutsionnosti chasti pervoi stat'i 44 Grazhdanskogo protsessual'nogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii v svyazi s zhalobami grazhdan A. B. Bolchinskogo i B. A. Bolchinskogo»* [Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation as of November 16, 2018 № 43-P «With regard to case of checking the constitutionality of the first part of Article 44 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaints of citizens A.B. Bolchinsky and B.A. Bolchinsky»]. Retrieved from the legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311377 [in Russian].
3. *Sudebnaya statistika RF* [Judicial statistics of the Russian Federation]. Available at: <https://sudstat.ru> (accessed 19.07.2022) [in Russian].

4. Ilyina O. Yu. *Prava ottsov: de-yure i de-facto* [Fathers' rights: de jure and de facto]. Moscow: Gorodets, 2007, 192 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19774201>. EDN: <https://elibrary.ru/qqsrxtx> [in Russian].
5. *Reshenie Novosibirskogo oblastnogo suda ot 13 iyunya 2017 g. № 7-373/2017* [Decision of the Novosibirsk Regional Court dated June 13, 2017 № 7-373/2017]; *Reshenie sud'i Vel'skogo raionnogo suda Arkhangel'skoi oblasti ot 26 aprelya 2017 g. № 12-34/2017* [Decision of the judge of the Velsky district court of the Arkhangel'sk region dated April 26, 2017 № 12-34/2017]; *Reshenie Kemerovskogo oblastnogo suda ot 10 avgusta 2016 g. № 21-948-16* [Decision of the Kemerovo Regional Court dated August 10, 2016 № 21-948-16]; *Reshenie sud'i Tsentral'nogo raionnogo suda g. Omska ot 19 maya 2017 g. № 12-225/2017* [Decision of the judge of the Central District Court of Omsk dated May 19, 2017 № 12-225/2017]. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/uXUtX2X4qfb>, <https://sudact.ru/regular/doc/nNBIOsXulDrQ>, <https://base.garant.ru/143265845/> [in Russian];. Available at: <https://sudact.ru/regular/doc/d7H56N3eBYVO> [in Russian].
6. Markhgeim M. V., Derevyanko P. A. *Institut ottsovstva v Rossii: problemy konstitutsionno-pravovoi teorii i praktiki: monografiya* [Institute of paternity in Russia: problems of constitutional-legal theory and practice: monograph]. Rostov-on-Don: RostIzdat, 2012, 150 p. Available at: http://dspace.bsu.edu.ru/bitstream/123456789/5698/1/Marhgeim_Institut_Otzov.pdf [in Russian].
7. *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации №1201 от 28.05.2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Белкина Алексея Сергеевича на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1201 dated May 28, 2020 «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksey Sergeevich Belkin about the violation of his constitutional rights by paragraph 3 of Article 65 of the Family Code of the Russian Federation»]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28052020-n-1201-o> [in Russian].
8. *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации №1200 от 28.05.2020 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Tagieva Denisa Vagifovicha на нарушение его конституционных прав пунктом 3 статьи 65 Семейного кодекса Российской Федерации»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1200 dated May 28, 2020 «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Denis Vagifovich Tagiev about the violation of his constitutional rights by paragraph 3 of Article 65 of the Family Code of the Russian Federation»]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28052020-n-1200-o> [in Russian].
9. *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации № 1688-О/2015 от 16.07.2015 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Pishchereva Maksima Evgen'evicha на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 54, пунктом 1 статьи 55, пунктом 1 статьи 63, пунктом 1 статьи 66 и пунктом 1 статьи 68 Семейного кодекса Российской Федерации»* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation № 1688-О/2015 dated July 16, 2015 «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Maxim Evgenyevich Pischerev about the violation of his constitutional rights under paragraph 2 of Article 54, paragraph 1 of Article 55, paragraph 1 of Article 63, paragraph 1 of Article 66 and paragraph 1 of Article 68 of the Family Code of the Russian Federation»]. Available at: <https://base.garant.ru/71186420> [in Russian].
10. *Federal'nyi zakon ot 15.08.1996 № 114-FZ (red. ot 14.07.2022) «O poryadke vyezda iz Rossiiskoi Federatsii i v'ezda v Rossiiskuyu Federatsiyu»* [Federal Law as of August 15, 1996 № 114-FZ (as amended on July 14, 2022) «Concerning the Procedure for Exit from the Russian Federation and Entry into the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 19.08.1996, no. 34, Article 4029. Available at: <https://www.szrf.ru/szrf/doc.php?nb=100&issid=1001996034000&docid=561> [in Russian].
11. *Konventsiya o pravakh rebenka (odobrena General'noi Assambleei OON 20 noyabrya 1989 g.). Ratifitsirovana Postanovleniem VS SSSR 13 iyunya 1990 g. № 1559-1* [Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on November 20, 1989). Ratified by the Decree of the USSR Supreme Council on June 13, 1990 № 1559-1]. Retrieved from legal reference system «ConsultantPlus». Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959 [in Russian].
12. *Opreделение Конституционного Суда Российской Федерации «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Malinina Alekseya Nikolaevicha на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 21 Федерального закона «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 26.11.2018 № 3084-О* [Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation «On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Aleksey Nikolaevich Malinin about the violation of his constitutional rights by part one of Article 21 of the Federal Law «Concerning the Procedure for Exit from the Russian Federation and Entry into the Russian Federation» dated November 26, 2018 № 3084- O]. Available at: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-26112018-n-3084-o> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2022
рецензирования: XX.XX.2023
принятия: XX.XX.2022

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. Иванов

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванов В. В., 2023**

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2022
Revised: XX.XX.2023
Accepted: XX.XX.2023

ARTICLE TITLES

V. V. Ivanov

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaia institutsionalizatsiia grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, Vol. 9, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© **Ivanov V. V., 2023**

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)